

**Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы
Институт славяноведения РАН
Башкирский государственный университет**

**АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ X–XXI вв.**

**XXXV СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Уфа, 20–23 сентября 2016 г.

**Москва
2016**

ББК 63.3(2)
А 25

**XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы
проводится при финансовой поддержке РГНФ
Проект № 16-01-14032г**

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (отв. ред.), В.А. Ильиных, А.И. Комиссаренко,
М.Д. Карпачев, В.Д. Назаров, В.Н. Никулин, Н.В. Соколова

**А 25 Аграрное освоение и демографические процессы в
России X–XXI вв. : XXXV сессия Симпозиума по аграрной
истории Восточной Европы : Тезисы докладов и сообщений :
Уфа, 20–23 сентября 2016 г. – М.: ИСл РАН, 2016. – 256 с.**

ISBN 978-5-7576-0362-9

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7576-0362-9

© Коллектив авторов, 2016
© Оргкомитет Симпозиума по аграрной
истории Восточной Европы, 2016

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ 1 СЕКЦИИ
Киевская Русь – середина XIX в.

Е.Н. Швейковская¹

**О константных признаках демографического
и земледельческого развития в России
в средневековье и новое время**

Характерной особенностью аграрной истории России был многовековой процесс продвижения населения на новые территории и их хозяйственное освоение. Он был обусловлен уровнем государственно-политического и социально-экономического развития в их взаимодействии. Доминирующую роль в долговременно длившемся (XIII–XVIII вв.) колонизационном движении играло земледельческое освоение в сочетании с промысловым. Продвижение населения по все более расширяющимся территориям Руси / России и их введение в сельское хозяйство не было поступательным ходом по восходящей, но в отдельные периоды испытывало резкие спады, что зависело от сочетания разных факторов: внешне- и внутривосточных, природно-климатических. Такими, например, в разные периоды были: катастрофическая убыль населения и его пространственно-территориальные подвижки во время монголо-татарского нашествия XIII в., сильное падение демографических показателей и экономического уровня во время опричнины, смуты начала XVII в., что вело к кризисному состоянию, в том числе в аграрной сфере.

В масштабном процессе освоения отчетливо выделяются по меньшей мере два типа. Один – *внешний*, он представлен переселением в совершенно новые области, причем удаленные от изна-

¹ Швейковская Елена Николаевна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Россия, г. Москва, inslav@inslav.ru

чальных мест на значительное расстояние. Другой – *внутренний*, его составляет передвижение в пределах относительно близкой, достигаемой округи, при котором продолжается освоение в старо-земледельческих районах. Оба типа взаимосвязаны, причем второй может быть одним этапом или несколькими разновременными, продолжающимися на пути длительного перемещения во вновь осваиваемый регион. Для обоих типов первична роль демографического компонента по отношению к земледельческому. Все же демографический – более существенен для внешней, пионерской колонизации нежели для внутренней. Социально модифицированные группы населения двигались в совсем новые, далекие земли (на Европейский Север и / или в Сибирь), искали в них места, пригодные для жизни и приложения труда. В соответствии с обозначенными типами колонизации определяется и значимость миграций: а) первичная, вовне и б) внутренняя.

Главными путями движения населения на протяжении многих веков были реки. По ним перемещались с XII–XIII вв. славянские колонисты, а позже и по XVIII в. включительно русские первопоселенцы, занимавшие в сравнении с прежним местом выхода иные территориальные анклавные разного масштаба. Генеральным объектом аграрного освоения было селение как место обитания и ведения земледельческого хозяйства. Уже первичное поселение отвечало ряду требований, обеспечивавших прежде всего жизнедеятельность человека – источник питьевой воды, земельный участок, пригодный для заведения земледелия, рыбные и охотничьи угодья. На начальных этапах освоения преобладало потребительское хозяйствование с тесной связью промыслов и земледелия, с постепенным расширением последнего. Однако при росте земледельческой культуры доходы от реки и леса сохраняли свою роль.

В ходе освоения естественным образом сложилась рациональная номенклатура селений: починок (займище) – деревня (село) – пустошь (селище). Такова эволюционирующая во времени триада существования почти любого селения, причем с вероятным повтором, воссозданием фаз, что, во-первых, зависело от разных объективных

обстоятельств (исторических или/и климатических, экологических) и, во-вторых, вело к изменению демографических показателей и стадий земледельческого освоения. В земледелии в зависимости от зональности регионов, состава и плодородия почв освоение развивалось следующим образом: первичная расчистка (заимка) с пробным посевом – подсеčný участок – двуполье – трехполье. Нарращивание окультуренных площадей базировалось на паро-зерновой системе земледелия с трехпольным севооборотом. Перелог и подсека как способы полеводства дополняли регулярный севооборот. Нередко в хозяйствах крестьян одновременно существовали и по-разному сочетались названные системы земледелия, что объяснялось как географическим положением, так и составом почв в пределах района и отдельных его микроландшафтов.

Мерой, стимулирующей развертывание аграрного производства, была податная льгота. Ее использовали феодальные владельцы разных рангов, будь-то светские (вотчинники, помещики), монастырско-церковные, а также дворцовые и/или княжеско-государственные управители в черносошных волостях. Разные сроки льготы обуславливались состоянием участка, который крестьянин брал на освоение – целинный или давнего запустения, его размером и хозяйственной посильностью. По истечении льготного срока земля, введенная в земледельческий цикл включалась в разряд тяглой или оброчной с соответствующими платежами.

Существовали две организационные формы, в которых воплощалось освоение: вольная, народная и организованная, правительственная. Они по-разному варьировали в зависимости от уровня социально-экономического развития и организационных мер, которые предпринимала государственная власть по аграрному освоению земель новых регионов и регулированию миграционных потоков.

В целом, для процесса освоения за многовековую эпоху развития русской государственности были характерны взаимозависимые демографические и земледельческие пульсации, а также трансформации как двух указанных типов колонизации – внешней и внутренней, так и двух ее ведущих форм – народной и правительственной.

М.Б. Свердлов¹

**Государство и сельская община
в аграрном освоении земель на Руси X–XII вв.**

1. В предшествующей почти трехвековой историографии вследствие разных теоретических концепций государство как социально-политическая и правовая система не учитывалось в его взаимодействии с сельской общиной в процессе аграрного освоения раннесредневековой Восточной Европы или они противопоставлялись.

2. На современном уровне изучения аграрной истории Восточной Европы установлено, что в VIII–IX вв. восточные славяне активно расселялись по речным и приозерным долинам вследствие их легких почв и обеспечения всем необходимым для ведения комплексного хозяйства. В процессе этого и последующего древнерусского расселения в лесной зоне Восточной Европы происходил процесс преимущественно мирной ассимиляции и интеграции финно-угорских и балтийских племен, которым было свойственно добывающее хозяйство (И.И. Ляпушкин, В.В. Седов, Е.Н. Носов и др.). Более сложно осуществлялось расселение восточных славян в лесостепной и степной зоне, где набеги тюрков кочевников и народов, находившихся в процессе переселения (венгры-угры), уничтожали восточнославянские поселения (городище Новотроицкое конца IX в. на р. Псел). На данной стадии исторического процесса аграрное освоение Восточной Европы осуществлялось восточными славянами и Древнерусским государством на потестарной стадии развития второй половины IX – первой половины X в. (М.Б. Свердлов) в составе социально-политических структур племен и племенных княжений. Объективными факторами внутренней колонизации занимаемых территорий, их аграрного освоения являлись тогда демографический рост, подсечно-огневая система земледелия, лесной и луговой перелог.

¹ *Свердлов Михаил Борисович*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, г. Санкт-Петербург, sverdlovmb@mail.ru

3. После формирования политически единого Древнерусского государства во второй половине X в. проблема княжеской (государственной) защиты сельского населения как основной части населения, которое находилось под угрозой внешних нападений, постоянно осознавалась князьями. В словесной формулировке она известна в летописном изложении речи Владимира Мономаха на Долобском княжеском съезде в ответ на нежелание дружины Святополка Изяславича воевать против половцев весной, мобилизовав смердов в ополчение или их коней в качестве подводной повинности, и тем самым погубить смердов и их пашню. Как сказал Владимир Мономах по летописной записи, «<...> а сего чему не промыслите, оже то начнуть орати смерд, и, приехав, половчин ударить стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?» (по Лаврентьевскому списку Повести временных лет, под 6611/1103 г.; текст приведен в упрощенной транскрипции).

4. Князья защищали русское сельское население походами на кочевников (Ярослав Мудрый своими нападениями на печенегов заставил их откочевать на запад), строительством по левым и правым притокам Днепра пограничных оборонительных линий и городов-крепостей. Усовершенствование в XII–XIII вв. рала вследствие появления асимметричного наральника, распространение в качестве легкого пахотного орудия одноколой, двуколой и трехколой сохи создали условия для освоения почв на водоразделах и тем самым расширили возможности аграрного освоения территорий в процессе внешней и внутренней сельской колонизации. Новгородская колонизация в Белозерье и далее на север в Подвинье, в Пермь и Печору (Н.А. Макаров и др.) соединила государственную и сельскую внешнюю колонизацию, создав условия для их аграрного освоения на преимущественно «добрых» землях этих регионов. Владимир Святославич и Ярослав Владимирович маркировали пределы своего государства городами-крепостями, названными их именами, тем самым защищая мирный труд местного сельского населения.

5. Лично свободное сельское население, *смерды*, *люди*, являлось составной частью государственной системы. С X в. они пла-

тили подати, *дани*, от дома-дыма – хозяйства малой семьи. Позднее появилось обложение плуга или рала – единицы пахотной площади. Лично свободное сельское население исполняло также повинности воинскую и дорожную, *повоз, подводу*. Подати, поступавшие в княжескую казну, имели двойное содержание. Одна их часть становилась рентой в виде феодалов-денег – материальным обеспечением за службу князю, другая часть использовалась на общегосударственные нужды – строительство городов, оборонительных линий, повозная повинность, возможно, вооружение ополчений. Вероятно, ответственность за исполнение податей и повинностей была индивидуальной или малосемейной.

6. Вербь как соседская община (о таком ее качестве свидетельствует свобода участия в *дикой вире* – коллективной выплате судебного штрафа за убийство) обладала, по Правде Русской, двойственной природой. Она являлась государственным институтом, поскольку была по отношению к князю (государству) юридическим лицом и на нее распространялась верховная княжеская юрисдикция. В то же время она обладала правом внутренних расследований в связи с преступлениями на ее территории.

7. Такое государственно-правовое единство княжеской, а во второй половине XII – XIII в. также новгородской республиканской системы управления с сельскими общинами позволяет установить, что аграрное освоение древнерусским лично свободным сельским населением в периоды политического единства (вторая половина X – первая треть XII в.) и политической раздробленности (со второй половины XII в.) осуществлялось постоянно вследствие трудовой активности лично свободных смердов, людей и военно-политической активности государства, которое их защищало и расширяло пространство государственной территории. Поэтому в лесной зоне Восточной Европы формировались ополья в качестве фонда старопахотных земель, тогда как двухполье, свойственное земледелию IX–X вв., сменил трехпольный севооборот.

8. Таким образом, не игнорирование особого значения в аграрном освоении Восточной Европы государства как системы или сельской общины как государственного института, не их противо-

поставление, а определяющее единство их интересов при различии средств объясняет аграрное освоение восточнославянским, а позднее древнерусским населением обширных пространств Восточной Европы. При этом необходимо учитывать также конкретное содержание развивающейся агрикультуры в Восточной Европе и традиции добывающего хозяйства у неславянских народов.

Д.А. Антонов¹

Условия и особенности сельского освоения заволжских волостей Нижегородского Поволжья в XIII–XVI вв.

Процессы освоения отдельных районов русских земель имели свои особенности, развиваясь под действием ряда условий. Различия видны при сравнении отдельных земель и на уровне микрорегионов, в том числе в освоении районов Нижегородского Поволжья. Виды источников для изучения этого процесса на территории волжского левобережья различны. Для раннего времени XIII–XV вв. информативны данные археологии и немногочисленные письменные источники, а для XVI в. есть возможность использовать писцовые материалы Узольской дворцовой волости Балахнинского уезда. Сравнение источников, с учетом природных, экономических, социально-политических условий, позволяет определить специфику освоения заволжских волостей.

Природные ландшафты, качество угодий, состав ресурсной базы являлись важными факторами. Характер освоения, формирование поселений, плотность их расположения, специализация, размеры обуславливались различными физико-географическими факторами, наличием тех или иных природных ресурсов. При рассмотрении влияния почвенных условий в XIX в. видно, что освоение района земледельцами, для которых почва основное средство производства, именно ее качество определяло характер расселения – с понижением плодородия почв снижалась плот-

¹ Антонов Дмитрий Александрович, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород, Antarx@yandex.ru

ность населения и поселений. При сравнении карты почв и систем расселения XIII–XVI вв. прослеживается та же зависимость: наибольшее их количество расположено на более плодородных почвах, что объясняется недолгим использованием пашни на участках при подсечно-огневых и комбинированных системах земледелия. На время перелога селение забрасывали нередко на десятки лет, поселение переносилось. Это объясняет наличие, в сравнении с более плодородным правобережьем, значительного количества небольших поселений, частое появление новых в виде починков и их запустение, отсутствие крупных центров. Длительное существование поселений на одном месте определялось использованием ресурсов для промыслов или возможностью получать более стабильные урожаи с полей при условии их удобрения, что способствовало развитию паровой системы с трехпольным севооборотом. Вопрос о развитии животноводства, как источника удобрений, требует оценки ресурсной базы природно-территориальных комплексов. Размеры отдельных сенокосов измерялись в копнах, и сопоставление этих цифр с размерами селений показывает, что наибольшее количество сенных покосов принадлежало деревням с большим количеством дворов. Стоит учитывать место и расположения сенных угодий, что говорит о стратегии выбора места для основания деревни: большей ценностью, а соответственно и величиной поселений, отличались участки у поймы р. Волги.

Как показывают источники, при освоении территории Заволжья бортный промысел у значительного числа населения был основным занятием и лишь дополнялся земледелием. Подобная структура хозяйствования вытекала из ресурсных возможностей – бедность почв и обширность лесов, с наличием травостоя и удобных для устройства бортей, в отличие от правобережья.

Появление большого количества мелких деревень связано было и с военной опасностью (постоянное разорение пограничной территории) и с социально-экономическим фактором – переходами крестьян на новые участки со льготами. Происходило перераспределение населения, и степень его подвижности была выше в

условиях дворцового землевладения. В условиях общего владельца для обширной территории, переход крестьян на новое место, выбор новых угодий был проще, чем при наличии вотчины или поместья, что объясняет и отсутствие в волости сел, как центров хозяйств и внутренней колонизации. Данное условие проявляется и в XIII–XIV вв. – мелкие поселения при наличии одного княжеского центра и отсутствии крупных сельских центров.

Источники XVI в. иллюстрируют повторную колонизацию Заволжья после запустения (отсутствие поселений XV в., малодворность деревень, 40 % починков), с началом складывания общины-волости. Наиболее крупный пункт – стан. Часто деревни названы по именам жителей-основателей. Есть записи и о том, что земли даются с условием расчистки леса. О повторном заселении говорит название центрального поселения «стан», сменившееся в ходе административно-хозяйственного развития на «погост». Термин, характерный для северо-запада и не распространенный в Нижегородском Поволжье, обозначающий опорный пункт заселения. Основание стана, как начальный пункт освоения г. Балахной заволжских земель, могло быть связано и с промысловым интересом. О процессе внутренней колонизации говорит и характер системы расселения: слаборазвитая иерархическая структура поселений с отсутствием крупных сел как административно-хозяйственных центров. Только к концу века появляется второй погост, а значительное количество сел появляется только в XVII в.

Система поселений Узольской волости XVI в. – «погостная» система расселения, преобладающая в лесной зоне в XVI–XVII вв.: система двух типов основных селений – погостов, как общинных центров и тяготевших к ним мелких селений. Она могла быть сложной: малодворной деревне принадлежала группа селений, связанных с временными угодьями. Характер системы – дисперсный, с разреженным распределением деревень на местности, повторял систему XIII–XIV вв., выделенную по археологическим данным. По своей структуре она тяготела к тверскому или северо-западному варианту.

В.Д. Назаров¹

**Формы и виды земельной собственности
как факторы внутренней колонизации (XV – середина XVI в.)**

В совокупности факторов аграрного освоения территорий, которые мы для названной эпохи условно обозначает как Северо-Восточная Русь, формам и видам собственности на землю принадлежала отнюдь не определяющая роль. Таковыми были природно-климатические условия, природный ландшафт в региональном и локальном измерении, демографический фактор, целевой (землевладельческий или промысловый) характер освоения. Выбор хронологических рамок обусловлен климатическими переменами, особенно со 2-й половины XVI в. (малый ледниковый период), постоянными военными угрозами извне (Золотая Орда) и перманентными межкняжескими войнами внутри, что имело следствием интервальный характер внутренней колонизации и слабое развитие обеих форм частного землевладения (вотчинного и условного) в XIII – XIV вв. Фактор внешней угрозы отнюдь не исчерпывался разорительными набегами отрядов ордынцев, но в еще большей мере тяжестью регулярно выплачиваемой в Орду дани, что заметно лимитировало экономические предпосылки внутренней колонизации.

Есть и источниковые ограничения. Немногие документальные источники, сохранившиеся по преимуществу в архивах митрополичьей кафедры, ряда монастырей и лишь отчасти государственных учреждений датируются именно XV– первой половиной XVI в.

Как известно, с конца XIV в. Северо-Восточная Русь – это совокупность формально самостоятельных великих и стольных княжеств. На таком уровне государственная собственность фиксируется как собственность глав данных государственных образований, а в Московском великом княжении с конца XIV в. великий князь дополнительно имел права собственности на домен Владимирского великокняжеского стола. В рамках отдельных княжеств субъектами прав собственности были великие/стольные, а также удельные князья, причем в обоих случаях налицо две формы функционирования: княжеская

¹ Назаров Владислав Дмитриевич, Институт всеобщей истории, Россия, г. Москва,

(черная) волость и совокупность княжеских путей (конюшего, стольничего, чашничего, ловчего, сокольничего). В рамках государственной (княжеской) собственности при наличии политических и демографических предпосылок условия для процессов внутренней колонизации были, пожалуй, наиболее предпочтительными. Это большие возможности налоговых льгот, судебной и административной защиты, организационная помощь в становлении слободок (прежде всего в пограничных землях). Причем именно в рамках государственной собственности в процессах освоения активно участвовало не только крестьянское население (его ведущая роль не подлежит сомнению), но и средние и низшие слои княжеских слуг, вольных и невольных. Важно, что именно на землях княжеских путей еще в XV в. мы наблюдаем вполне ощутимое развитие мелкого условного частного землевладения под условием специфических служб. Впрочем, есть отдельные примеры аналогичных явлений в княжеских (черных) волостях, в вотчинах московской митрополии (в данном отношении она уподобляется удельному княжеству) и владычных кафедр.

Понятно, что по мере сокращения княжих волостей за счет ускоренного развития частнофеодальных вотчин первой генерации в конце XIV – XV в., менялся удельный вес государственной собственности в процессах колонизации и способы ее воздействия. Впрочем, становление единой территории Российского государства, концентрация прав собственности в руках московского великого князя привели к двум принципиально важным изменениям. Во-первых, конфискации государственных и частнофеодальных (боярских) земель создали объемную базу для массового и можно сказать одномоментного (конец XIV – первая четверть XVI в.) испомещения служилых людей разных социальных статусов. Так возникла и стала развиваться ускоренными темпами поместная система. Ее роль в процессах колонизации противоречива. С одной стороны, возможная хозяйственная инициатива помещиков строго лимитировалась официально установленными размерами поместья, а также тяжестью военной службы. С другой стороны, поместная система оказалась достаточно действенной при освое-

нии новых территорий в южном пограничье в первой половине XVI в. и в результате завоеваний (середина XVI в.).

Оценивая действительность частной светской вотчины в процессах колонизации, подчеркнем следующие обстоятельства. Во-первых, отсутствие права майората приводило на протяжении двух-трех поколений к измельчанию вотчинных комплексов и к отсутствию строгой территориальной привязки. Имеем в виду нетитулованные фамилии и роды, а также те княжеские фамилии, которые не имели родовых вотчин с владетельным прошлым. Во-вторых, налицо значительные особенности в мобилизации и функционировании светской вотчины. До 1485 г. оборот вотчинных земель был закрыт границами великих/стольных княжеств. Внутри самих княжеств существовали заметные различия в правовом режиме вотчин (в частности, в сроках права на родовой их выкуп) на разных территориях. Наконец, заметны существенные различия в функционировании родовых вотчин представителей правящего княжеского дома в тех или иных самостоятельных княжествах в сравнении с иными вотчинами. Причем эти различия в немалой мере сохранялись и после включения княжеств в состав Московского великого княжения и перехода членов правящего княжеского дома на статус служебных князей московского правителя.

Названные особенности, безусловно, ограничивали возможный ареал светской вотчины в процессах колонизации. Но были у светской вотчины, прежде всего, крупной, немалые плюсы. Прежде всего, это политический (мера близости к правящему суверену) и экономический потенциал, а также организационный и трудовой резерв (служилые люди, холопы и страдники считались порой у таких лиц многими десятками). К тому же, именно вотчинная знать (титулованная и нетитулованная) активно осваивала с конца XIV в. территории, попадавшие разными способами в состав владений московского великого князя (Волок Ламский, Бежецкий Верх, Вологда, Ростов, Суздаль, Нижний Новгород). Кризис светской вотчины первой генерации, ясно обозначившийся к середине XVI в. и ставший оборотной стороной становления и развития по-

местной системы, положил конец ее масштабному участию в процессах внутренней колонизации и реколонизации.

Роль монастырской вотчины в процессах колонизации особенно заметна на северных, восточных и юго-восточных окраинах даже в тех случаях, когда речь идет не о местных обителях, а о столичных или же подмосковных. Дополнительным стимулом были устоявшиеся с конца XIV в. практики заупокойных земельных вкладов, нередко в виде пустошей и селищ. На устойчивость процессов восстановления пашенной культуры влияли принцип неотчуждаемости церковных земель, практики отдачи в пожизненное владение под условия возрождения хозяйственной деятельности, материальные возможности монастырской казны.

Итак, формы и виды земельной собственности не играли решающей роль в аграрном освоении (восстановлении) старых и новых территорий в Северо-Восточной Руси. Но при сравнительно благоприятных объективных предпосылках (природных и политических) значимыми в данных процессах были государственная собственность и частная вотчина, прежде всего, светская.

А.А. Фролов¹

Поселенческие структуры XV–XVIII вв.: от картографирования к анализу²

Поселенческие структуры прошлого изучаются в основном методами археологии и исторической географии. Для периода русской истории до конца XV в. первые господствуют, но позднее все более возрастает роль второй – по мере появления в распоряжении историка поземельных описаний. Потенциально сохраняются и возможности изучения той же позднесредневековой сети поселений археологически, но обычно они остаются нереализованными, а приблизительность привязки к местности методами исторической географии – одно из жестких ограничений последующего

¹ *Фролов Алексей Анатольевич*, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Россия, г. Москва, nrkfrolov@rambler.ru

² Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №14-18-02121.

использования результатов картографирования для анализа. Как же эти ограничения преодолеть и какие результаты может дать пространственный анализ? К сожалению, на практике такой анализ позднесредневековых поселенческих структур до сих пор не предпринят. Единичный опыт «модельного подхода» (Л.Г. Степанова) не меняет общей картины, к тому же он слишком уязвим для критики (как общая методика, так и способ обращения с источниками).

Карта исторических поселений способна соединить их свойства, известные из источника, с пространственными характеристиками. Анализ комплекса этих данных позволяет оценивать антропогенную нагрузку на ландшафт и степень соответствия фактической структуры оптимальному геоэкологическому балансу – залогу устойчивости агрогеосистемы. Структура может быть охарактеризована через коэффициент ближайшего соседства поселений, среднюю плотность локализованных поселений, их размер, распределение селений по ландшафтам и высотным уровням, связь с природными и антропогенными аттракторами, обеспеченность угодьями. Первостепенным, однако, является вопрос о качестве самой реконструкции системы расселения.

Современные методики картографирования селений конца XV–XVII в. достаточно сложны. У их истоков лежат работы А.М. Андрияшева (он привлек к анализу планы Генерального межевания (далее – ГМ), сохранившие традиционную топонимику наиболее полно) и М.В. Витова (он различал степень точности локализации объектов). Но неполнота и неодинаковая точность создаваемых карт учитывались исследователями по-разному. До сих пор проблема осознана не вполне, а предлагаемые карты-реконструкции часто воспринимаются пользователем как аналог современной карты. Селение XV–XVII вв. очень часто отождествляется по названию с пустошью ГМ, но ее положение, как правило, может быть определено лишь в границах соответствующей земельной дачи ГМ. Конфигурация и размер каждой дачи индивидуальны, поэтому различна и точность локализации пустошей, принадлежащих различным дачам, а значит и соответствующих писцовых селений.

Анализ расположения картографированных объектов в пространстве имеет смысл только когда на рассматриваемой территории большинство селений локализовано – во-первых, и локализовано достаточно точно – во-вторых. Точных пороговых значений указать нельзя, но очевидно, что выборка, не обладающая относительной полнотой и точностью локализации, нерепрезентативна.

Как учесть неодинаковую точность локализации каждого поселения? В Атласе Деревской пятины для этого отдельным томом был опубликован полный комплект уездных карт ГМ на соответствующую территорию (А.А. Фролов, Н.В. Пиотух). Развивая этот метод с помощью инструментов геоинформационной системы (ГИС), можно обратиться к геометрии дач ГМ: будучи геокодированы, границы дач укажут нам и на пределы, в которых находилось селение, и на площадь, которую дача занимает. Но привязка земельных дач по уездным картам XVIII в. слишком неточна, а по математической основе съемки, которая есть на каждом плане дачи, – весьма трудоемка. Альтернативный способ состоит в оценке точности локализации через значение площади соответствующей дачи ГМ, приведенной в Экономических примечаниях.

Кроме того, для каждого селения писцовых книг необходимо указать, какую долю составляют локализованные пункты от общего числа селений данного земельного владения. Почти всегда деревни одного владения образуют компактный массив, так что эта доля является индикатором полноты, с которой на данной территории реконструирована поселенческая структура.

Оперируя этими двумя параметрами как количественными признаками, можно выделять (лучше всего – средствами ГИС) сплошные массивы земель, для которых анализ пространственных аспектов имеет смысл. Теперь задача сводится к тому, чтобы, варьируя показатели полноты и точности локализации исторических поселений, найти меру, позволяющую наиболее удачно, с точки зрения конкретных исследовательских задач, анализировать достаточно большую территорию, на которой достаточно полно и точно реконструирована поселенческая структура. В зависимости

от выбранных пороговых значений соответствующих полей формируемая выборка будет включать большее или меньшее количество объектов, образующих более или менее компактные массивы. Даже в масштабах хорошо исследованной Деревской пятины (более 30000 км²) таких массивов оказалось немного.

Н.В. Соколова¹

Церковь/монастырь как полиморфный маркер сельского расселения (на материалах Нижегородского Поволжья XV – первой четверти XVII в.)

Целью исследование является изучение того, в какой мере такие элементы текста как «церковь» и «монастырь» – в актовых источниках, документах писцового делопроизводства или хозяйственных книгах – могут служить в качестве маркера сельского расселения. Анализ нижегородских писцовых и межевых книг 1620-х гг. писцов Д.В. Лодыгина, В.И. Полтева и дьяка Дементия Образцова и ранее предпринимавшихся попыток картографирования их топонимов (А.А. Давыдова; П.В. Чеченков, Д.А. Черненко) показал, что для большей репрезентативности источников изучение проблем расселения следует проводить в несколько более широких географических рамках, чем собственно Нижегородский у. Необходимость учитывать существование административно-территориальных «анклавов» и «эксклавов» очевидна. Однако «качественных» отличий – с точки зрения аграрного освоения и расселения в особенности – не было и между землями, которые хотя и относились к разным уездам (Нижегородскому и Балахнинскому, Муромскому или Курмышскому), но локализируются как достаточно близко расположенные. Деление самого Нижегородского у. на станы также имело выражено административный, а не «географический» характер. Целесообразно включение в исследование также дворцовых земель в крае.

¹ *Соколова Наталья Викторовна*, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва, natalia_sokolova@outlook.com

В исследовании использованы сведения, извлеченные из актов и документации писцового делопроизводства XV – первой четверти XVII в., в том числе дозорных книг С.Н. Грекова и подьячего Климентия Козодавлева (1612/1613 г.), «Книг Нижнева Новгорода писма и дозору Булата Телицына 7128 (1619/20) году», писцовых и межевых книг 1620-х гг., а также нижегородских окладных книг и платежниц, приходных книг Патриаршего Казенного приказа 1627/1628, 1640/1641 и 1650/1651 гг., сказок церковнослужителей 1722–1723 гг., материалов Генерального межевания и др.

Верхняя хронологическая граница исследования обусловлена датировкой наиболее раннего перечня нижегородских храмов, дающего достаточно полное представление о церковно-приходской структуре Нижегородского Поволжья. Источники отражают определенную динамику, причем на достаточно коротком временном отрезке. Последнее чрезвычайно важно в связи с вопросом о том, идет ли в писцовых книгах речь о впервые заселяемых православным земледельческим населением землях или же о «восстановлении» после Смуты. Указание в писцовых книгах на то, владельческое, мирское или монастырское строение та или иная церковь, в целом следует рассматривать в качестве лишь косвенного свидетельства о характере «колонизации» данной территории.

Полиморфизм маркера «церковь» применительно к Нижегородскому Поволжью обусловлен, в первую очередь, существованием здесь – в рамках системы аграрного расселения – районов с различной хозяйственно-пространственной типологической структурой. Церковь в Никольском погосте в Заволжье, в вотчине крупного землевладельца в Закудемском стане или в поместном, на несколько владельцев, селе в Березопольском стане, в дворцовом селе или ямской слободе, храм в Дудине монастыре или небольшой «пустынке» сопряжены с разными типами сельского расселения. Соответственно, необходимо изучение структуры, в рамках которой тот или иной храм/монастырь возник и существовал, особенностей исполнения ими своих функций в сельском сообществе.

В силу специфики этноконфессионального состава населения в Нижегородском Поволжье строительство и освещение храмов

маркирует не аграрное расселение как таковое, но проникновение на новые территории русского и/или православного населения. При этом источники часто не позволяют провести четкую грань между аграрным освоением и расселением в процессе по преимуществу промысловой деятельности и собственно земледельческой колонизацией. Сохранившиеся сотные грамоты XVI в. на Заузовскую волость в Заволжье и документы XVII в. свидетельствуют, что новые храмы, как правило, фиксируются в источниках с определенным запаздыванием относительно крестьянского проникновения на ту или иную территорию. В целом в рассматриваемый период вряд ли можно безоговорочно считать села «узловыми пунктами земледельческого освоения региона».

В свете всего сказанного вызывает недоумение попытка «статистического» подхода к сведениям о церквях в писцовых книгах Нижегородского у. 1620-х гг., предпринятая П.В. Чеченковым и Д.А. Черненко, в частности, расчеты «плотности» «сети приходских храмов» в Стрелицком, Березопольском или Закудемском станах (на основе принадлежности поселения с церковью к той или иной административной единице) и декларация обусловленности полученных результатов «продолжающимся освоением». Следует также подчеркнуть, что церковный приход часто не совпадал с поместьем или вотчиной (светской или монастырской). Соответственно, говорить об изучении «приходской сети» на материалах писцовых книг просто не приходится, а некие «средние» показатели «обеспеченности» храмами населения светских или монастырских владений не являются предметом научной интерпретации.

В связи с проблемой «монастырской колонизации» особое внимание при исследовании аграрного расселения в Нижегородском крае было уделено истории поселений в монастырских вотчинах, как являвшихся таковыми до писцового описания 1620-х гг., так и ставших ими после завершения работы писцов (как собственно нижегородских обитателей, так и Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Воскресенского Новоиерусалимского, московских Высоко-Петровского и Симонова, владимирского Рождественского, суздальских Покровского и Спасо-Евфимьевского монастырей).

А.Л. Грязнов¹

Структура землевладения в Белозерском крае в XV в. и внутренняя колонизация региона²

В ходе археологических обследований в Белозерье обнаружены памятники различных периодов, в том числе и поселения древнерусского времени. Характерной чертой этого периода является чередование освоенных и слабозаселенных территорий. В конце XIV–XV вв. наблюдаются изменения в организации расселения, но выявление и фиксация позднесредневековых селищ подразумевает особую программу полевых работ и является делом будущего [3, с. 219, 225, 14]. Значительный объем информации о сельском расселении и структуре землевладения на Белоозере уже систематизирован [1; 2], в результате возможно соотнесение археологических данных с актами и выявление микрорегионов, в которых в XIV–XV вв. проходили колонизационные процессы.

Самые ранние сведения о таких районах содержатся в духовной Дмитрия Донского. Его сын кн. Андрей получает Белоозеро со всеми волостями и слободками, что были детей кн. Дмитрия. Получается, что на территории Белозерья было как минимум две слободки, принадлежавшие старшим детям московского князя. Далее в духовной описаны две группы владений белозерской княгини Федосьи. К первой относились Федосьин Городок и Волок Славенский. Вторую составляли Суда, Колашна и Слободка [ДДГ. № 34], локализуемые по течению рек Колашны, Ножемы и по верхнему течению р. Суды. Это самая окраинная территория Белозерья, на которой дольше всего сохранялись поселения летописной веси. Об освоении этой территории только в XIV в. и свидетельствует название одной из волостей – Слободка (позднее Пустая Слобода).

Во второй и третьей духовных Василия II упоминается его примысел, завещанный вел. кнг. Софье – слободка, что была князя Василия Семеновича [ДДГ. № 21, 22].

¹ *Грязнов Анатолий Леонидович*, НП «НИЦ «Древности», Россия, г. Вологда. rubicon-2@yandex.ru

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФ №16-11-35002.

К первой половине XV в. относятся сведения о Рукиной Слободке. Ее появление можно связать с Иваном Рукой, который упоминается в актах еще при жизни преподобного Кирилла. К этому же времени относится деятельность Есипа Пикина, приближенного князя Андрея Дмитриевича. Есип начинал свою карьеру в качестве тиуна боярина Г.И. Монастырева, а позднее получил от князя деревню в Милобудье и начал развивать свое хозяйство, посадив на землю половников [АСЭИ. Т. II. № 33, 34, 41, 69, 289].

При Кирилле свои владения в монастырь хотел передать Роман Иванович. В документах с его вкладом связываются Романова и Васильева Слободки, расположенные рядом друг с другом. В это же время по соседству появилась Долгая Слободка, принадлежавшая Никите Ивановичу Лихареву [АСЭИ. Т. II. № 152, 221, 281]. В конце XV в. здесь же появилась Угримова Слободка, по имени его внука [2, с. 127].

Восточнее Кириллова монастыря располагалась Слободка Улома, земли которой были пожалованы обители князем Андреем Дмитриевичем. К 50–60-м гг. относится упоминание Жалобинской Слободки, тоже выходявшей к Уломскому озеру. В 40-е гг. упоминается Микитина Слобода, вероятнее всего располагавшаяся южнее Белого озера, между Мондомой и Кустовкой. На северо-восточном берегу озера, между Киуем и Вашками локализуется еще одна слобода, по документам XVI в. известная как Фетиньина Слободка. Еще севернее, по среднему течению Кемы, располагалась Слобода, одно из владений князей Кемских. Она упоминается с 1470-х гг. [АСЭИ. Т. II. № 46, 87, 110, 120, 122, 259, 264].

В общей сложности удастся выявить 15 слободок, существовавших в XIV–XV вв. Точной локализации поддаются 12 из них. Как правило, они выросли в полноценные, густозаселенные волости, располагались на стыках ранее освоенных земель и могли в отдельных случаях составлять целый пояс (Рукина–Жалобина–Улома–Колкач; Романова–Васильевская–Долгая–Угримова). На территориях этих слободок не обнаруживаются археологических памятников древнерусского времени.

Слободки появляются еще до включения Белозерья в состав великокняжеских земель, но интенсификация такого способа освоения наблюдается именно в первой половине XV в. Их расположение подтверждает выводы археологов о принципах организации расселения в древнерусское время и об их изменениях в XIV–XV вв. Сохранение сети сельских поселений в этих районах в XVI в. свидетельствуют о том, что стратегия «слободского» освоения территорий оказалась эффективной.

Литература

1. *Грязнов А.Л.* Система наследования родовых вотчин белозерских князей в XIV – XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. №3. С. 37.

2. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., 1951.

3. *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

В.Ф. Голубев¹

Великая аграрная реформа (волочная помера) XVI в. – первая попытка комплексного регулирования земельно-имущественных отношений и колонизационных процессов на территории Беларуси

На экономику Беларуси в XVI в. значительное влияние оказал рост спроса на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию в Западной Европе. В ситуации быстро сориентировалось государство, а также некоторые магнаты, которые начали проводить перестройку своих хозяйств, ориентируясь на выпуск сельскохозяйственной продукции на продажу за границу.

Внешнеэкономическая ситуация была лишь одной из предпосылок реформы. Были и внутренние, как естественные (в первую очередь природные), так и социально-политические факторы, ко-

¹ *Голубев Валентин Федорович*, доктор исторических наук, Беларусь, г. Минск, v_golubeu@mail.ru

торые значительно влияли на состояние хозяйственного развития ВКЛ и на принятие решения о проведении реформы.

Природные условия для развития земледелия в целом были благоприятными на всей территории страны. В рассматриваемое время произошло значительное увеличение площади посевных земель, разработка под пашню лесных массивов приобрела широкое распространение. Значительной новацией в развитии сельского хозяйства, которая была вызвана желанием увеличить производство зерна, стал переход от лесной-осадной и лядной систем обработки земли к трехполью (по «Уставе на волоки» переход на трехполье был обязательным: в идеале вся пахотная земля села должна была быть разделена на три поля, а крестьянин должен был получить по равной части в каждом из этих полей).

Важнейшим фактором расширения колонизационных процессов было также дальнейшее углубление общественного разделения труда и значительное развитие на этой основе товарно-денежных отношений. Выразительным показателем этого стал быстрый рост городов, которые являлись центрами развития ремесла и торговли, а также местечек, как аграрно-ремесленно-торговых поселений и рост численности городского населения, который сопровождался ростом спроса на продукцию сельского хозяйства и промыслов, что также являлось одной из важных предпосылок и стимулов колонизации.

Важным был и внешнеполитический фактор. Традиционными способами повысить масштабы денежных поступлений в казну не представлялось возможным. Проведение экономической реформы и увеличение посевных площадей позволяло, по крайней мере, надеяться на это.

У руководства страны перед глазами был положительный пример реформирования и колонизации новых территорий во владениях королевы Боны – Городец, Пинск, Клецк, Кобрин и др. Опыт реформирования было решено применить и к государственным (господарским или великокняжеским) владениям.

Главной целью реформы, проводившейся в господарских владениях, было увеличение государственных доходов, и дос-

тичь этого планировалось следующими мероприятиями. Во-первых, исходя из опыта хозяйственных преобразований Боны Сфорца, в государственных владениях тоже вводилась волока, проводился точный учет крестьянской земли и устанавливалась система повинностного обложения крестьянства пропорционально количеству и качеству земли. Во-вторых, в близких к сплавным рекам и с урожайной землей местах создавались фольварки, как хозяйства по производству товарного зерна. В-третьих, в местах, где фольварки не создавались, земля все равно перемерялась на волоки, а крестьяне переводились на денежную ренту (чинш).

В господарских владениях волочная помера началась в широких масштабах с 1551 г. Для исправления выявленных недостатков была создана новая инструкция – «Устава на волоки», принятая 1 апреля 1557 г.

В «Уставе на волоки» названы основные цели реформы, предусмотрен ряд технических (перемер земли), социальных (изменения в положении феодально-зависимого населения, индивидуализация землепользования), экономических (создание новых хозяйств, изменения в системе повинностного обложения) и других нововведений.

В соответствии с «Уставой на волоки» в господарских владениях вся пахотная земля должна была перемеряться волоками.

Измерению подлежали все земли без каких бы то ни было исключений, исходя из принципа «кгда ж кметь и вся его маетность наша есть». Если в общем массиве государственных земель встечались земли частных собственников, они подвергались измерению в качестве государственных, а собственнику в другом месте давался равноценный или даже больших размеров надел земли – так называемая «отмена».

Одним из важных положений аграрной реформы было как расширение прежних феодальных хозяйств («дворов»), так и создание новых хозяйств, основанных на труде крепостных крестьян и ориентированных на производство зерна на продажу – фольварков. В соответствии с «Уставой на волоки» фольварки

создавались преимущественно на плодородных землях в близких к сплавным рекам регионах.

Таким образом, аграрная реформа, проведенная в соответствии с «Уставой на волоки» от 1 апреля 1557 г. в государственных владениях дала начало перестройке сельского хозяйства ВКЛ. После проведения аграрной реформы количество вовлеченной в хозяйственный оборот земли значительно увеличилось.

*А.В. Беляков*¹

**Восточная Мещера рубежа XVI – XVII вв:
специфика расселения и хозяйственной деятельности
татар и мордвы**

Сохранность писцовых материалов, касающихся региона Восточной Мещеры, под которой мы понимаем территорию Темниковского и Кадомского уездов, более чем не полная. Сведения сохранившихся книг отчасти дополняются материалами темниковской и кадомской приказных изб XVII в. Параллельное использование этих двух групп источников позволяет нам определить специфику расселения и хозяйственной деятельности местного населения. При этом полученные результаты с определенными поправками можно будет распространить и на ряд иных «приграничных» территорий с преобладающим не русским населением.

Время и условия вхождения данных территорий в состав Московского государства до настоящего времени точно не установлены. Долгое время это была буферная зона между Московским княжеством и Золотой Ордой, а затем (с середины XV в.) – Казанским ханством. Первоначально здесь проживали мордовские племена. В XIII–XV вв. появилось тюркское население. О появлении славянского компонента говорить достаточно сложно. Но относительно массовым он становится не ранее XVI в.

¹ *Беляков Андрей Васильевич*, кандидат исторических наук, Рязанский филиал Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), Россия, г. Рязань, feb@ru.ru

В нашем распоряжении имеются кадомская дозорная книга мордовских сел 1614 г. и приправочный список с темниковской дозорной книги 1614 г. В них описываются поместья служилых татар, тарханов и белопащцев. Если допустить, что процессы, протекавшие в двух этих уездах, были сходными, то данные этих двух книг взаимно дополняют друг друга. Это древнейшие из сохранившихся книг. Хотя первое документально зафиксированное описание проводилось еще в самом начале XVI в.

Кадомская мордва занималась земледелием, бортничеством, охотой и рыбной ловлей. При этом размеры пашни были значительными. На 282 двора (246 крестьянских и 36 бобыльских) приходилось 5361 четь земли, не считая квадратной версты пашенного леса. На один крестьянский двор приходится 21,79 четей земли. При этом, однако, нам не известно количество работников, приходящихся на один двор. В пользу больших патриархальных семей говорит, в частности, тот факт, что в 1630 г. в уезде фиксируется взрывное увеличение (до 40 %) новоприбылых дворов. С бортных ухожеев мордва давала 154 с четвертью пуда меда. Получается 0,63 пуда с крестьянского двора. У православных бортников, для которых бортничество являлось основным источником доходов, не владевших пашней, средний размер медвяного оброка составлял 1,37 пуда на человека. К сожалению, мы не знаем, что представлял собой бортный ухожей как единица налогообложения и являлся ли он таковой.

Среди темниковских служилых татар мы наблюдаем иную картину. Прежде всего, следует отметить тот факт, что в отличие от мордвы, расселенной по всей рассматриваемой территории, татары проживали значительно компактнее. В основном они жались к западной границе региона, хотя их хозяйственная деятельность распространялась вплоть до реки Суры. Первоначально они селились по городским посадам или же в одном-двух крупных селах, расположенных в непосредственной близости от административного центра уезда. Скорее всего, это делалось для их быстрой мобилизации в случае военной опасности. Здесь они имели небольшие поместные наделы. Основные поместья находились на значи-

тельном удалении от места проживания и часто не имели постоянного населения.

Татары владели пахотными землями, подчас с православными крестьянами, и бортными ухажеями. При этом все служилые татары делятся на две части. К первой, судя по всему, относились «старинные» служилые татары, статус которых приравнивался к служилым людям по отчеству. Они обладали борными ухажеями и поместьями от нескольких четей до 150 четей на человека. Основная масса владела поместьями в пределах 10–20 четей. При этом они имели значительные сенокосы. Наиболее часто встречающееся соотношение пашни к сенокосам (копнам сена) отмечаются как 1:40. При этом известны соотношения 1:100. Зачастую пашня и сенокосы находились на территории вотчин бортных ухажеев. Это одновременно указывает на два факта: 1) вотчины бортные ухажеи являлись более древней формой собственности; 2) большое количество сенокосов свидетельствует о значительном скотоводческом хозяйстве. При этом обладание значительными вотчинами бортными ухажеями наряду с наличием рабочих рук (крестьяне, проживавшие в поместьях) создавали предпосылки для быстрого при необходимости увеличения пашни. Вторую группу служилых татар, судя по всему следует отнести к служилым людям по прибору. Они имели поместья до 10 четей. Соотношение пашни к сенокосам составляло 1:2.

Мы вправе утверждать, что пашенное хозяйство у служилых татар становится заметной частью хозяйственной деятельности только в первой половине XVI в. По-видимому, именно тогда в регионе появляется и значительное славянское население.

Таким образом, можно предположить, что в регионе фиксируется две формы хозяйственной деятельности. Условно их можно назвать мордовской и татарской. При этом мордовская была близка к русской форме организации земледелия. Татарская же изначально основывалась на встраивании скотоводческого хозяйства в условия зоны широколиственных лесов и лесостепи. При этом постепенный рост пашни не смог вытеснить или серьезно потеснить скотоводство вплоть до начала XVIII в.

В.Н. Глазьев¹

**Государственное воздействие на аграрное освоение
Центрального Черноземья
в конце XVI – первой половине XVII в.**

На протяжении XVI в. Центральное Черноземье представляло собой малозаселенную окраину Российского государства. В документах она именовалась Подем. Жители примыкавших к Полю русских уездов занимались на его территории промысловой деятельностью: рыбной ловлей, охотой, бортничеством. Часть промысловых угодьев (ухожьи, юрты) находились на учете государства и сдавались в аренду. В западной части Центрального Черноземья – в Рыльском уезде – издавна существовало пашенное земледелие.

В последней трети XVI в. по инициативе правительства на Поле строились русские города-крепости: Данков (1568), Воронеж (1585/1586), Ливны (1585/1586), Елец (1592), Курск (1596), Белгород (1596), Оскол (1596), Валуйки (1599). Города-крепости заселялись приборными служилыми людьми: стрельцами, полковыми казаками, пушкарями. В качестве жалования правительство выделяло им землю под пашню в ближних окрестностях городов. Таким образом, строительство крепостей и заселение их ратными людьми давало импульс распашке земли в пригородных местностях.

Правительством устанавливалась численность приборных служилых людей для каждого города, размеры отводимых им земельных наделов. Стрельцам, полковым казакам, пушкарям пашня отводилась в общей меже в отличие от служилых людей «по отечеству» – детей боярских, получавших землю порознь. Земельное жалование приборных служилых людей включало не только пашню, но и места под дворы, луга, лес, рыбные ловли.

В новых городах воеводы должны были лично следить за тем, чтобы приборные служилые люди пахали свои земли. В первые годы службы часть стрельцов, полковых казаков, пушкарей, надеясь на регулярное денежное и хлебное жалование, не приступали к обработке своих наделов. В отношении таких людей предписыва-

¹ *Глазьев Владимир Николаевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж, bob60_12@mail.ru

лось применять меры принуждения – заставлять пахать «в неволю и с наказанием».

В связи с формированием корпораций детей боярских в примыкавших к крепостям районах возникало поместное землевладение. Власть определяла численность служилых «по отчеству», назначала им поместные оклады, производила отвод земли – поместную дачу. Вокруг городов возникали села и деревни, формировалась территория уездов. Особые заслуги служилых людей влекли за собой предоставление им вотчин.

В некоторых местах Центрального Черноземья, например в среднем течении р. Воронеж, пашня, по-видимому, появлялась по частной инициативе и впоследствии фиксировалась государством.

В годы царствования Бориса Годунова (1598–1605) в пяти городах Черноземья (Елец, Воронеж, Курск, Белгород, Оскол) была установлена отработочная государственная повинность – десятинная пашня. Ее размер для каждого города составлял 200 десятин «в поле». Десятинная пашня обрабатывалась детьми боярскими, стрельцами, казаками, пушкарями и посадскими людьми. Они выполняли повинность на своих лошадях и со своим инвентарем.

Собранный с десятинной пашни урожай использовался на различные государственные нужды: выдавался в качестве жалования тем служилым людям, которые еще не были устроены землей, отвозился в Царев-Борисов и Валуйки для содержания послов, отправлялся к донским казакам.

В годы Смуты десятинная пашня в городах Черноземья была заброшена. Ее восстановление осуществилось в 1616 г. Учитывая последствия Смуты, правительство в два раза сократило объем работ, определив площадь десятинной пашни в 100 десятин «в поле» для каждого из пяти городов. В годы крупного оборонительного строительства после 1635 г. десятинная пашня вводилась в ряде новых городов (Яблонов, Усерд, Карпов, Короча, Вольный).

Постепенно десятинная пашня заменялась натуральным налогом. Он назывался посопный, отсыпной или десятинный хлеб. В Воронеже замена была осуществлена с 1621 г. За каждую десятину «государевой пашни» следовало собирать со служилых и посад-

ских людей по 10 четвертей ржи и по 10 четвертей овса. В общей сложности на воронежцев налагалась обязанность выплачивать 1000 четвертей ржи и 1000 четвертей овса в год. В Курске по примеру Воронежа замена десятинной пашни на посопный хлеб была осуществлена в 1628 г. В течение XVII в. посопный хлеб вместо десятинной пашни вводился и в других городах Черноземья.

Заселение и хозяйственное освоение юга России характеризуют материалы писцового делопроизводства. Для городов и уездов Черноземья они сохранились от послесмутного времени. Важное значение имеют дозорные книги, писцовые и межевые книги, переписные книги 1646 г.

Они свидетельствуют о том, что государство стремилось осуществлять контроль процессов аграрного освоения юга России, прежде всего в сфере землевладения и налогообложения. В интересах укрепления обороны правительство с 1637 г. достаточно эффективно ограждало южнорусских служилых людей от проникновения крупного землевладения думных и московских чинов. В вопросе о возвращении владельцам беглых крестьян и бобылей правительство стремилось найти компромисс между интересами дворовладельцев и важнейшей государственной задачей защиты южных границ от неприятельских набегов.

З.В. Дмитриева¹

**Государственная и вотчинная политика
в аграрном и демографическом развитии
крупной монастырской вотчины (XVI–XVII вв.)**

Белозерский край – один из регионов Поморья, колонизация которого завершается к середине XVI в., когда происходит максимальная распашка земель, пригодных для ведения зернового хозяйства. Формирование монастырских вотчин было одним из факторов стабильного аграрного развития региона. Документальное на-

¹ *Дмитриева Зоя Васильевна*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, г. Санкт-Петербург, zvdmitr.@rambler.ru

следие Кирилло-Белозерского монастыря позволяет проследить изменение системы сельского расселения, эволюцию типов поселений и выявить факторы, влиявшие на эти процессы на протяжении длительного времени.

Первая половина XVI в. – период освоения сельскохозяйственных угодий в Белозерском крае (на Северо-Западе на большей части территории новгородских земель этот процесс завершается к концу XV в.). В 1540-е гг. на кирилловских землях починки занимали 40 % от всех живущих деревень. В некоторых волостях они численно преобладали над деревнями. К концу 1550-х гг. количество поселений и дворов возрастает почти в 2 раза, починки составляли всего 6,5 %, причем средняя дворность деревень изменяется незначительно (2,3 двора – в 1544 г., 2,6 двора – в 1559 г.). Демографический рост населения и освоение значительных территорий происходит без изменения типов поселений. Темпы освоения новых земель определяла хозяйственная политика кирилловских властей, состоявшая в привлечении новопорядчиков и выдачи хлебной ссуды крестьянам на посеv. Эти действия были поддержаны государством: в декабре 1559 г. монастырь получил право не «выводить» крестьян, перешедших жить на кирилловские земли «не в срок без отказа».

Белозерский край в 1569 – начале 1570-х гг. пострадал от голода и «морowego поветрия». Население «вымирало» целыми волостями, особенно пострадала юго-восточная часть края. Голодные 1601–1603 гг., «польское разорение» (1608–1618) нанесли значительный урон аграрному развитию региона. «Лихолетье» и «литовское разорение» охватили все белозерские волости. Кирилловские власти поддерживали население, выдавая хлебные ссуды, но все же процент заброшенных деревень и пустошей к началу 1620-х гг. составлял почти 60 % от всех учтенных поселений. Для снижения налогового пресса государство пошло на введение новой единицы обложения «живущей чети», что способствовало «оживлению» заброшенных пашен и росту населения. С 1626 по 1678 г. число живущих деревень увеличилось в 1,3 раза, количество многодворных поселений (7 и более дворов) – с 7,8 до 25,2 %, средняя дворность возросла с 3,4 до 5,7 двора, а общая численность крестьянских дворов – более чем в 2,5 раза.

Во второй половине XVII в. одновременно с демографическим ростом населения произошло сокращение площадей обрабатываемых земель и нарушение трехпольного севооборота. Вместе с тем, в 1660-е гг. значительные земельные угодья оставались заброшенными, в некоторых районах число пустошей превышало количество заселенных деревень. Эти земли, мало плодородные и выпаханые, были исключены монастырем из тягла и отдавались пахать в аренду «из четвертого снопа» или косить «из пятой копны». Не способствовала аграрному развитию и низкая урожайность основных культур: в 1660-е гг. в селах на монастырской пашне урожайность составила ржи сам-2,6, овса сам-2. В 1670-е – 1680-е гг. средняя урожайность ржи несколько возросла до сам-3,2, овса до сам-2,6. На протяжении 1660-х – 1680-х гг. даже на старопахотных землях в отдельные годы урожайность ржи и овса составляла сам-1, часто не достигала сам-2. Возможно, понижение урожаев в 1660-е гг. было связано с сильными заморозками, которые наблюдались на Русском Севере и на Белозере несколько лет подряд (1661–1664, 1667, 1670 гг.). Однако низкая урожайность зерновых в Белозерском крае не была исключением для российского земледелия. По данным Л.В. Милова, в XVIII в. в Вологодском уезде рожь давала от сам-2 до сам-2,7, овес – от сам-1,5 до сам-2,8.

Крестьянское хозяйство при низкой урожайности зерновых культур и постоянных «недородах» нуждалось в поддержке вотчинника. На протяжении всего XVII в. крестьянам ежегодно из монастырских житниц выдавались зерно на посев и «ежу» и денежные ссуды. Хлеб и деньги не всегда возвращались в монастырь, долги накапливались десятилетиями. Для уменьшения государственных налогов и вотчинных платежей монастырь шел на резкое сокращение тяглой пашни и сокрытие объектов обложения при составлении государственных кадастров. Земли «впусте» сдавались в аренду, засеивались, как правило, яровыми культурами, и тем самым крестьяне пополняли семейный «хлебный бюджет». Такая направленность внутривотчинной политики поддерживала необходимый жизненный уровень населения и способствовала его демографическому росту.

*А.Б. Довнар*¹

**Включение в хозяйственный оборот
необрабатываемых земель в Беларуси в XVI–XVIII вв.**

Земельный фонд в XVI–XVIII вв. на территории Беларуси был распределен между государством, частными владельцами и церковными организациями. Земель без владельцев не существовало, в связи с чем в Беларуси отсутствовало такое явление, распространенное в России, Украине, как казачество.

Вместе с тем в XVI–XVIII вв. в Беларуси имелись довольно значительные площади необрабатываемых земель. В первую очередь это относится к незаселенным площадям, особенно на пограничьи. Население селилось неохотно в местностях, где был большой риск нападения со стороны потенциального неприятеля. Количество необрабатываемых земель увеличивалось в результате войн. Так, после войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. количество населения на территории Беларуси сократилось с 2,9 млн человек в 1650 г. до 1,4 млн в 1667 г., а количество пустующих земельных площадей в разных имениях доходило до 55–75 % ранее обрабатываемых земель. После Северной войны 1700–1721 гг. количество населения сократилось на 31 %, и в разных имениях не обрабатывалось 40–70 % пашенных земель.

Для включения необрабатываемых земель в хозяйственный оборот в Беларуси в XVI–XVIII вв. применялись различные способы и методы.

Одним из таких способов было создание новых населенных пунктов. Так, с середины XVI в. стала широко распространяться практика создания новых населенных пунктов (деревень, местечек) на «сыром корне», т.е. поселения создавались на новом месте с предоставлением поселенцам освобождения от податей и повинностей на 3–10 лет. Данная практика возникла со времени проведения в середине XVI в. великой аграрной реформы в Великом Княжестве Литовском – волочной померы. Во второй половине XVII –

¹ *Довнар Александр Борисович*, кандидат исторических наук, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Беларусь, г. Минск, douнар_zagor@mail.ru

первой половине XVIII в. было распространено создание слобод, т.е. создание на необрабатываемых землях поселений с льготным повинностным обложением. Инициаторами создания таких слобод-поселений являлись владельцы, держатели владений, в то время как местное население (крестьяне) выступало против создания слобод на землях, которые были закреплены за их населенными пунктами. Вместе с тем, крестьяне были заинтересованы в освоении новых земель, что осуществлялось за счет пустошей и разработки лесных массивов. Данная заинтересованность объяснялась:

- получением более высоких урожаев в первые годы эксплуатации новых земель;
- отсутствием необходимости внесения удобрений в начальный период включения земель в севооборот;
- получением крестьянами дополнительных выгод при освоении лесных массивов (строительного материала, дров, сырья для промысловой деятельности);
- получением повинностных льгот.

В XVI–XVIII вв. одним из путей включения в хозяйственный оборот земель было создание промысловых предприятий: поташных «буд» (предприятий по производству поташа), «рудней» (предприятий по получению железа из болотных руд), «гут» (предприятий по изготовлению стекла). Из-за быстрого истощения сырьевой базы для данных предприятий на одном месте оно перемещалось на другое, а небольшие поселения оставались на месте бывших предприятий.

В XVI–XVIII вв. на территории Беларуси не получило распространения такое явление как поселение иностранных (западно-европейских) земледельцев-колонистов. В то же время во второй половине XVII – первой половине XVIII в. на Востоке Беларуси землевладельцы охотно селили на своих землях выходцев из России, в первую очередь староверов. Центром староверов в Беларуси был район Ветки.

Одним из способом включения необрабатываемых земель в хозяйственный оборот было изменение повинностного статуса земли в направлении уменьшения количества и объема повинностей. С этой целью практиковалась:

- отдача земли на условиях сдачи крестьянами землевладельцу части урожая, чаще всего за «третий сноп»;
- отдача земли коллективному пользователю – крестьянской общине;
- перевод наделной земли с обычными повинностями в статус приемной – со льготными повинностями;
- освобождение на определенных срок (2–3 года) новых жителей данного населенного пункта – «новииков» от части или всех повинностей с взятых ими земель.

В результате комплекса мер освоение новых земель и возвращение в хозяйственный оборот пустующих, ранее обрабатываемых земель проходило довольно успешно. Так, с 1712 по 1742 г. количество пустующих земель в Могилевской экономике сократилось в 3,6 раза: с 32830 га до 8950 га. Более того, со второй половины XVIII в. в определенных местностях, прежде всего на юге Беларуси, чувствовалась определенная нехватка обрабатываемых земельных площадей – землевладельцы искали выход в применении передовых методов ведения хозяйствования, например мелиорации.

Таким образом, можно утверждать, что для включения необрабатываемых земель в хозяйственный оборот на территории Беларуси на протяжении XVI–XVIII вв. применялись различные способы и методы, в основу которых был положен принцип уменьшения повинностного гнета для сельского населения.

Л.Г. Степанова¹

Качество земли как фактор аграрного освоения территории в XVI–XVIII вв.²

Современные представления о природной среде предыдущих столетий нередко базируются на данных о плодородии почвы, соответствующих нашему времени. Освоение новых территорий в

¹ *Степанова Лилия Геннадьевна*, кандидат исторических наук, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Россия, г. Краснодар, liliya_stepanova@list.ru

² Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 16-01-00283.

России неразрывно связано с крестьянской колонизацией и базируется на историческом опыте природопользования. На XVI–XVIII вв. приходится значительное приращение территории Российского государства. Крестьянское землепользование испокон веков зависело от окружающей среды, от количества и качества земли, на которой располагалось крестьянское хозяйство, от водных и биологических ресурсов. В то же время, находясь в зависимости от природной среды, крестьянское хозяйство оказывало на нее непосредственное влияние. Это приводило нередко к истощению природных ресурсов, в том числе фауны и флоры региона.

Наиболее ранние материалы, позволяющие оценить антропогенное воздействие человека на окружающую среду, опираясь на массовые источники, представлены материалами первых русских кадастров – писцовых книг, а также Генерального межевания. Однако при изучении экологической истории в сравнительном аспекте они практически не используются. В частности, определенную трудность для понимания вызывают термины, которые применяются в писцовых книгах для описания плодородия земли. Несомненные трудности с использованием материалов Генерального межевания связаны с плохой сохранностью Полных экономических примечаний. Именно они в отличие от Кратких экономических примечаний содержат расширенную информацию о природной среде размежевывавшихся дач на различных территориях, предоставляя подробные сведения о водных ресурсах, почве, растительном и животном мире различных регионов.

Ведущую роль в освоении крестьянами новых территории играла земля, которую им необходимо было обрабатывать. В писцовых и переписных книгах XVI в. она характеризуется как «добрая», «средняя» и «худая». Эта терминология писцовых и переписных книг до сих вызывает самые различные толкования и споры, поскольку грань между этими характеристиками весьма размыта, тем более, что многовековой крестьянский опыт показывал, что легче обрабатывать почву более легкую по составу, чем более плодородную, но завалуненную. Поэтому в представлении крестьян XVI в. «добрая» земля это не самые плодородные участки почвы, а более легкие в обработке и при-

носящие максимальную отдачу при определенных затратах труда. В разряд «средних» и «худых» земель могли попасть участки с более плодородными почвами. Сопоставить эти данные с современными характеристиками почвы очень сложно.

В то же время в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию уже более подробно характеризуется качество грунта: иловатый, иловатый с песком, серопесчаный, песчаный с камнем, иловатый с песком каменистый. При этом имеются сведения о сельскохозяйственных культурах, которые лучше всего произрастают на этой почве и дается еще характеристика их урожайности: «средственная», изрядная, к плодородию не способная. Однако эти сведения кажутся также размытыми и нуждаются в сопоставлении с характеристиками почв, которые использовали русские почвоведы.

Изучение крестьянского землепользования в Новгородской земле на протяжении ряда столетий при сопоставимости источников позволяет выяснить, какое значение имело качество земли для крестьянского хозяйства в XVI и XVIII вв. На основании Экономических примечаний к Генеральному межеванию проведена работа по: созданию баз данных, характеризующих природную среду Валдайского уезда Новгородской губернии в XVIII в., сопоставлению полученных сведений с информацией писцовых и переписных книг Новгородской земли XVI в. и со сведениями о физическом, химическом и механическом составе почв, содержащихся в почвенно-географических очерках Валдайского уезда, составленных в конце XIX в. С. Федоровским при участии профессора К. Глинки.

Сравнительный анализ всех сведений, содержащихся в писцовых книгах, материалах Генерального и Специального межеваний и данных об окружающей среде последующих столетий, с составлением баз данных о плодородии почвы, растительном, животном мире, водных ресурсах, дальнейшее их картографирование позволили восстановить картину аграрного освоения Валдайского уезда на протяжении ряда столетий и оценить в ретроспективе воздействие человека на окружающую среду как на макро-, так и микроуровнях.

Р.Г. Буканова¹

Аграрная периферия русских крепостей на Южном Урале в XVI–XVII вв.

В XVI–XVII вв. одним из методов инкорпорации новых земель в России стало строительство городов-крепостей с последующим аграрным освоением прилегающих к ним территорий. На Южном Урале этот процесс сдерживался вотчинным правом башкир. Поэтому в центре Башкирии до второй половины XVII в. других крепостей, кроме Уфы, построенной в 1586 г. с согласия самих башкир, не было. Лишь в 1667 г. на месте дворцового с. Архангельское был построен Бирский городок, а в 1684 г. на территории Кесе-Табынской волости в 100 верстах южнее Уфы – Соловарный городок.

Как правило, строительство первых городов-крепостей и обеспечение их поселенцев земельными дачами не приводило к земельным спорам, так как царское правительство не только гарантировало соблюдение вотчинных прав башкир, но и компенсировало понесенный ими экономический ущерб. Иные отношения складывались в тех случаях, когда крепости возводились на выгодных в промысловом отношении угодьях, приносящих их владельцам значительную прибыль. Рассмотрим это на примере Соловарного городка.

Как отмечал С.В. Бахрушин, в XVII в. начинается активное торгово-промышленное освоение естественных богатств Сибири и Западного Приуралья, в первую очередь соляных источников, для защиты которых строились укрепленные городки. Не остались в стороне и владельцы богатых промысловых угодий Южного Урала: с 1640-х гг. начинается разработка соляных источников на территории Кесе-Табынской волости, которые отдавались на откуп русским солепромышленникам. С этого времени правительство неоднократно предпринимало попытки поставить здесь укрепленный острог, однако эти планы были реализованы лишь в 1684 г., когда был «построен в Уфинском уезде на Белой реке Соловарной острожек». Для постоянного жительства в Соловарный городок было переведено 200 приборных служилых людей из Чебоксар во главе с пятидесятником Ни-

¹ *Буканова Роза Гафаровна*, доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа, brg777.50@mail.ru

китой Киселем. Им были отведены пашенные земли и леса, годные «под пашню на росчиску», сенные покосы. Однако отведенной земли на всех не хватало. Вскоре стрельцы Соловарного городка начали самовольно захватывать сенные покосы и пашни местных жителей, рубить лес в их вотчинах. Правительство пыталось разрешить спор между башкирами и жителями Соловарного городка, но безуспешно. Грамотой от 7 июня 1700 г. вновь были подтверждены вотчинные права башкир. Стрельцы, так и не добившиеся расширения своих земельных дач, впоследствии были переведены в Уфу, а опустевший городок в ходе башкирского восстания 1704–1711 гг. сожжен.

Стрельцы Соловарного городка, в отличие от жителей Уфимской и Бирской крепостей, не смогли гармонично вписаться в иноязычное окружение. Их челобитная, написанная в 1696 г., доносит до нас ощущение безысходности, изолированности от «большого» мира: «Построен тот Соловарной острожек вновь на украине, от Уфы в дальнем расстоянии, в иноверцах. А около того острошка русских жителей сел и деревень, кроме Уфы города, никакого нет».

В начале XVIII в. башкиры отдавали соляные варницы на откуп уфимским посадским людям, московским и ярославским купцам. Оброк составлял 15 руб. в год: «деньгами – по 2 рубли, да с кузницы – по топору, по ножу, по косе, по брешу, чем они борти делают, и делается из их башкирского железа; и к уладу на которое дело – за уголье и кузнецам за работу...». В 1736 г. в 5 верстах от бывшего Соловарного городка была построена новая Табынская крепость.

В.И. Панова¹

**Особенности освоения и заселения русских земель
Донского левобережья (бассейнов Битюга и Икорца)
в XVI – первой четверти XVIII в.**

В пределы Русского государства прибитюгские земли вошли в 1571 г., когда в результате реорганизации сторожевой и станичной

¹ *Панова Валентина Игнатьевна*, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж, valentina_panova49@mail.ru

службы на юге России общерусские сторожевые посты оказались южнее и восточнее земель, расположенных на Ногайской стороне Дона в бассейнах Битюга и Икорца. Административное положение Прибитюжья в это время не определилось.

Хозяйственное освоение Битюга и окрестной территории началось в 1614 г. Прибитюгские земли вошли в административное подчинение Воронежу и стали постепенно закрепляться в составе Воронежского края. Из-за доступности территории «ухожьев» для крымских и особенно ногайских татар основание постоянных поселений до середины 90-х гг. XVII в. было невозможным. Хозяйство откупщиков-арендаторов носило временный и исключительно промысловый характер. Несмотря на частые вторжения кочевников, хозяйственная деятельность на территории Битюгского ухोजья продолжалась, а стоимость ухोजья выросла с 31 рубля в 1614 г. до 202 рублей в 1697 г. (то есть в 6,5 раза).

Битюцкий ухожей как хозяйственная организация отличался от традиционных хозяйственных форм эпохи феодализма. Денежный характер аренды, сдача отдельных частей – юртов в двойную, тройную аренду, игнорирование сословных привилегий при отдаче ухожья на откуп, все это свидетельствует о том, что в условиях крепкой феодальной власти в центре на окраинах России складывались своеобразные «предбуржуазные» социально-экономические отношения.

После победы России под Азовом в 1696 г. набеги татар на южные и юго-восточные русские земли фактически прекратились. Началось массовое заселение земель, расположенных за Белгородской чертой. Период первоначального заселения земель по Битюгу и Икорцу длился с 1696 г. по апрель 1699 г. Основной состав вольных поселенцев конца XVII в. складывался из русских мелких служилых людей, массами уходивших из окраинных южнорусских городов в необжитые прибитюгские земли. По нашим подсчетам, в течение трех лет на Битюг переселилось около 8 тыс. человек. Три четверти этого населения составили русские беглые мелкие служилые люди разных городов южной России. Примерно одну четвертую часть битюгских вольных поселенцев 1696–1699 гг. составили украинцы.

Возникновение в пределах Русского государства целого района народной вольницы встретило активное противодействие со стороны правительства в Москве. По указу Петра I от 23 апреля 1699 г. битюгские поселенцы 1696–1699 гг. были изгнаны с территории Прибитюжья, а основанные ими поселения, в том числе и город Битюг, сожжены. 28 ноября 1699 г. было официально объявлено о переводе сюда дворцовых крестьян и основании дворцовой волости. Хотя прибитюгские земли в конце XVII – начале XVIII в. продолжали оставаться одним из пограничных районов юго-восточной России, из Разрядного приказа они были переданы в ведение Приказа Большого Дворца.

Переведенные в 1701 и 1704 гг. из разных центральных районов России дворцовые крестьяне основали на Битюге и Икорце «Битюцкую» волость, в состав которой в 1710 г. входило 15 сел. Размещение дворцовых крестьян на Битюге ко времени Первой ревизии (1718–1724 гг.) не изменилось. Результаты исследования численности, социального и национального состава населения «битюцких сел» первой четверти XVIII в. показали, что развернувшаяся в начале столетия правительственная колонизация Прибитюжья не остановила поток сюда беглых переселенцев. Временно прерванное в 1699 г. вольное заселение русских земель по Битюгу и Икорцу в начале XVIII в. возобновилось и продолжалось на протяжении всей первой четверти столетия. К 1710 г. беглые русские мелкие служилые люди не только основали в верховьях Битюга, за пределами Битюцкой дворцовой волости, пять однодворческих сел, но и расселились по всей территории Прибитюжья, включая и дворцовые села. В 1724 г. однодворцы, проживавшие в Битюгской волости, насчитывали 1942 человека или 47 % от общего числа волостного населения. 2142 человека являлись дворцовыми крестьянами. В дворцовой слободе Лосевой и селе Тишанка в разные годы поселились украинцы.

Тяжесть государственных повинностей и малочисленность дворцовых крестьян на Битюге в изучаемый период привели к широкому использованию беглых русских служилых людей для исполнения лежавших на Битюгской дворцовой волости работ. «Вряд» с крестьянами однодворцы пахали десятинную пашню,

несли ямскую и гарнизонную службу, поставляли работных людей в места корабельного строительства.

П.В. Чеченков¹

Аграрное развитие Нижегородского края в 70-х годах XVI в.

В предыдущих публикациях материалов Симпозиума и в «Ежегоднике по аграрной истории» мы обращались к вопросам земледельческого и промыслового освоения, а также демографического развития Нижегородского края во второй половине XV – середине XVI в. Было установлено значительное влияние на эти процессы военного давления, оказываемого соседним Казанским ханством. В первые два десятилетия после взятия Казани (1552 г.) хозяйственно-экономическое состояние края продолжало оставаться сложным, так как для восстановления требовалось более продолжительное время. Именно в эти годы в регионе начался характерный для всей страны процесс «привертывания» запустевших селения, что тормозило восстановление и развитие поселенческой структуры.

Продолжим наш анализ на материалах 1570-х гг. Сведения о дозоре Нижегородского уезда Семена Жижемского и подьячего Степана Коровина дошли в виде многочисленных выписей с книг 1570/71 – 1573/74 гг. Как известно, дозорные книги явились результатом деятельности писцов, посланных в наиболее разоренные уезды с целью зафиксировать состояние посевных площадей, учесть размер запустения. О реальной степени последнего говорить на основе книг С. Жижемского сложно. Во-первых, хотя мы и имеем дело с более полным материалом, чем сведения отдельных актов, о которых мы писали ранее, тем не менее, это не целостное описание. Во-вторых, перелог фиксировался только «на пустые дворы». Насколько сократилась обрабатываемая пашня «живущих» дворов нам неизвестно.

¹ *Чеченков Павел Валерьевич*, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Россия, г. Нижний Новгород, chchenkoff@yandex.ru

«Дозор» начала 1570-х гг. зафиксировал отмеченные ранее явления. Это высокая дворность. В среднем на одно поселение приходится 6,5 дворов, не считая помещичьих. При этом деревни в 1–2 двора были редкостью. В то же время встречались селения в два и три с лишним десятка дворов. Есть случаи «припуска в пашню» пустошей и селищ. В некоторых деревнях были «беспашенные» дворы, но гораздо чаще встречались пустые. Почти половина из таких селений относится к полностью запустевшим.

Как кажется, кризисные явления еще не носили необратимого характера. В деревнях и селах, заброшенных лишь частично (а таких большинство), перелог редко превышал обрабатываемую пашню. Совсем нечасто дозорщиками отмечены «пашня лесом поросшая» и «заросли», т.е. запустение не носило застарелого характера, хотя, вероятно, было более глубоким, чем об этом можно судить по выписям с книг начала 1570-х гг. Данную мысль подтверждают и указания в некоторых выписях на сроки или причины упадка. Среди дат, когда те или иные дворы запустели, названы 1566/67, 1568/69, 1569/70 гг. Локальные кризисные ситуации 50-х – 60-х гг. XVI в., предшествовавшие глобальному кризису конца века, были проанализированы Е.И. Колычевой. Из выделенных ей явлений с указанными датами можно связать следующие. В 1566/67 г. средне- и нижеволжские уезды подверглись небывалому нашествию грызунов, сгубивших урожай. На следующий год по всей стране был «глад велик». В 1569/70 – 1570/71 гг. по всей России прокатилась масштабная эпидемия (вероятно, чумы), сопровождаемая неурожаем и голодом. Причины, зафиксированные С. Жижемским, имели местный характер: «пожгла черемиса». Дата при этом не указывалась, но, скорее всего мы имеем дело с восстанием в Казанской земле 1572 г.

В 1575/76 г. «дозор» в Нижегородском уезде проводили Пятой Тумской и подьячий Семейка Панкратьев. О «дозоре» известно из выписей, содержащихся в грамотах об отделе и размежевании поместных земель. Насколько можно судить по этому фрагментарному материалу, положение в уезде ухудшилось. Из упомянутых в выписях селений лишь единицы имели обрабаты-

ваемую пашню. Обычные характеристики дозорщиков говорят сами за себя: «дворов нет, пожгла казанская черемиса», «дворов нет, пожжены от черемиских людей войны». По-видимому, весьма характерным для этого времени явлением было состояние березопольской вотчины Печерского монастыря. На нее сохранилась выпись с книг того же П. Тумского. В вотчине насчитывалось 3 села, 10 деревень, 2 «слободки безпашенных живущих» и 2 деревни «да с пол пустых». При этом на 109 крестьянских дворов приходилось 2 монастырских, 4 «служных», 8 «детенышевых», 20 бобыльских «безпашенных живущих», 88 пустых и 38 мест дворовых. Число запустевших и неполноценных хозяйств превышало, таким образом, половину. Что еще важнее, перелог достигал почти 75 % (1100 четей против 400 четей «пашни паханой»).

С середины 60-х гг. в регионе отчетливо проявлялись кризисные явления. Однако они не носили необратимого характера. Лишь черемисское восстание 1572 г. ввергло край в тяжелый экономический кризис. Среди его причин были не только локальные проблемы, но и общероссийские как экологического характера (эпидемия, неурожай), так и общественно-политического (рост государственного обложения).

*А.И. Акманов
Р.Б. Зайтунов¹*

**История развития башкирского землевладения
во второй половине XVI – начале XX вв. –
уникальный опыт взаимодействия
Российского государства и башкирского общества**

Во второй половине XVI в. произошло крупное событие в истории Урало-Поволжья – башкиры добровольно вошли в со-

¹ *Акманов Айтуган Ирекович*, доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа, aytuganakmanov@gmail.com; *Зайтунов Расих Батырович*, кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа, zaitrasich@gmail.com

став Русского государства. Одним из важных условий при этом было сохранение земель в руках башкир на основе вотчинного права. После вхождения края в состав Русского государства царь стал верховным собственником башкирских земель. Он регулировал земельные отношения на территории края, в этом качестве выдавал башкирским волостям жалованные грамоты, определял объем прав общин-волостей, обязывал башкир-вотчинников нести военную службу и платить налоги, решал земельные споры. Однако, наряду с верховной собственностью русского царя существовала собственность башкирских волостей на землю.

В аграрной политике российского правительства в отношении башкирского землевладения можно отметить два крупных периода. Первый из них охватывает время с середины XVI до конца первой трети XVIII в., второй – с 30-гг. XVIII по начало XX в.

В первый период регулирующая роль государства выражалась в закреплении земельных угодий за волостями жалованными грамотами, в защите земельных прав волостей башкир-вотчинников выдачей оберегательных грамот на землю, в разрешении земельных споров между башкирскими волостями, а также между башкирами и переселенцами. Важным аспектом аграрной политики правительства было неоднократное подтверждение вотчинных прав башкир на их землю (Соборное Уложение 1649 г., царские указы уфимским воеводам 1664, 1682, 1694 гг., сенатский указ от 1734 г.) Царское правительство в это время проводило в целом политику сохранения земель за башкирами, хотя были отдельные отклонения от общей линии.

Второй период (30-е гг. XVIII – начало XX в.) характеризуется принципиальными изменениями в аграрном курсе Российского государства. В это время резко возросла регулирующая роль правительства, оно систематически занималось земельными отношениями в крае. После организации Оренбургской военно-политической экспедиции царское правительство начинает проводить курс на изъятие значительной части земельных владений башкир, который временами означал по существу от-

каз от признания вотчинного права башкир на землю, хотя официально правительство это не декларировало.

Решение перечисленных задач было невозможно без колонизации территории Южного и Среднего Урала. Первый этап перераспределения башкирских земель края (30-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX вв.) является временем прежде всего правительственной, дворянской, заводской, частично крестьянской колонизации. В то же время правительство неоднократно официально подтверждало вотчинное право башкир на землю (указы от 1736, 1754, 1790 гг.)

Второй этап изъятий части башкирских вотчинных земель охватывает период с 30-х гг. XIX в. до начала XX в., когда правительство стало передавать различным категориям переселенцев часть башкирских земель, закрепленных за ними в ходе Генерального межевания. В это время земли вотчинников преимущественно переходили в руки казны, дворян, крестьян. Тем не менее и на этом этапе российское правительство неоднократно официально подтверждало вотчинное право башкир на оставшуюся землю (правительственные указы 1832, 1869, 1882, 1894, 1898 гг.).

Таким образом, аграрная политика царского правительства во второй половине XVI – начале XX в. носила двойственный характер. Одна ее сторона – признание вотчинного права башкир на землю, сохранение части земли в их руках – способствовало типичному развитию традиционного хозяйства, создавала условия для консолидации башкир как народа, для увеличения их численности.

Другая сторона политики – изъятие башкирских земель и освоение природных богатств края содействовали расширению земледелия, росту ремесла, промышленности, торговли. Сокращение земельных владений и общение с крестьянами-переселенцами ускоряли переход башкир от полукочевого скотоводства к оседлой жизни и земледелию, что в тех условиях являлось единственным вариантом их выживания.

И.Г. Акманов
Ф.А. Дусмухаметов
И.З. Фаткуллин¹

**Развитие хозяйства башкир
во второй половине XVI – первой половине XVIII в.**

Природно-климатические условия Башкирии в XVI–XVIII вв. создавали самые благоприятные условия для развития скотоводства, полукочевого по своему характеру, бортничества, земледелия, рыболовства, охоты, а также для разработки полезных ископаемых. Именно скотоводство было основой хозяйства башкир, они держали лошадей, коров, овец, коз.

Хотя башкирам издавна было известно земледелие, но сохранившиеся описания башкирских волостей Ногайской и Сибирской дорог за XVII в. показывают, что в большинстве из них пашня отсутствует. В первой половине XVIII в. земледелие здесь расширяется. Несколько иным было хозяйство на Казанской и Осинской дорогах. В XVII в. существование пашни известно на территории Енейской и Гайнинской волостей. В первой же половине XVIII в. башкиры большинства волостей этих «дорог» занимались земледелием.

В XVII – первой половине XVIII в. башкиры занимались также ремеслом и торговлей. Основным сырьем для производства служило дерево, кожа, шерсть, крапива, конопля. Башкиры издавна были знакомы с металлами. Однако на развитие у них кузнечного дела как основы ремесленного производства отрицательное влияние оказала запретительная политика правительства. Тем не менее, башкиры скрытно от властей продолжали заниматься выплавкой железных руд и изготовлением из них

¹ *Акманов Ирек Гайсеевич*, доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа, akmanov_ig@mail.ru; *Дусмухаметов Флюр Азатович*, кандидат исторических наук, Башкирский кооперативный институт – филиал Российского университета кооперации, Россия, г. Уфа, flurdus@mail.ru; *Фаткуллин Ильгам Зуфарович*, кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет Россия, г. Уфа, fatkullin.i@bashkortostan.ru

изделий. Об этом прежде всего свидетельствует тот факт, что их стрелы и копья были снабжены железными наконечниками. Башкиры занимались также поисками и обработкой цветных металлов, добывали медь, серебро и золото. Познания башкир в рудном деле подчеркивали П.И. Рычков и участники Академических экспедиций 60-х гг. XVIII в. И.И. Лепехин и П.С. Паллас. Башкиры торговали продуктами собственного производства: медом, воском, скотом, пушниной. Внутрибашкирская торговля постепенно возрастала. Не случайно в конце XVII в. в волости стали посылаться так называемые кочующие целовальники. Существовали торговые связи башкир с казахами, каракалпаками, со среднеазиатскими ханствами.

Таким образом, во второй половине XVI – первой половине XVIII в. коренное население края вело многоотраслевое хозяйство, в котором преобладающее значение имели традиционные занятия – полукочевое скотоводство, бортничество и охота. Однако в это время, когда усилилось переселение в край земледельцев – русских крестьян и нерусских народов Среднего Поволжья, под их влиянием в хозяйстве коренного населения происходили важные изменения. В первой половине XVIII в. земледелие существовало у башкир повсеместно, хотя оно играло незначительную роль. Исключение составляли башкиры Осинской дороги, у которых земледелие в хозяйстве играло не меньшую роль, чем скотоводство. Несколько расширяется в это время у коренных жителей ремесло и торговля. Медленное в целом развитие хозяйства в описанное время объясняется прежде всего тем, что полукочевое скотоводство, бортничество и охота были в состоянии удовлетворить основные потребности коренного населения. П.И. Рычков и П.С. Паллас резонно подчеркивали, что башкиры, имея много скота, не испытывали острой потребности в массовом переходе к земледелию. Серьезной причиной, по-видимому, было то обстоятельство, что тогдашнее скотоводство представляет собой более производительное хозяйство по сравнению с земледелием.

Д.Е. Гневашев¹

Массовые поместные раздачи в Вологодском уезде в 1613 г.²

Одной из главных и безотлагательных задач, вставших перед правительством царя Михаила Романова, стало упорядочение служилого землевладения, находившегося в кризисном состоянии в годы Смуты. Центральной власти предстояло удовлетворить поземельные интересы столичного и городского дворянства, обеспечить его материальными ресурсами для несения службы при соблюдении баланса частных и общегосударственных потребностей. Значительная часть служилых ожидала от царя компенсаций за разоренные или утраченные владения, другая их часть, вовсе не имевшая земли, претендовала на ее получение. При этом некоторые служилые люди незаконно обзаводились землей сверх меры, не по своему чину. Все это понуждало власть к ревизии земельного фонда в целях обеспечения службы широких слоев московского и провинциального дворянства на законных основаниях.

Поместные раздачи в первые годы правления Михаила Романова, как известно, характеризуются именно своей массовостью, хотя индивидуальные пожалования производились более-менее регулярно во всех уездах, где имелись поместно-вотчинные владения. В ряде уездов – Ростов, Ярославль, Белоозеро, Галич – в 1613–1614 гг. прошли серии поместных раздач. А.И. Копанев на примере Белоозера показал, насколько масштабными были испомещения в этом регионе.

Названный перечень уездов следует дополнить Вологодским, на землях которого развернулась широкая раздача поместий. Уезд административно делился на две половины, Первую и Заозерскую, структура землевладения в которых была неоднородной. В обеих половинах присутствовали в значительных объемах черные и дворцовые земли, монастырские и архиерейские вотчины, но только в Первой половине располагались остатки родовых вотчин и

¹ *Гневашев Дмитрий Евгеньевич*, ФКУ «Государственный архив Российской Федерации» (ГА РФ), Россия, г. Москва, gnevashev@bk.ru

² Публикация выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00393).

подавляющее большинство поместий вологодских детей боярских и иноземцев «старого выезду». Земли ближайшей округи Вологды и ряда южных и восточных волостей были давно освоены светскими и церковными землевладельцами, создавая владельческую чересполосицу, что не давало возможности компактно испомещать большие группы дворян. Правда, были и исключения. В Брюховской и Лоскомской волостях удалось испоместить 50 чел. бельских дворян, а в Комельской 18 новгородцев. Очевидно поэтому массовые раздачи населенных крестьянами земель происходили в волостях с более однородной землевладельческой структурой, лежавших к западу и северо-западу от Вологды. Так, в Кубенской, Здвиженской и отчасти Сямской волостях получили поместья около 70 чел., преимущественно представители государева двора (жильцы, московские дворяне, чашник, постельничий, кравчий, дьяки), а также выборные дворяне и шесть стрелецких голов. Значительная раздача состоялась на смыкавшихся в один протяженный массив землях Сямской, Масленской, Тошенской, Водожской, Южской, Раменской и Угольской волостей, где было испомещено около 240 смолян.

Поместные раздачи в Заозерской половине имели еще больший размах. По имеющимся подсчетам поместья получили не менее 450 чел. Социально-чиновный состав новых помещиков был пестрым, землю получили представители государева двора, в том числе думные чины, иногородние дворяне, иноземцы, служители дворцовых приказов, атаманы и казаки (о последних см. в работах А.Л. Станиславского). Владения всей этой, по выражению А.И. Копанева, «разношерстной массы» разместились в 48 волостях Заозерской половины. В результате произведенных в вологодских волостях земельных раздач общегосударственная поместная система достигла своего географического предела, остановившись в своем продвижении на север у границ Важской земли.

Массовые испомещения изменили землевладельческий профиль и демографический состав уезда, так как из структуры землевладения полностью исчезли черные и дворцовые земли. Это привело к радикальной модификации устоявшихся финансо-

во-экономических связей уезда с центром, государева казна лишилась заметной части натуральных и денежных поступлений с розданных в поместья вологодских земель.

Перевод черных и дворцовых земель в поместные видоизменил состав населения уезда. За короткое время увеличился «феодальный» слой за счет сотен новых иногородних помещиков, которые реально, вместе со своими семьями и домочадцами, поселились в вологодских поместьях. Новые помещики численно превосходили старопоместных вологодских детей боярских в несколько раз. Кроме того, выросло число холопов и дворовых людей как за счет привезенных с собой новыми помещиками, так и за счет похолопленных на новом месте. Массовые поместные раздачи и самим своим фактом, и возросшей налогово-повинностной нагрузкой на крестьян приводили к массовому же сходу земледельцев с насиженных мест, так как далеко не все земледельцы готовы были принять новообретенный статус помещичьих крестьян. Ушедшие «безвестно» крестьяне брели от власти помещика за лучшей долей в разные края, но преимущественно, на север и восток – в Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский уезды и далее в Сибирь.

Е.В. Камараули¹

**«Живущее» и «пустое» в Воронежском уезде
по данным писцовой книги 1627–1629 гг.**

Материалы валового письма 1620-х гг. отличаются источниковедческой сложностью. В историографии обсуждались характер учета населения, достоверность данных о запашке, особенности использования книг как налогового кадастра [3, с. 6]. Вне поля внимания исследователей остался вопрос, какая часть наличного земельного фонда попадала в описание? Итоги писцовых книг дают цифры, отличающиеся в меньшую сторону от общей площади уездов [5]. При этом важное место в писцовой практике занимало описание пустошей и земельных резервов. Каким критерием

¹ Камараули Елена Владимировна, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж, kamarauli@bk.ru

руководствовались писцы в разделении описываемых и неописываемых земель?

Решение вопроса будет отличаться для разных районов страны. Интерес представляют южные окраины, где формирование уездов в 1620-е гг. находилось в начальной стадии [2].

Воронежский уезд входил в число заказных, где запрещалось владеть поместьями московскому дворянству. Поместное землевладение приняло здесь своеобразный характер – в виде жеребьев, разбросанных по территории уезда [1]. Это создало оригинальную модель землевладения и землепользования, нуждающуюся в изучении.

Для наших задач ценно то, что писцовая книга Воронежского уезда 1627–1629 гг. [4] относится к типу книг с неразделенной пашней [3, с. 151, 155], т.е. содержит реальные данные о запашке. Благодаря этому описание дает отправную точку аграрного развития и заселения края и позволяет увидеть связь между ними.

Обратимся к структуре сельских поселений. Итоги описания, подведенные писцом, выглядят следующим образом.

В Чертовицком стану: 7 сел, 7 деревень, 1 починок и 17 пустошей. В писцовой книге находим 8 пустошей, разделенных на 31 жеребей.

В Карачунском стану: 7 сел, 8 дер., 2 поч., 4 пуст. В книге находим 2 пуст., поделенные на 4 жеребья, 7 деревень.

В Борщевском стану: 3 села, 9 дер., 1 поч., 5 пуст. В книге находим 4 пуст., разделенные на 6 жеребьев.

Нестыковки итогов можно объяснить сложным учетом жеребьев внутри пустошей. В трех станах на 45 «живущих» поселений видим 14 пустошей (41 жеребей). На поселение приходится 0,3 пустоши. Для примера, в Суздальском уезде на поселение приходилось от 1,5 до 5 пустошей [6, с. 103]. Для Центрального Нечерноземья пустоши рассматриваются как резерв пашни и угодий [6, с. 105]. Насколько справедлив этот тезис для Южного Черноземного региона? Можно ли говорить о пустошах как о неотъемлемой части «живущих» поселений?

Почти все 14 пустошей содержат полноценный комплекс угодий:

Пашня наездом – в 8 п.

Перелог – в 11 п.

Дикое поле – везде.

Сенокосы – везде.

Леса – в 10 п.

Рыбные ловли – в 8 п.

Интересной представляется локализация пустошей. Большинство их примыкает к водоемам, дорогам и поселениям. Пустоши размещаются неравномерно. Между освоенными участками имеются значительные территории, о которых описание молчит. Много пустошей сосредоточилось в Чертовицком стану. К селу Чертовицкому (10 жеребьев) примыкают 4 пустоши (31 жеребей). Сравнив состав чертовицких помещиков и владельцев пустошей, увидим совпадения по персоналиям.

Салманов А.И. – доли в 2 пустошах (п.) и у родственников.

Немой И.А. – в 4 п.

Жеребятьев Ф.Ш. – нет.

Паренаго С.Н. – нет, но в трех пустошах владельцы из рода Паренаго.

Михнев Б.И. – нет.

Тарарыков В.Г. – в 2 п.

Струков Г.Г. – в 1 п. и у родственников.

Тарарыков Н.Г. – в 3 п.

Козлов Г.С. – в 2 п.

Желтопятов Т.Л. – нет.

Итого, 4 пустошами владеют чертовицкие помещиков и их родственники, т.е. пустоши представляли резерв или дополнительные угодья к долям села Чертовицкого.

Рассмотрим вопрос об изменениях в статусе пустошей и поселений. Часть изменений свидетельствует о развитии поселений. В Чертовицком стану отмечаем «село, что был починок Редной». В Карачунском – «село, что был починок Двуречки», «село, что была деревня Глушицы». В Борщевском – «сельцо, что был починок на Костянтиновом яру», «деревня Мальшева, что была пустошь на Мальшевском колодезе». В Усманском – «сельцо, что была деревня Репная поляна», «село, что был починок на Телечине на отроге».

Поскольку речь идет о первом десятилетии после Смуты, заметны и последствия кризиса – поселения, превратившиеся в пустоши (5 случаев), или понизившие свой статус (4 случая). В Чертовичском стану превратилась в пустошь деревня Сушиловка, стало деревней село Животинное. В Карачунском – стал пустошью починок Мечок. В Борщевском – в пустоши превратились деревни Малая Гвоздевка и Избыльская; стали деревнями села Малое и Большое Терновое, Большая Гвоздевка.

Подведем итоги. Процессы упадка и восстановления выглядят уравновешенными. Это не характерно для центральных уездов, в которых описание зафиксировало картину опустошения. Видимо, в Смуту часть населения искала убежища от войны на окраинах.

Попавший в описание Воронежский уезд не представлял собой территориально целостного образования, он еще формировался, а его поселения были окружены массивами дикого поля. Так как именно поселения, существующие или запустевшие, привлекали внимание писцов, то пустоши фиксировались, если они были связаны с поселениями и являлись неотъемлемой частью их хозяйственной альменды.

Литература

1. *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.
2. *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства. М., 2008.
3. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2.
5. *Хитров Д.А.* К вопросу о тенденциях в развитии крестьянского землепользования в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник архивиста. 2003. № 5–6.
6. *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2008.

М.С. Черкасова¹

**Вопросы демографии и расселения на севере России
через призму нетрадиционных источников (середина XVII в.)**

В Государственном архиве Вологодской обл. в ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 3 (Устюжский архиерейский дом) имеется подборка из 87 приходных («записных») книг поповских старост (заказчиков) за 1661–1666 гг. Они охватывают городские и сельские приходы крупной по занимаемому пространству Устюжской десятины Ростовской митрополии (Устюжский, Сольвычегодский, часть Двинского и Тотемского уездов) и могут считаться нетрадиционными (в отличие от писцовых, переписных, «вотчинных хозяйственных») книг XVI–XVII в.) источниками по исторической демографии города и деревни. В них на уровне отдельных приходов либо их совокупности («заказов») отражен учет брачности и смертности. Не лишено новизны и само обращение к десятине, заказу и приходу как объектам демографического исследования в дометрический период, тогда как более привычно восприятие их как административно-территориальных подразделений епархиального управления.

Большинство книг имеет стандартный формат – в восьмую долю листа, в них насчитывается от 2–4 до 8–10 лл., они прошиты нитью и оформлены в виде тетрадок. На некоторых видны пометки, сделанные в Ростовской митрополичьей канцелярии («списана и справлена, списана и сочтена»), что показывает их финансовое назначение в рамках специфического церковного фиска.

Основная масса записей касается брачности крестьян, фиксируя выдачу заказчиками приходским попам памятей («знамян») для венчания первобрачных (размер пошлины 3 алт.) либо взимание более высокой платы за второй (6 алт.) и третий (9 алт.) брак. Записи велись по четырем «мясоедам» – Рождественскому, Великому, Петровскому и Успенскому («Госпожину»), и это свидетельствует о подчинении ритмов вступления в брак крестьян и горожан требованиям церковного календаря. При строгом отноше-

¹ *Черкасова Марина Сергеевна*, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, Россия, г. Вологда, mscherkasova@mail.ru

нии церкви ко вторым и третьим бракам, все же, в расчет принимались «витальные» факторы – молодой возраст и наличие либо отсутствие детей. Встречается выражение «двоеженец или троюженец по нужде», «в молодых летех, 25–30, но не старше 40». В таких случаях («аще будет добре млад и детей не будет») брак разрешался. Браки обычно заключались между людьми одной волости и одного прихода, реже указывалось, что невеста – из другой волости, что свидетельствует о замкнутости локального крестьянского сообщества. Брак здесь не являлся фактором социальной и территориальной мобильности. Состав населения Устюжской десятины отличался социальной однородностью – это были районы развитых в торгово-ремесленном отношении севернорусских посадов и черносошного крестьянства. Учитывались и браки местных священно- и церковнослужителей, оплачиваемые «новоженными алтынами» и «выводными куницами». Такие пошлины широко известны по публичноправовым актам XV–XVII вв.

Фиксировались также случаи смертей скоропостижных, насильственных или в результате несчастных случаев (само- и убийство, женская или младенческая смерть при родах или вскоре после них, утопление в реке, пожар и пр.). Аналогичные перечни причин смертности содержат некоторые жалованные грамоты: «возом сотрет, з древа убьется, водою наплывет, в огне сгорит, от своих рук утерается» и т.п. В местах солеварения (Готьма, Соль Вычегодская) дополнительной причиной смертности было: «в трубе задохнется», «жеравцом убьет». В лаконичных записях поповских заказчиков угадывается драматизм детской смертности: «погребсти мертвое тело Данила младенца Осифова сына», «похоронить девицу Наталью», «похоронить утонувшую судом Божиим Анну младенца». Так на Руси называли ребенка до 7–8 лет. Примерно такой же рубеж между детством (*enfance*) и отрочеством/мальчишеством/ребячеством (*puerilite*) указывает Ф. Ариес для средневековой Европы. Всюду в книгах отражен патрилинейный (по отцу) принцип именованья женщин и детей.

На основе восьми записных книг спасского попа Ивана Иродионова по Красноборскому заказу за 1661–1666 гг. (включал де-

сять волостей-приходов) было систематизировано около 200 записей. Из них 79 % касались заключения браков; 7,8 % – похорон; 6,7 % – «почеревных» за рождение внебрачных детей. В структуре брачности 73 % составили венчания отроков с отроковицами; 11,8 % – браки вдовцов со вдовами «второбрачными»; 8,5 % – повторные браки мужчин с девицами и 4,6 % – браки отроков со вдовами «второбрачными». Отмечено два случая третьего брака мужчины со вдовой «второбрачной» и один – второго брака мужчины со вдовой «третьебрачной». Полученные данные с учетом разных демографических причин (и ранней смертности, и молодого возраста партнеров) показывают важность вторых и третьих браков для поддержания института семьи, социализации человека и демографического воспроизводства.

Заключение большинства браков в осенне-зимний период подтверждается этнографическим материалом о «неделях-свадебницах» (Т.А. Бернштам). Б.Н. Миронов пишет об оправданности традиции зимних свадеб в России и в XVIII – начале XX в., что отразило наиболее оптимальную связь между демографическими событиями, церковными правилами и ритмами крестьянского труда.

И.Л. Манькова¹

Демографические процессы в вотчинах монастырей Восточного Урала по переписным книгам 1678 и 1680 гг.

Хозяйственная документация урало-сибирских монастырей XVII в. практически не сохранилась, поэтому переписные книги являются основными источниками для изучения социально-экономических процессов, протекавших в монастырских вотчинах. Методика изучения демографических процессов апробирована на материалах переписных книг Верхотурского Николаевского и Невьянского Богоявленского мужских монастырей. Первый основан около 1604 г. в городе Верхотурье, второй – в 1621 г. в районе крестьянской колонизации. Формирование вотчины Николаевско-

¹ Манькова Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Россия, г. Екатеринбург, ilman.08@mail.ru

го монастыря начиналось с небольших деревень-заимок, расположенных недалеко от города в зоне, неблагоприятной для земледелия. В 1669/70 г. обитель добилась выделения более плодородных земель на р. Пышме. К тому времени ей также удалось путем различных поземельных операций создать еще одно относительно крупное поселение на р. Тагил. В 1680 г. за Николаевским монастырем было записано 361,5 дес. пашни в трех полях и 7,5 дес. перелога. В вотчине Богоявленского монастыря сформировалось три довольно крупных поселения и небольшая деревня около рыбной ловли на р. Нице. По переписи 1680 г. эта обитель имела около 820 дес. пашни в трех полях.

В 1678 г. была проведена перепись монастырского населения с целью выявить всех поселившихся в монастырях сверх переписных книг 1659 г. и найти беглых, поэтому в переписные книги вносились все проживавшие на тот момент в монастырях, в том числе и срочные работники. Составление переписных книг в 1680 г. стало важной вехой в истории уральских монастырей. Они закрепили земельные владения и крестьян, поселившихся в монастырях после переписи 1659 г. Эти книги составлялись подворно. Переписные книги 1678 г. имеют механические утраты текста, поэтому количественные показатели для анализа демографических процессов рассчитаны на основе переписных книг 1680 г. Однако их сопоставление и дополнение данными из книг 1678 г. позволяет расширить познавательное поле и верифицировать информацию на предмет достоверности.

Переписи 1678 и 1680 гг. дают возможность составить представление о географии проживания и социальном статусе до прихода в Сибирь, проследить динамику заселения вотчин, изменения социального положения в монастыре, миграции внутри монастырской вотчины, родственные связи дворовладельцев, степень населенности двора. Сравнение данных Верхотурского и Невьянского монастырей позволяет выявить общие тренды и специфику социальных процессов в каждом монастыре.

На 1680 г. в Верхотурском монастыре было 56 дворов (46 – крестьян и 10 – вкладчиков), в Невьянском – 95 крестьянских дво-

ров. Из лиц, отмеченных в переписи 1678 г., не указаны в книге 1680 г. в Верхотурском монастыре – 37, в Невьянском – 53 человека. Около половины поселившихся в монастырях были выходцами из северо-русских уездов, около четверти – из Волго-Камского региона. В Верхотурском монастыре старожильческое население составляло 11 %, в Невьянском – 19 %. Из переселенцев с Русского Севера в первом монастыре преобладали устюжане, во втором – пинежцы. Больше половины жителей монастырских вотчин в прошлом были в государевом тягле, либо сыновьями государственных крестьян. Единичны случаи переселения людей, живших за другими монастырями, крестьян Строгановых, детей посадских и служилых людей.

К 1680 г. доля поселившихся до переписи 1659 г. в Верхотурском монастыре составляла 25 %, в Невьянском – 39 %. Основной приток нового населения был связан с освоением обоими монастырями территорий на р. Пышме. На старых монастырских землях значительная часть новоприходцев поселялась сначала в качестве вкладчиков. В переписи 1678 г. Верхотурского монастыря также зафиксированы половники. В книгах 1680 г. такой категории уже нет, они стали крестьянами, также как и большинство вкладчиков. В переписной книге Верхотурского монастыря 1678 г. у большинства учтенных указано семейное положение, в книге Невьянского монастыря подобные сведения встречаются значительно реже. В книгах 1680 г. отмечены все мужчины, проживавшие в каждом дворе, и возраст несовершеннолетних. У 82 % жителей вотчины Верхотурского монастыря сыновья родились уже в монастырский период жизни. В Невьянской обители этот показатель составляет 59 %. В вотчинах обоих монастырей незначительно количество дворов, в которых проживали три поколения одной семьи. Но в 19 дворах Невьянского монастыря отмечены по 2–3 брата, при этом в большинстве семей дворовладельцев жили одинокие и несовершеннолетние братья. В этом же монастыре удалось выявить 11 случаев, когда сыновья наследовали дворы отцов, а братья из 7 родов имели собственные дворы. Таким образом, в Невьянском монастыре процесс формирования старожильческого населения начался раньше и шел быстрее, чем в Верхотурском мо-

настыре. На период составления переписной книги 1680 г. последний проходил этап преодоления социальной «пестроты» и упрощения стратификации монастырского населения.

Э.Л. Дубман¹

Перевод служилых людей в Азов и другие города европейского Юго-Востока в конце XVII в. и изменения в структуре землевладения и социальном составе населения пограничных уездов Среднего Поволжья²

Массовое переселение на рубеже XVII–XVIII вв. служилых людей из пограничных уездов Среднего Поволжья в Азов, «Новопетровский» и «Новопавловский» изучено весьма неравномерно. Достаточно полно исследовано лишь складывание постоянного населения этих городов за счет переведенных. Историки считают их перевод и обустройство на новых местах в 1697–1698 гг. плохо организованным, что привело к значительным жертвам и массовому бегству переселенцев.

Вместе с тем, практически не рассматривались последствия перевода служилых людей и их семей на последующее развитие уездов средневожского фронта, не выявлены произошедшие изменения в структуре их землевладения и составе населения. Отметим, что в фонде Поместного приказа РГАДА сохранился ряд информативных материалов, позволяющих реконструировать численность и состав переселенцев, условия их жизни в местах выхода (обеспеченность пахотными землями и сенокосами, количество усадеб, наличие храмов и т.д.), а также распределение и заселение их бывших владений после перевода на юг.

Особый интерес для нас представляют материалы, отражающие первое переселение 1697 г. Их изучение позволяет объяснить,

¹ Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, Самарский государственный аэрокосмический университет, Россия, г. Самара, dubmane@mail.ru

² Исследование подготовлено при поддержке РГНФ. Грант № 15-11-63001 а(р).

как территории, ранее значившиеся «заказными», заселенные приборными людьми и мелкопоместным дворянством, становились своеобразной «внутренней окраиной», где значительная часть земель перешла во владения крупных светских и духовных собственников.

Параметры перевода были заданы решением Боярской думы о переселении «3000 семей ис Казанского Дворца ис низовых городов» сразу же после возвращения Петра I из-под взятого Азова. По данным переписных книг, хранящихся в ГАВО, к сентябрю 1697 г. эту задачу практически удалось выполнить. Всего было переведено 2750 семей, численностью почти в 18000 чел.

Материалы, хранящиеся в фонде Поместного приказа РГАДА, позволяют конкретизировать эту ситуацию для пограничных районов Среднего Поволжья. Из всего военизированного населения 4-х уездов – Симбирского, Пензенского, Саранского и Инсарского – перевод коснулся в основном казаков. Всего были переведены жители 49 селений с общим количеством служилых людей и недорослей в 7165 чел. Среди них 25 слобод из Симбирского уезда (6245 служилых и недорослей), 14 – из Пензенского (701 служилых и недорослей), 5 – из Саранского (219 казаков и солдат) и 5 – из Инсарского (?). Все эти данные достаточно приблизительны. Не указано количество переведенных по Инсарскому уезду. Подсчеты по отдельным группам селений Симбирского уезда переписчиками велись по разной методике и т.д. Но общая тенденция вполне очевидна. Подавляющее большинство людей для переселения дал Симбирский уезд. Саранский и Инсарский уезды к этому времени находились под защитой Пензенской черты, на которую и было переведено основное количество военизированного населения с их территории. Труднообъяснимым выглядит сравнительно небольшое число переведенцев из Пензенского уезда.

Перевод осуществлялся целыми селениями. После ухода их жителей оставались только пустые дома, дворовые постройки и земельные угодья, готовые принять крестьян новых владельцев. В результате оказались свободными 49410 четвертей пахотной земли (2) и 1496 десятин сенных покосов, значительные площади, бывшие

под усадьбами, а также жилые и хозяйственные постройки. Как правило, получившие их феодалы не смогли полностью заселить оставшееся жилье, значительная часть его оказалась «впусте».

Отказ от норм законодательства о «казаных городах» в рассматриваемом регионе проявился еще в 1680-е – начале 1690-х гг., когда здесь возник ряд крупных владений центральных монастырей. Однако окончательный поворот произошел только в конце 1690-х гг., когда на освободившихся землях региона складывается крупный кластер владений привилегированных светских собственников. Среди новых собственников оказались бояре (10 чел.), генерал, «адмирал-тец», думные дворянин и дьяк, постельничьи (2 чел.), стряпчий с ключем, стольники (25 чел.), дьяки и подьячие (5 чел.), монастыри и т.д. Так в Симбирском уезде появились вотчины А.С. Шеина, М.Я. Черкасского, Б.А. Голицына, А.Ф. Нарышкина, Н.И. Репнина, Ф.Ю. Ромодановского, Я.П. Салтыкова, И.Ю. Трубецкого, Н.М. Зотова, И.И. Бутурлина и других представителей московских знатных фамилий.

Столь интенсивный процесс резкого уменьшения в Южном Средневожье количества служилых людей, формирования крупного землевладения, перевода больших групп зависимого населения из других районов страны, несомненно, являлся уникальным и практически не имел аналогов на других пограничных территориях России в эти же годы.

Ю.А. Мизис¹

Социально-психологические процессы на территории южно-русского фронта в период заселения в XVII в.

Заселение территории междуречья Волги и Дона в XVII в. шло за счет строительства сплошной линии укреплений: Белгородской, Тамбовской, Шацкой, Нижне- и Верхне-Ломовской и других черт. Это позволило быстро освоить новые лесостепные территории. Основной поток переселенцев состоял из крестьян, преимуществен-

¹ *Мизис Юрий Александрович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный университета, Россия, г. Тамбов, umizis49@yandex.ru

но владельческих, и частично из мелких служилых людей. Именно эти категории переселялись на новые земли, рассчитывая изменить свой социальный статус и стать служилыми людьми, получить повышение по службе, а также земельный надел и гарантированный денежный оклад. Многие из них записались в дети боярские, рейтары, солдаты и другие профессиональные категории воинских людей, получив юридические права на поместное личное землевладение. В начале XVIII в. всех мелких служилых людей вновь вернули в свое прежнее состояние, превратив в государственных крестьян.

Юг России предоставлял совершенно другие условия для проживания, чем основная территория страны. Это была территория фронта, которая вырабатывала особый психологический тип поведения. Прежде всего пограничье меняло статус большинства переселенцев. Они становились государевыми людьми, защищавшими границы Русского государства. Поэтому в жизнь населения входила повседневная служба на границах государства с опасными походами, поисками противника, военными столкновениями, отражением угроз набегов кочевников. Военная угроза входила в менталитет местного населения. Особенности жизни в районе границы становилась интенсивная военная служба, регулярное участие в военных столкновениях. Наличие оружия в домах стало обычным явлением в южнорусских уездах. Огнестрельное и холодное оружие становилось гарантом выживания в моменты внезапных нападений кочевников. Его брали с собой даже во время сельскохозяйственных работ.

Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях позволяли себе обращаться на имя государя с просьбами о помощи. Это могла быть просьба о приобретении оружия, амуниции, отрезков сукна на кафтан и даже лошади в случае ее утраты во время военных действий. Естественно до царя такие просьбы не доходили и решения по челобитным принимали дьяки и подьячие московских приказов. Но эти решения создавали иллюзию патерналистских отношений царя с народом и приводили к сакрализации царской власти, способной решить проблемы простых людей. В пограничье складывались

особые отношения с воеводской властью, от которой зависело не только благополучие, но иногда и жизнь человека.

Одним из привлекательных условий для переселенцев на юг страны стала относительная вольность проживания по сравнению с центральными и северными сельскими поселениями. На юге России государственная власть не имела еще достаточно сильных позиций, и в сельских поселениях, особенно расположенных достаточно далеко от уездного центра, действовало местное самоуправление, решавшее множество текущих вопросов. Местное население отлучалось на охоту даже за черту, не спрашивая особого разрешения у воеводы.

Переселение на новые места иногда шло из одних населенных пунктов, но чаще из разных селений и даже уездов. Возникали новые сельские общины, не имевшие длительных традиций. Новопоселенцы приезжали из уже устоявшихся сельских поселений, где существовали сформировавшиеся взаимоотношения. По возрасту значительная часть переселенцев была сравнительно молодыми, инициативными людьми, что затрудняло формирование общих интересов. Складывание традиций общежития в общине формировалось на протяжении достаточно длительного времени. Отсутствие традиций и служилых людей старших возрастов в сельских общинах вело к росту девиантного поведения и в какой-то мере проявлению уголовных тенденций.

Таким образом, жизнь на границе, постоянная угроза жизни формировала особый менталитет местного населения. Оно привыкало к определенной свободе и независимости поведения, большей самостоятельности в принятии решений.

З.А. Тимошенкова¹

**Карелы в вотчине Иверского монастыря:
социальный статус, динамика расселения**

Северо-Запад России – давняя зона контактов представителей разных этносов. Особое место в этом отношении занимает XVII в.

¹ *Тимошенкова Зоя Александровна*, кандидат исторических наук., Псковский государственный университет, Россия, г. Псков, istfakultet@rambler.ru

Тяга крестьян к переходу на русскую сторону прослеживается сразу после заключения Столбовского мира. Время и общая направленность переселенческих потоков карел прослежена в работах С.С. Гадзяцкого, А.С. Жербина, Ю.Н. Беспятых, И.П. Шаскольского. Однако вышеназванные авторы в основном оперировали данными переписей, мало привлекая актовый материал.

В Иверской вотчине карельские выходцы проживали в Старорусском у., Валдайской округе, в Тверском у. Минимальный «живот», с которым они приходили, составлял на малую семью: лошадь, корова, пищаль; лошадь, корова, самострел железный; лошадь, 2 коровы. Однако всегда – «платьишко, что на них». Карелы при выходе получали государево жалование. На дворцовых землях они чаще закреплялись в Ильменском Поозерье и смежных территориях. В 1667 г. в с. Ракома это 21,8 % всех дворов, в с. Трасово – 51,3 %. По переписи 1668 г. в этих волостях нововыходцы проживали вместе со старожилами в 11 деревнях и 1 пустоши, а 35 деревень и 33 пустоши возродились благодаря их приходу. Все пришлые получили льготу на период от 3 до 9 лет.

В 1668–1669 гг. в стране проводилась кампания по возвращению зарубежных выходцев, порядившихся на дворцовые земли и взявших жалование. В монастырской вотчине в это время была проведена вотчинная перепись, оформлялись порядные и поручные грамоты. Изменения платежей более отвечали интересам крестьян, нежели монастыря. Часть карел отправилась в Новгород, записалась нововыходцами и, получив во второй раз жалование, вернулись на прежние места. Монастырь же не получал платежей как с оформленных порядными, так и с не имевших их.

По сыску 1680 г. из вотчины переселению подлежало 658 семей карел. Крестьяне, не попавшие в это число, также пытались «отбиться» от монастыря. В Москву отправился челобитчик, о котором известно: «молод, «об одном глазе», «а пристае у боярина князя Ивана Андреевича Голицына у старика». Хотя в Валдайской округе «крепостных крестьян и бобылей малое число ... а то все пришлые из-за немецкого рубежа, ... живут лет по 30 и 20 с лишком», монастырь неустанно хлопотал о возвраще-

нии хотя бы части ушедших на дворцовые земли. В вопросе о карелянах ясность наступила только к 1701 г.: монастырю удалось закрепить их за собой.

Если в Старорусском у. население деревень зачастую было смешанным, то в Валдайской округе карельские деревни располагались компактно вдоль московской дороги и в отдалении от нее от 2 до 20–30 км и составляли особую общину. В приходах со смешанным населением необходимым условием для поставления в священники было знание карельского языка.

В вотчине карелы занимались промыслами, вели торговые дела, выезжая за рубеж, как по государевой проезжей грамоте, так и нелегально. В 1680-е гг. они втягиваются в торговлю табаком, вином. При «огласке» штраф составлял 16–25 руб. на человека. «Табачные деньги» налагались на всех крестьян общины, что вызывало протест «неторгующих». В начале 1690-х гг. в карельских деревнях табаком и вином торговали почти все – и дворовладельцы, и захребетники.

Часто порядные или ссудно-порядные грамоты оформлялись после 10–15-летнего проживания в вотчине. Особенно много таких людей среди захребетников и подсоседников. Некрепостное население вотчины составляло основную массу работников по найму, труд которых широко использовался и крестьянами, и самим монастырем.

Р.Б. Шайхисламов¹

**Крестьянское население Южного Урала
в период аграрного освоения региона (в XVII – середине XIX в.)**

В ходе хозяйственного освоения территории Южного Урала, начавшегося после вхождения башкир в состав России, шел процесс формирования различных социальных групп земледельческого населения – дворцовых, помещичьих и заводских

¹ *Шайхисламов Рашид Бадретдинович*, доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа, shrb2007@mail.ru

крестьян. На ход, характер и результаты крестьянской колонизации Южного Урала значительное влияние оказывали исторические, экономические, этнические, географические и другие особенности, отличавшие регион от заселяемых и хозяйственно осваиваемых окраинных территорий России. В результате хозяйственного освоения территории Южного Урала в XVII–XVIII вв. возникали поселения крестьян-переселенцев. Для значительной части земледельцев поселение на территории Южного Урала сопровождалось изменением их социального статуса. Пополнив ту или иную социальную группу крестьянства, они облагались феодальными повинностями и платежами. На Южном Урале, в силу его специфики (вотчинное право коренных жителей на все занимаемые ими земли), возникла особая группа крестьян-припущенников, неизвестная в других регионах России. Припущенниками, которые селились на башкирских волостных землях по договору с вотчинниками (т.е. по припуску), являлись представители различных групп феодально-зависимого крестьянства.

Обеспечение землей основной части крестьян-переселенцев осуществлялось за счет официального отвода правительством угодий из фонда так называемых «свободных» казенных земель. Этот фонд создавался и расширялся государством различными способами, вызывая упорное сопротивление теснимых в поземельном отношении башкир. Наделение частновладельческих, монастырских, заводских крестьян осуществлялось самими владельцами, получившими уделы путем раздачи угодий из фонда «свободных» казенных земель. Помимо наделной системы имели место и вненаделные формы землепользования: земельная аренда, захватная форма, покупка земель у башкир.

Процессы хозяйственного освоения территории Южного Урала и складывания крестьянского населения региона происходили под контролем правительства. Стремясь превратить край в органическую часть государства, населенного подданными, оно предпринимало меры по скорейшему заселению, отводило угодья, предоставляло ряд льгот и пособий переселенцам.

Таким образом, в колонизационном процессе социально-экономические соображения правительства объективно совпадали с экономическими интересами решивших переселиться крестьян, в силу чего заселение территории Южного Урала происходило быстрыми темпами, особенно начиная с 30–40-х годов XVIII в. В свою очередь рост крестьянского населения и расширение хозяйственной деятельности, неразрывно связанные с колонизацией, сыграли значительную роль в изменении исторически сложившихся поземельных отношений на Южном Урале, выразившихся во втягивании региона в социально-экономическую систему Российского государства.

В конце XVIII – первой половине XIX в. крестьяне, будучи неоднородными по составу, в юридически-правовом отношении представляли социальную группу трех основных категорий: государственных, удельных, частновладельческих. К последним относилась большая часть заводских крестьян Южного Урала. Каждая категория крестьянства края, образовавшаяся из различных групп сельского населения, представляла собой чрезвычайно пестрый конгломерат земледельцев. Пестрота эта была обусловлена историей происхождения, степенью зависимости крестьян от владельцев и ведомств и т.д. Самыми многообразными по социальному составу были государственные крестьяне.

Различия в статусе крестьян проистекали из фактического различия в статусе их владельцев – собственников земли, на которой «водворялись» крестьяне (государственная казна, императорская фамилия, помещик). Помимо этих условий важную роль в определении статуса категорий крестьян играла социальная политика государства. В значительной степени государственная власть законодательно определяла социально-правовое положение крестьян. Анализ эволюции социально-правового положения крестьянского населения в первой половине XIX в. позволяет видеть неуклонное усиление государственного регулирования крестьянского статуса. В течение первой половины XIX в. правовая база указанных категории крестьян расширялась, однако их юридические различия сохранялись вплоть до реформ 1860-х гг.

А.И. Комиссаренко¹

Миграционные процессы на Вятке в первой половине XVIII в.

Миграция населения представляла собою важный фактор социально-экономического статуса многих регионов России в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени. Вятский край, расположенный в северной части страны в бассейне рек Вятки и ее притоков – Лузы, Летки, Чепцы и др., соединял Поморье, Поволжье, Центр, Урал и Сибирь. С конца XVI в. вятские крестьяне и посадские люди активно участвовали в хозяйственном освоении Урала и Сибири.

Движение населения Вятки вызывалось различными причинами. Выпаханность земли и, как следствие этого, снижение урожайности почвы толкали к поиску новых пашен как внутри своих волостей или уездов, так и на более удаленных землях. Имела значение и потеря источников жизнеобеспечения, вынуждая крестьян, «переходя меж дворы», заниматься «черною работою» в пределах своего уезда, а нередко в соседних с ним территориях. Зачастую эти «переходы» являлись также и протестом против непосильного тягла, выливаясь в бегство «неведомо куда». Сохранившиеся в РГАДА источники демографического учета – подворные переписи 1706–1717 гг., подушные переписи первых двух ревизий за 20–40-е гг. XVIII в. дают возможность выявить процессы миграции в крае: Хлыновском, Орловском, Слободском, Шестаковском, Котельническом уездах.

В 1706–1710 гг. проводившийся по указу Ратуши вятскими бурмистрами Иваном Кудриным, Михаилом Пашкиным и земскими старостами дворовой учет в Филипповой слободке – центральной части Хлыновского уезда – зафиксировал 468 пустых дворов из 820. Крестьяне из 210 этих запустевших дворов «ушли безвестно». В ряде случаев переписчикам удалось выявить причину «запустения». Например, в деревне, «что починок Сосновый», бобыль

¹ *Комиссаренко Аркадий Иванович*, доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва, arkdiy109@rambler.ru

М.М Бяков «... от набора солдатства збег с Вятки». В починке Бутырки оказались заброшенными дворы крестьян Ф.Т. Пестова, И.К. Сезева, Д.А. Князева, которые «... послыша перепись, ушли безвестно». 18 дворовых мест оказались «в пусте» из-за обнищания хозяев, ушедших «кормится милостынею» или «скитатца меж дворами» в Слободском уезде. Из-за смерти «кормильца» в семье запустели 54 двора (11,5 %), а дети записались в половники или срочные работники в «бесермянских» селениях, расположенных по берегам реки Чепца в Слободском уезде. Из 10 дворов крестьяне ушли туда по причине неплодородия пашенных участков.

Правительственная политика также способствовала миграции. С начала XVIII в. по царским указам практиковались высылки вятских крестьян на «городовую службу» в связи со строительством фортификационных сооружений в зоне военных действий против шведской и турецкой армий. Так, из Филипповой слободки и Ошланской волости Хлыновского уезда для работ по инженерному укреплению Архангельского порта и Таганрога были мобилизованы крестьяне 9 дворов, хозяйства которых вскоре запустели. Более трети дворов (34,2 %) оказались заброшенными из-за отхода их владельцев по указу «Конзилии» министров на вновь осваиваемые земли в Казанском уезде. Только немногие из них продолжали обрабатывать свои участки на старом месте «наездом» или «находом».

В 1743–1745 гг. на Вятке проводилась вторая общегосударственная подушная перепись. При составлении «сказок» писцам предписывалось собирать сведения об ушедших крестьянах с тем, чтобы их «... вывести на прежнее жилище». «Сказки» с такой информацией свидетельствуют, что только доля «ушедших» по 8 волостям Великоорецкого оброчного стана достигала 10 % – 437 крестьян из 4979. По другим волостям отмечены переселения крестьян в Комаровские «починки» и Сунскую вотчину Вятского Успенского Трифонова монастыря. В большинстве этих случаев внутренней миграции статус крестьян – переселенцев понижался, они становились половниками или срочными работниками в хозяйствах монастыря и состоятель-

ных сельчан. Лишь немногие из переселенцев приобретали на новом месте «свои дворы». Как сообщал правительству главный ревизор в вятском крае полковник Ифлонт, с 1722 по 1747 г. из Хлыновского уезда переселились со своими семьями в «иные места» 1474 дворохозяина, что составило почти 5 % всего «убылого» за этот период по разным причинам населения (смерти, взятия в рекруты, мобилизаций на строительные и дорожные работы и т.п.)

Двадцатилетие между второй (40-е гг.) и третьей (60-е гг.) ревизиям характеризуется продолжавшимся процессом миграции (преимущественно внутренней, в пределах Вятской провинции). Среди мигрантов различались «ушедшие», поселившиеся на новом месте, они продолжали платить подушные деньги в прежних волостных общинах, и «беглые», которые, уйдя, отрывались от своей мирской общины и не несли вместе с ней фискальных повинностей. Доля «ушедших» держалась в разных уездах на уровне 9–16 % от общей численности жителей, а доля «беглых» составляла в среднем от 1 до 2,3 %. Основная часть этой группы уходила в районы Урала, западной Сибири, Средней и Нижней Волги. Процессу миграции как внутренней, так и внешней способствовала специфика крестьянского землепользования, заключавшаяся в долевым владении и свободе земельной мобилизации.

Н.В. Козлова¹

**Отставные воины и правительственная программа
хозяйственного освоения земель
Юга Европейской России и Сибири в XVIII в.**

Государственная программа Екатерины II по хозяйственному освоению степных, южных и юго-восточных земель Европейской России решалась, как известно, разными средствами: за счет переселения помещиками своих крестьян; через наделение землей всякого, кто хотел и мог ее обрабатывать (кроме частновладельческих

¹ Козлова Наталья Вадимовна, доктор исторических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, kozlova.n.v.i@gmail.com

крепостных), с помощью призыва иностранных колонистов. В реализацию этих замыслов были включены и не имеющие собственного пропитания отставные воины. Поселение их вместе с семьями на пустующих землях Юга, Поволжья, при крепостях строящихся укрепленных линий Оренбургского края и Сибири по замыслам правительства, должно было одновременно стать одной из форм социального призрения военно-служилого люда. Первоначально возникшая как альтернатива монастырскому содержанию отставных, после секуляризации церковного и монастырского землевладения поселенческая программа обретает новый масштаб и значение.

Первые шаги, поначалу не слишком удачные, по поселению отставных военных «близ границ на пустых землях» были предприняты еще в царствование Анны Иоанновны. Тогда эта мера касалась тех унтер-офицеров, рядовых и нестроевых, а также адмиралтейских служителей, кто, получив «за ранами, за болезнями и за старостью» отставку от военной службы, при отсутствии средств сохранял способность работы на земле (ПСЗ. Т. IX. № 7136. Т. XI. № 8002). Указом 27 (31) декабря 1736 г. таковых следовало селить в низовьях Волги между Царицыным и Астраханью. Другим местом поселения назначались крепости Казанской губернии (Заинск, Тиинск, Билярск и др.), освобождаемые в связи с переводом из них служилых людей в строящиеся крепости Новой Закамской линии. Назывались также территории по реке Кандурче, от Новой Закамской линии до городка Красный Яр и другие «около башкирцев» места. В 1744 г. по рекомендации начальников Оренбургской экспедиции поселение отставных было распространено на крепости Новой Закамской линии, а в число поселенцев включались и вышедшие в отставку офицеры. С конца 1750–х гг. программа хозяйственного освоения пустующих земель за счет поселения на них отставных с семьями стала распространяться на Сибирь.

Сенатским указом 1753 г. всех отставных, не имеющих пропитания, за исключением офицеров, «кои не весьма дряхлы», следовало либо вновь определять на посильную службу, либо направлять на поселение. Начиная с 1763 г., перебраться на поселение

могли все пригодные для этого отставные, ранее распределенные для пропитания по монастырям и богадельням (ПСЗ. Т. XVI. № 11902). Правительство, ориентируясь в основном на отставных, имевших семьи, допускало на поселение и лиц холостых, относительно которых сохранялась надежда, что они «могут жениться и дома свои содержать».

Порядок поселения и условия размещения отставных на свободных землях Казанской и других губерний определялись нормативными актами, исходившими от верховной власти и Сената. В них было прописано, кто из вышедших в отставку мог и должен был отправляться на новые места «для хлебопашества», какое они получали «вспоможение» в дороге и при обзаведении хозяйством, на каких условиях им выделялась земля, под чьим управлением они находились. Судя по тем же законодательным актам, включение отставных воинов в программу хозяйственного освоения свободных земель Юга и Сибири, несмотря на порой происходившие сбои, в целом имело успех. Увеличивалась численность отставных поселенцев и расширялся район, охваченный такими поселениями. К лету 1758 г. в Казанской губернии было расселено 3489 чел. мужского пола (1477 отставных и 2012 детей), а к 1784 г. численность отставных и их детей, поселенных «на линии», возросла до 4,5 тыс. душ мужского пола.

Начиная с 1759 г. отставных в Сибири селили по ряду укрепленных линий, созданных в целях защиты русских поселков от нападений кочевников, главным образом калмыков и киргизов: Новой, Иртышской, Кольванской и Кузнецкой. К середине 1780-х гг. в крепостях и деревнях трех округов (Омском, Ишимском и Курганском) сибирских линий размещалось уже 2851 чел. (922 отставных и 1929 их детей и внуков) (ПСЗ. Т. XXII. 16467).

С расселением отставных на пустующих землях решалась не только задача самостоятельного пропитания тех, кто был лишен надежных источников существования. При ее реализации постоянно имелась в виду глобальная цель расширения зоны хозяйственно освоенных земель. Принимались во внимание и соображения военной целесообразности.

М.М. Зулькарнаев¹

**Вопросы продовольственного обеспечения
Оренбургской экспедиции в 1734–1735 гг.
как фактор определения состояния земледелия в крае**

Оренбургская экспедиция была крупномасштабным мероприятием Российского государства в 30-х г. XVIII в., главной целью которого было установление торгово-экономических связей с восточными странами. Важным фактором в реализации проекта являлось своевременное обеспечение экспедиции продовольствием. Уфа как штаб-квартира экспедиции, должна была стать основным опорным пунктом при организации всех мероприятий, включая и обеспечение продовольствием. Задачи экспедиции были определены в проекте, составленном обер-секретарем Сената И.К. Кириловым в 1734 г. под названием «Изыяснение о киргис–кайсацких ордах». После утверждения проекта российским правительством И.К. Кирилов приступил к подготовительным работам. Кроме формирования личного состава военного корпуса экспедиции И.К. Кирилов решал вопросы продовольственного обеспечения. Он прекрасно понимал, что экспедицию содержать только на привозном продовольствии из центральной России будет слишком затратно.

После назначения на должность руководителя Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов отправил башкирского тархана Таймаса Шаимова в сибирские слободы «дабы о цене и проводе до яицких вершин уведомился». Одновременно ему было также поручено подобрать место для будущей пристани. Активное участие в подготовке этого транспортного маршрута принял начальник уральских горных заводов В.Н. Татищев, получивший специальное указание правительства от 14 февраля 1735 г. о необходимости совместного решения данной задачи.

Под руководством В.Н. Татищева за короткое время в Мензелинске и слободах Западной Сибири было закуплено значительное количество провизии и фуража. Однако в самой Уфе дело обстояла иначе.

¹ *Зулькарнаев Марат Минигалеевич*, Башкирский государственный университет, кандидат исторических наук, Россия, г.Уфа, zulkarnaev_mm@mail.ru

В письме к В.Н. Татищеву от 15 декабря 1734 г. И.К. Кирилов жаловался на отсутствие в Уфе хлебных запасов. Тем не менее, он надеялся найти здесь около 1000 четвертей зерна и зимним путем перевезти его в южную часть края. Его надежды оказались обоснованными, так как уже 2 февраля 1735 г. Кирилов доносил в Москву, что в Сакмарск «... из Уфы и Бирска возят рожь и муку на подводах уфимских служилых людей из платежа им за провоз поверстных денег». Кроме того, по его распоряжению шла закупка зерна в Мензелинске.

Следует подчеркнуть, что Кирилов обратил внимание на Западную Сибирь, где население довольно успешно занимались хлебопашеством. Он полагал, что для доставки этого продовольствия следовало использовать бассейн реки Яик. С этой целью весной 1735 г. была основана Верхояицкая пристань на р. Яик. В центральной части Башкирии была возведена Табынская крепость (июнь 1735 г.) и укреплялся Сакмарский городок. К 1 мая 1735 г. в Верхояицк пришел первый обоз из 70 подвод с продовольствием от населения сибирских слобод. Второй обоз из 100 подвод находился в пути.

Подготовительные по обеспечению продовольствием работы в основном были завершены в апреле 1735 г. С этого времени экспедиционный корпус И.К. Кирилова выдвинулся на место строительства будущего города. Однако вскоре выяснилось, что продовольственный обоз для экспедиции подвергся нападению со стороны повстанцев местного населения и практически был разгромлен. Возникла критическая ситуация с обеспечением продовольствием и персоналу экспедиции пришлось довольствоваться конфискованным продуктами у служилых мишарей, а также потреблением непривычным для них конины. Некоторую поддержку в обеспечении продуктами оказали казахи. Они продали И.К. Кирилову большое количество скота и вывели экспедицию из затруднительной ситуации.

Таким образом, уже на начальном этапе деятельности экспедиции возникли трудности с обеспечением продовольствием. В крае не имелось достаточного количества товарного зерна. Выбор И.К. Кириловым города Уфы как основного координирующего центра являлось серьезным просчетом в контексте перспектив продовольственного обеспечения Оренбургской экспедиции и по-

льной реализации задач российского правительства на юго-восточной окраине страны.

С.В. Черников¹

**Населенность и размещение вотчинного фонда
правлящей элиты России в середине XVIII столетия
(по материалам III ревизии)²**

Материалы подворных переписей и ревизского учета остаются важнейшими источниками для изучения численности и состава народонаселения, а также миграционных процессов в России. Те же источники традиционно используются в трудах, стоящих на стыке исторической демографии и истории социальных групп – дворянства, помещичьих крестьян (Н.М. Шепукова, В.М. Кабузан, Я.Е. Водарский, О.А. Шватченко, В.М. Воробьев, А.Я. Дегтярев и др.). Настоящая работа посвящена мало исследованному вопросу – размещению в середине XVIII в. крепостного населения, принадлежавшего дворянским фамилиям, представители которых входили в правящую элиту России XVII – первой половины XVIII в. Доклад также позволяет раскрыть новые, еще не известные в литературе, особенности аграрного освоения страны и эволюции дворянской собственности. Основным источником для анализа послужили материалы III ревизии по Европейской России (обработаны сведения по 11 губерниям, 41 провинции, 175 уездам, учтено 3,4 млн душ м.п. помещичьих крестьян).

Сравнение данных III ревизии и подворной переписи конца XVII в. (использовались алфавиты к сказкам Генерального двора 1699–1700 гг.) показало, что за 1700–1762 гг. доля помещичьих крестьян, принадлежавших «думным фамилиям» XVII в., снизи-

¹ Черников Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, Россия, г. Липецк, zserg72@gmail.com

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00001(а).

лась с 49 до 33 %. Новым фамилиям, чьи представители вошли в состав правящей элиты лишь в XVIII столетии, напротив, удалось укрепить свои позиции, а доля крепостных, принадлежавших этому слою, выросла с 16 до 31 %. Вместе с тем, масштабы перемен в социальной структуре собственности преувеличивать не следует. Даже к середине XVIII в. «старая элита» прочно удерживала первые позиции среди крупнейших душевладельцев страны – кн. Голицыны (107 тыс. душ м.п.), Шереметевы (88 тыс.), кн. Долгоруковы (50 тыс.), Салтыковы (47 тыс.), Нарышкины (38 тыс.), Лопухины (28 тыс.), Головины (27 тыс.). Тогда же, в Московский период, сформировались обширные вотчины именитых людей Строгановых (по III ревизии – 64 тыс. душ м.п.).

Благосостояние «думных фамилий» в середине XVIII в. примерно в равной мере зависело как от их экономического положения в начале столетия ($\beta = 0,72$), так и от тех перемен, которые произошли с их собственностью за 1700–1762 гг. ($\beta = 0,69$). У представителей «новой элиты» размеры и населенность вотчин, сложившихся к 1762 г., в основном, определялись последним из названных факторов ($\beta = 0,94$), хотя стартовые позиции здесь также играли немалую роль ($\beta = 0,57$). Как видим, развитие собственности правящего слоя и основной массы дворянства (Д.А. Черненко) сильно различалось.

Материалы III ревизии позволяют продемонстрировать ряд закономерностей в размещении крестьянства. Так, доля крепостных, принадлежавших выходцам из «думных фамилий», превышала общероссийский показатель (32,5 %) в историческом центре страны – Московской, Суздальской, Переяславль-Залесской, Юрьев-Польской, Калужской, Ярославской, Владимирской провинциях, а также на территориях непосредственно примыкавших к Московской губернии – в Белозерской, Нижегородской, Арзамасской, Свяжской и Орловской провинциях (доля крестьян по провинциям – 38–55 %). Это позволяет сделать вывод об относительно высокой устойчивости размещения собственности традиционной элиты. Новым регионом активного освоения являлась Острогжская провинция Слободской Украины (40 %).

Основными районами размещения крепостного населения, принадлежавшего «новым фамилиям», которые делегировали своих представителей в элиту только в 1701–1762 гг., являлись периферийные области (доля крестьян по провинциям – 36–100 %; в среднем по России – 30,8 %). Это Петербургская и Псковская провинции, расположенные вблизи новой столицы (Северо-Запад), а также Севская, Харьковская (Юго-Запад), Великоустюжская, Пермская (Восток, Северо-Восток). В Центре это было характерно только для Нижегородской и Арзамасской провинций.

Крестьяне, проживавшие в имениях помещиков, чьи единокровцы не входили элиту 1613–1762 гг., также, в основном, преобладали на окраинах (доля крестьян по провинциям – 42–79 %; в среднем по России – 36,7 %): в Смоленской, Великолукской, Новгородской, Белозерской (Запад и Северо-Запад), Белгородской, Воронежской, Сумской, Изюмской (Юг), Уфимской, Казанской, Симбирской (Восток). К исключениям относились лишь Костромская и Галичская провинции (Центр).

Территорией относительно сбалансированного расселения крепостных всех трех групп дворянства (доля крестьян у каждой группы – 30 % и более) являлся регион к югу и юго-востоку от Москвы – Тульская, Рязанская, Шацкая и Алатырская провинции. Схожий по характеристикам район располагался к северо-западу от столицы – Тверская и Угличская провинции.

Л.М. Артамонова¹

Наказы депутатам государственных крестьян в Уложенную комиссию Екатерины II как источник по заселению и аграрному освоению Заволжья и Приуралья в XVIII в.

О наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. уже сообщалось на сессиях аграрного симпозиума Восточной Европы. Данное обращение к этому источнику посвящено выявлению его возмож-

¹ *Артамонова Людмила Михайловна*, доктор исторических наук, Самарский государственный институт культуры, Россия, г. Самара, artamonovoi@mail.ru

ностей для реконструкции аграрного освоения Заволжья и Приуралья, а также для уточнения сведений других документов и устных преданий. Были использованы неопубликованные указы из ф. 342 «Новоуложенные комиссии» в РГАДА.

Ряд наказов содержат сведения о местах выхода переселенцев, времени и обстоятельствах перехода. В наказе дд. Афонькиной и Сережкиной сказано: «И хотя мы, служилые чуваша, и имели на старинных своих жительствовах отцовскую и дедовскую землю, токмо чрез тре переписи за умножением народа учинилась в той земле и в сенных покосах недовольствие. И за тем недовольствием купили мы землю у служилого ж татарина Надыра Кулметева..., на которой купленной нашей земле поселились мы в прошлом 758-м году и хлебопашество имеем». Схожие данные приведены в наказе жителей с. Смолкина с деревнями – служилых чувашей, прежде причисленных «к работе корабельных лесов» в Симбирском уезде.

Наказы деревень Каменки, Ст. Резяпины, Клявлино, Семеновы подчеркивают, что они основаны чувашами Симбирского и Свияжского уездов, ушедшими из-за притеснений помещиков и малоземелья. При этом выясняется различный характер пользования землей прежними хозяевами. Кому-то башкиры продали «порозжую дикую землю», а жители Резяпиной сняли «отводную землю в вечное владение» у поселившихся ранее там татар.

Сопоставление с ревизскими сказками может прояснить топонимику селений и датировку перехода. Клявлино получило название от «заводчика» – Клевле Чюрекеева, крещенного под именем Василия Иванова, выходца из д. Елаур Завального стана Симбирского уезда. Точное время переселения не указано, но вряд ли оно далеко отстояло от 1762 г., так как на момент подачи в том году сказки «заводчику» было всего 29 лет.

В наказах деревень Ибрайкиной, Верх. и Ниж. Аверкиных упоминается покупка земли «у тархан Уфинского уезда», а также то, что земля была закреплена во владении «по отводу геодезии поручика Красильникова» и на нее «Оренбургскою губернской канцеляриею и план сочинен». Переход датируется 1753 г., местом выхода называются «разные уезды» Нижегород-

ской губернии. Имена основателей этих деревень есть в устном предании и в ревизских сказках, где их именуют «заводчиками». Христианское имя Ибрая – Борис Алексеев, а Аверки (Аерки) – Аверьян Андреев.

По устному преданию, в деревню Стюхино переселенцы-чуваши прибыли из Симбирского уезда, сохранив название прежнего места жительства. Они купили землю у башкирских тарханов из деревни Султангуловой. Купчую крепость они заверили в Карсуне в 1755 г. Это предание подтверждается наказом с. Стюхино и д. Султангуловой в Уложенную комиссию.

Иное соотношение сложилось между устными и письменными источниками об основании деревни Староганькиной. Предание о прибытии переселенцев в 1710 г., о первоначальной аренде земли, о покупке ее с торгов в 1747 г. не подтверждается наказом, в котором говорится о земельной сделке и переселении только в 1753 г.

Еще одним аргументом в пользу более поздней даты основания деревни является упоминание в ревизской сказке 1763 г. «заводчика» Каника Яшкина (христианское имя – Гаврила Степанов). Ему в сказке 57 лет, следовательно, родившись в 1706 г., он не мог стать первопоселенцем в 1710 г.

Упомянутые в наказах земельные споры уточняют время появления не только своих, но и соседних селений. В наказе 1767 г. чуваша дд. Б. и М. Саперкиных жаловались: «Назад тому года с четыре ... поселилась, неизвестно по какому указу, деревня Вечканкина, в которой жительство имеют ясашные из мордвы новокреплены и ... земли целое поле и сенных покосов немалое число силою у нас завладели». Из наказов видно, что одновременно и рядом с деревнями чувашей появились крепостные села Куроедово и Пилюгино, чьи владельцы захватили немалую часть земель государственных крестьян.

Таким образом, крестьянские наказания в Уложенную комиссию являются ценным источником для изучения истории заселения и аграрного освоения Заволжья и Приуралья в XVIII в. При этом необходимо их сопоставление с другими письменными и устными источниками.

А.Г. Иванов¹

**Марийские припущенники на башкирских землях
(по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.)**

Как и другие этнические и социальные прослойки пришлого нерусского населения (татары, чувашаи, удмурты, мишари, мордва), марийские припущенники внесли свой вклад в аграрное освоение башкирских земель, о чем в известной мере свидетельствуют и архивные материалы 9 наказов «ясашных черемис» Уфимского уезда в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.

Согласно наказам поселившиеся на башкирских землях ясачные марийские крестьяне, стали называться «припущенниками», представленными в абсолютном большинстве «тептярями». Как отмечали «ясашные черемисы» Осинской дороги Уфимского уезда, еще «изстари» их «прадеды, деды и отцы и по ним мы именуемся тептярями». С точки зрения припущенников, их проживание на новой родине имеет вполне достаточные основания. Все они находятся под управлением «Российского престола», являются «верноподданными» императорской власти; совместно с другими строили Уфу и другие русские города и крепости; исправно платили ясак, выполняли различные казенные повинности. По существу, они являлись составной частью податной категории государственных крестьян, чье жизнеобеспечение во многом определялось достаточным наличием удобных земель.

Обращение к важнейшему земельному вопросу являлось наиболее характерной чертой всех наказов. В них утверждалось, что «перешедшие» в Уфимский уезд ясачные марийцы с согласия башкир селились в их вотчинных владениях на определенных договорных условиях, закрепленных в припускных записях. За пользование пахотной землей, санными покосами, звериными и рыбными ловлями, лесными и другими промысловыми угодьями, марийские припущенники-тептяри обязаны были платить «башкирцам» оброчные деньги, не считая государственных ясачных платежей и повинностей. В связи с переводом в 1747 г. ясака в под-

¹ Иванов Ананий Герасимович, доктор исторических наук, Марийский государственный университет, Россия, г. Йошкар-Ола, anani@marsu.ru

ушную подать, ростом прямых и косвенных налогов, марийские крестьяне поставили правомерный вопрос об избавлении их от оброчных платежей местным землевладельцам.

Из содержания наказов видно, что пришлое марийское население всех четырех дорог Уфимского уезда обустроилось своими этнически однородными «командами», включавшими десятки деревень и сотни дворов. На новое место с преобладавшим скотоводством марийские припущенники привнесли традиционный уклад крестьянской жизни, опиравшийся на вековые общинные устои и хозяйственные занятия (пашенное земледелие, домашнее животноводство и различные промыслы). Все жизненно важные решения принимались «мирскими людьми» на общинном сходе «с общего согласия».

Большие убытки, приносимые чиновниками разных званий, заставили марийских припущенников поставить вопрос о том, чтобы ряд судебных функций был переданы их старшинам и сотникам. Эти выборные лица предлагалось наделить правом рассматривать все «малые дела», случающиеся «между нашего народа», за исключением «разбойных и татиных». Выдвигалось требование не пускать в марийские селения откупщиков конских пошлин. Составители наказа настаивали на снижении цены на покупную соль. Справедливым было и их требование не взыскивать «выводные деньги» в размере 25 коп. в казну с молодоженов и их родителей, поскольку раньше с «иноверцев» они не взыскивались.

В отношении лиц, покушавшихся на имущество и жизнь общинников, пойманных «воров», следовало приводить в судебные места и после наказания «ссылать в украинские места на поселение». Эта мера наказания должна была распространяться и на тех марийцев, которые, стремясь избежать наказания, принимали крещение и отказывались от традиционных верований. Часть пунктов наказа отразила наличие имущественного неравенства. Обедневшие вынуждены были наниматься на работу, брать займы деньги и скот у «лутчих людей», сотников и старшин. Долги приходилось отрабатывать годами, хотя существовало положение, по которому труд кабального человека оценивался в размере 5 руб. в год. Сот-

ники и старшины были не прочь использовать труд пришлых людей из других городов и уездов, какого бы они «звания и веры» не были, и держать их «у себя в работе по обязательствам».

Приемлемые условия жизнедеятельности, благоприятная природно-географическая среда Башкортостана, относительная свобода хозяйственной деятельности, особый социальный статус припущенников долгое время оставались для пришлого населения в целом привлекательными. Не случайно, в своих наказах марийские крестьяне Казанского и Кунгурского уездов настаивали на том, чтобы власти разрешили им свободно переселяться к своим сородичам на башкирские земли.

Д.А. Хитров¹

**Хозяйственное освоение и формирование
новых административно-территориальных единиц в ходе
губернской реформы 1775 г. на юге Европейской России**

Как известно, последняя четверть XVIII в. была временем серьезной перестройки системы административно-территориального деления России. Ранее существовавшая трехуровневая система (губерния-провинция-уезд), в основе которой лежала исторически сложившаяся система уездного деления, восходившая еще к периоду складывания единого государства, была решительно пересмотрена. В основу новой системы был положен рациональный принцип равенства населения (400 тыс. душ в губернии, 30–40 тыс. душ в уезде) и равномерного распределения центров управления по территории государства. Значение этой реформы было велико: она была связана с исчезновением части старых центров управления и появлением множества новых, что привело к серьезным изменениям в этой области; переориентация административных связей должна была повлечь за собой и перестройку связей хозяйственных, а вслед за ними – изменения в транспортной, торговой и прочей инфраструктуре. Наконец, губернская реформа стала

¹ *Хитров Дмитрий Алексеевич*, кандидат исторических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва, dkh@bk.ru

важнейшей вехой в унификации социальной структуры Российской империи. На этот ее аспект обычно обращается внимание применительно к территории гетманской Украины, Прибалтики и «губерниям бывшей Польши», однако и на основной территории страны многочисленные локальные сословные и этнические группы, которые в большом количестве присутствуют в итоговых материалах I-III ревизий, к моменту проведения V ревизии в значительной степени исчезают, растворяясь в крупных сословных стратах (таких как государственные крестьяне). Не меньшую роль она сыграла и в истории таких давно оформившихся сословий, как горожане (упразднив или вновь создав множество городов) и дворяне (поскольку дворянские уездные и губернские корпорации создавались уже на базе новых административных единиц).

В южных лесостепных районах Европейской России, которые рассматриваются в этой работе – территории Белгородской, Воронежской и Слободско-Украинской губерний, проведение реформы обладало значительной спецификой. Во-первых, система административных центров формировалась здесь позже, чем в центре, и была сильнее ориентирована на военные нужды, что предопределило заметную неравномерность распределения городских центров по территории. Во-вторых, в середине XVIII в. сохранялась существенная диспропорция между заселенностью южных и северных частей этих территорий. Наконец, население этих территорий было достаточно сложным по социальному составу; здесь присутствовали обширные полупривилегированные группы населения со своими сословными институтами – русские и украинские казаки, однодворцы, калмыки и другие группы коренного населения. Реформа должна была учесть эту специфику.

Сопоставление до- и пореформенной карт административного деления позволяет сделать ряд наблюдений над методами работы ее авторов. В пределах плотно освоенных северных территорий в основу новых административных единиц легли дореформенные провинции, но границы уездов были сильно пересмотрены; заметно стремление правительства добиться при этом определенной однородности социального и этнического населения в пределах гу-

берний. Здесь реформаторы стремились придерживаться предписанной Учреждением численности населения в уезде, но к югу видны существенные отступления от правила в меньшую сторону – на первый план выходило стремление создать сеть более или менее равных по площади уездов с удобными центрами, рассчитывая на дальнейшее освоение и заселение. Более решительно была пересмотрена административная принадлежность вновь осваиваемых степных районов. Если ранее вдоль всей южной границы был протянут длинный пояс слабозаселенных земель, юридически относившихся к Слободско-Украинской губернии, то теперь его восточная часть отошла к Воронежской и отчасти Курской губерниям. Это решение предопределило как направление миграционных потоков, так и состав населения этих земель в следующие десятилетия.

Ю.Н. Смирнов¹

О влиянии религиозных и внешнеполитических факторов на крестьянскую колонизацию юго-востока Европейской России: селения и «палестины» Иргиза в XVIII в.

XVIII век явился начальным этапом земледельческого освоения и формирования структуры крестьянских поселений в Степном Заволжье. При этом расселение по берегам р. Б. Иргиз и вблизи нее имело свои особенности. Наряду с социальными и экономическими причинами, присущими всем районам колонизации, довольно четко проявились религиозные и внешнеполитические факторы, не всегда или слабо заметные на иных новозаселяемых территориях. В силу этого заселение Иргиза в ряде работ прямо отождествлялось с возникновением старообрядческих скитов или с реэмиграцией из-за рубежа.

Источники, представленные опубликованными материалами, документами Российского государственного архива древних актов и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, свиде-

¹ *Смирнов Юрий Николаевич*, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Россия, Самара, smirnovuyu@mail.ru

тельствуют, что возникновение на Иргизе религиозных центров старообрядчества и массовое освоение этой территории были одновременными и связанными, но не идентичными процессами. Основными причинами крестьянской колонизации Иргиза оставались внутривосточные социально-экономические проблемы.

Ужесточение крепостнических порядков в России XVIII столетия является общеизвестным. Однако в ходе освоения новых земель представители власти готовы были идти на нарушение норм крепостного права для достижения прагматических целей.

Первые беглецы на Иргизе появляются в начале XVIII в. Кроме потаенных скитов-убежищ, их пристанищем становились рыболовецкие ватаги, волжские суда, соляные промыслы. Попыток осесть дворами и заняться земледелием на Иргизе практически не было до 1760-х гг. Мешали нападения кочевников и политика властей.

При Петре III и Екатерине II эта политика меняется. Более того, встал вопрос о расселении по Иргизу зарубежных старообрядцев. Манифест 4 декабря 1762 г. разрешал раскольникам, бежавшим в Речь Посполитую, вернуться в Россию и исповедовать старую веру. В указе 14 декабря 1762 г., который развивал положения императорского манифеста, с удовлетворением отмечалось, что при Б. Иргизе поселилось уже более тысячи беглых из самой России. Указом от 8 апреля 1763 г. их зачислили в дворцовое ведомство, а пострадавшим от бегства помещикам выдали квитанции в зачет рекрутских наборов.

Большинство легализованных на Иргизе переселенцев были помещичьими крестьянами. Последовавший затем запрет принимать новых беглецов не соблюдался достаточно строго. Официально продолжался прием «загранишных раскольников». Легализовать свое положение мог любой, кому удавалось выдать себя за выходца из-за польского рубежа. В число «загранишных раскольников» записывались и беглые крестьяне, не принадлежавшие к старообрядческим толкам, но рассчитывавшие обрести вольность и осесть на свободной земле. Многие беглые вовсе не объявлялись переписчикам.

Следующая перепись на Иргизе была проведена в чрезвычайных условиях после подавления пугачевского восстания в 1775 г.

Власти вновь пошли на уступки, требуя взамен в тех обстоятельствах самого главного – лояльности. От беглых даже не требовали приписки к конкретному селению, а удовлетворялись указаниями на то, в каком лесу или урочище они нашли пристанище. У них переписчики заимствовали подходящий термин для обозначения укромных поселков, предписав подавать сказки «попалестинно». После подачи сказок беглых предупреждали, чтобы сверх переписанных в те «палестины» более никого не принимали.

Из показаний иргизских домохозяев в 1775 г. следует, что до своего водворения здесь редко кто из них делал попытки завести собственное хозяйство или найти работу на земле у других крестьян. Только разрешение осесть при Иргизе направило значительное число беглых на земледельческое освоение края.

Кроме беглых и раскольников, сюда переселялись и другие группы населения. Однако в местных преданиях и краеведении сложилась довольно устойчивая традиция связывать с беглыми основание даже тех селений, в которых обосновались вполне законным порядком монастырские или дворцовые крестьяне.

Численность легально водворенного на Иргизе населения к началу 1780-х гг. составила до 3 тыс. душ м.п. Здесь сформировался очаг аграрного освоения с быстро растущим населением. Тому способствовали не столько меры правительства, продиктованные задачами религиозной и внешней политики, сколько поток самовольных «сходцев», прикрывавшихся этими мерами, а также переселения, осуществленные монастырями и дворцовым ведомством.

А.А. Голубинский¹

Пожары как фактор демографии сельских поселений и городов России XVIII в. – сравнительно-исторический аспект

В истории любого населенного пункта России периодически наступали события, резко изменявшие демографическую ситуа-

¹ Голубинский Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, Российский государственный архив древних актов, Россия, г. Москва, lexus.gol@gmail.com

цию – это голод, эпидемии, катастрофы природного характера – наводнения, ураганы. В то же время одно из бедствий антропогенного характера происходило в России с известной регулярностью – это пожары. Населенные пункты, в подавляющем большинстве деревянные, горели, иногда от села или города оставались одни головешки. Случаев прямого влияния пожаров на демографию населенного пункта, когда сгорала значительная часть населения, не так много. Таким, например, в мае 1770 г. был пожар в г. Тихвине, когда «обывательских домов до семи сот, большею частью со всем имуществом, людей в домах и по улицам бегущих сгорело» и «от огня в колодезях потонувших числится» 120 человек [РГИА. Ф. 1310. Оп. 1. «Дела». Ед. хр. 23. Л. 1]. Пожары, однако, полностью меняли условия существования жителей, влияли на миграцию населения.

Источников с исчерпывающей информацией о пожарах в селах и деревнях имеется сравнительно немного. Упоминания о пожарах и об их предотвращении встречаются в помещичьих инструкциях, на что обращали внимание Л.В. Милов и Д.А. Быков. Например, в инструкции управителям дворцовых волостей (1731 г.) рекомендовалось выяснять причину и время случившегося «пожарного разорения», причиненный ущерб и, главное, «можно ль оным погорелым крестьяном платить дворцовые доходы или нечем...» [Волков С.И. Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г. // Исторический архив. Том VI. М-Л., 1951. С. 156–197].

Показателен пример вотчинного хозяйства Щербатовых. Рассмотрение их инструкций, как опубликованных и так сохранившихся в РГАДА, показывает изменение отношения к пожарам. В наиболее значимых населенных пунктах (Кузмодемьянское, Михайловское) за XVIII в. крупных пожаров не зафиксировано, однако два пожара (1748 и 1774 гг.) в деревнях вызвали разработку нескольких инструкций. Повышенный интерес М.М. Щербатова можно зафиксировать по отношению к указу Ярославской провинциальной канцелярии о предотвращении пожаров. Прямые потери от возгораний были минимальны, как показывают сохранившиеся ревизские материалы, но вызвали существенное перераспределение рабочих рук, а также строительных материалов.

Пожары в сельской местности исследовались Сенатом достаточно редко, объем сохранившейся информации о пожарах в селах и деревнях не сравним с тем, что можно найти в документах Комиссии о Каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы – органа государственной власти, занимавшегося регулированием вопросов, связанных с перестройкой города. Одно из немногочисленных исключений – пожар (вследствие поджога) села Сосновки подданных господина Генерала майора и кавалера Вишневого Переяславского полка. Пожары же в городах из-за большого объема материальных (и в некоторых случаях людских) потерь попадали в поле рассмотрения Сената. Сохранились специально посвященные этому вопросу сборники [РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Ед. хр. 789].

Целесообразно рассмотреть случаи пожаров в городах и в сельской местности в сравнении, учитывая их ограниченность. Особенности проявлялись в вопросе восстановления населенного пункта: если для города существовала практика привлечения профессиональных строителей, то для сельских поселений восстановление жилищ лежало на самом крестьянстве. В воле помещика было организовать доступ к строительным материалам, помогать с транспортом. Если в городах рано или поздно наступал момент, когда плотность населения и ущерб от пожаров вынуждали рассматривать вопрос о строительстве из кирпича или другого негорючего материала, то в отношении сельских населенных пунктов из-за отсутствия таких строительных материалов, а также их дороговизны, этого, как правило, не происходило (хотя декларации об этом в хозяйственной документации крупных вотчинников встречаются).

В городах были сосредоточены специализированные, потенциально пожароопасные строения – местные учреждения, кузницы, пивоварни, харчевни, питейные заведения. В частности, грандиозным был пожар в кабаке Ярославля в 1768 г. [РГИА. Ф. 1310. Оп. 1. «Дела». Ед. хр. 43. Л. 2 а]. Как для городов, так и для сельских поселений правительство и помещики вырабатывали меры предотвращения пожаров, а основной из них становилась регламентация места строительства. Правительство требовало, чтобы вновь появлявшиеся городские строения располагались в

соответствии с сочиняемыми «прожектированными» и «конфирмованными» планами. В сельской же местности вотчинники самостоятельно сочиняли планы собственных усадеб (например, М. М. Щербатов).

Как горожане, так и поселяне поощрялись за самостоятельные действия в области противопожарной безопасности (известно «о награждении российских и иностранных купцов в понесенном от учинившегося пожара в Санкт Петербурге убытке зачетом ... пошлин третьей части») или получали возмещение за понесенные убытки (погорельцы у П.А. Румянцева на полгода освобождались от платежей).

Таким образом, большие пожары надолго изменяли облик, привычный жизненный уклад населенного пункта, а также размер крестьянских податей и приводили к вынужденной миграции.

А.С. Акьюлов¹

**Демографическая ситуация
в Оренбургской губернии в первой половине XIX в.
и ее влияние на состояние земледелия в крае**

За 1800–1850 гг. население Оренбургской губернии выросло с 884787 до 2393628 чел. (в 2,7 раза). В основе такого быстрого роста населения лежали два фактора: естественный прирост и приток крестьян из внутренних губерний России. Естественный прирост в губернии в 40-х – начале 50-х гг. колебался от 1,4 % до 1,7 % в год. В 1800–1816 гг. в губернию ежегодно переселялось более 14 тыс. чел., в 1816–1834 гг. – свыше 18 тыс. чел.; в 1835–1850 гг. – около 9 тыс. чел. Главной причиной, вынуждавшей крестьян покидать родные места, распродавая скот, имущество и отправляясь в дальний путь в поисках лучшей доли, было малоземелье, а также возрастающие недоимки.

Основную массу переселенцев составляли крестьяне Тамбовской, Пензенской, Воронежской и Курской губерний. Всего в пер-

¹ Акьюлов Азамат Сулейманович, кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа, a.azamat19-77@mail.ru

вой половине XIX в. в Оренбургскую губернию переселилось свыше 690 тыс. крестьян. Селились они преимущественно в юго-западной (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды) и юго-восточной (Оренбургский, Троицкий, Челябинский уезды) частях губернии.

Резкое увеличение земледельческого населения способствовало развитию хлебопашества в крае. Так, если в 1800 г. в Оренбургской губернии было засеяно 1298 тыс. четвертей хлеба, в 1834 г. – 1834 тыс. четвертей, в 1836 г. – 2495 тыс. четвертей, то в 1849 г. – 3197 тыс. четвертей. В 1850 г. было засеяно озимых и яровых хлебов 3169 тыс. четвертей хлеба.

Преобладающая часть посевов принадлежала крестьянам. На долю государственных, помещичьих и удельных крестьян в 1856 г. приходилось 52 % посевов хлебов; башкир, мишарей, тептярей – 32 %; оренбургских казаков – 11 %; горнозаводского населения – 2,6 %; уральских казаков – 1,6 %.

В начале XIX в. в Оренбургской губернии на одного крестьянина приходилось в среднем по 82,4 дес., а в 1830-е гг. по 45,9 дес. земли. Это были наиболее высокие показатели по России. Земля отличалась высоким плодородием. В 10 из 12 уездов губернии в структуре почв преобладал чернозем.

Наличие благоприятных факторов для экстенсивного роста земледелия оказывало тормозящее воздействие на процесс интенсификации земледельческого производства в крае. Увеличение массы земледельческой продукции шло не за счет использования улучшенных сельскохозяйственных орудий и применения более прогрессивных систем, а, преимущественно, за счет распашки и вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земель и роста численности крестьянского населения. Неудивительно, поэтому, что в Бузулукском, Оренбургском и Троицком уездах, где крестьяне не испытывали недостатка в земле, господствующей системой земледелия был перелог, который встречался также в некоторых уездах и у многоземельных башкир.

Разумеется, такой способ пользования землей при увеличении числа земледельцев с каждым годом становился все более затрат-

нительным, потому что площадь свободной земли постоянно сокращалась или оказывалась на значительном удалении от селений. Из-за этого земледельцы вынуждены были обрабатывать истощенные и оставленные в залежь земли, не дав им полностью восстановить свое плодородие.

Трехпольная система земледелия была широко распространена на севере и северо-западе губернии. Этому способствовала политика губернской администрации, в результате которой свободные казенные земли, отдаваемые в оброчное содержание, делились на участки с трехпольным севооборотом. Во всеподданнейшем отчете гражданского губернатора за 1856 г. было констатировано, что трехпольная система стала в губернии господствующей.

Несомненно, что интенсивный рост населения в Оренбургской губернии на протяжении первой половины XIX в. и, как следствие, увеличение плотности сельских жителей способствовали развитию хлебопашества, постепенному распространению в крае более передовых систем земледелия.

Р.З. Мударисов¹

**Особые правовые нормы землевладения башкир
в первой половине XIX в.**

Значительная часть земли и природных ресурсов края в первой половине XIX в. принадлежала башкирам. В целях социально-экономического развития края, создания благоприятных условий для внедрения промышленности, правительство должно было урегулировать вопросы землевладения и землепользования в Башкирии. Политика российского правительства в решении этих вопросов в регионе отличалась своей неоднозначностью. Подтверждением этого служит история золотодобычи на землях, принадлежащих башкирам на особом вотчинном праве.

¹ *Мударисов Рамиль Зуфарович*, доктор исторических наук, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Россия, г. Уфа, mudarisov_ramil@mail.ru

Для развития частной золотопромышленности на башкирских землях важное значение имел закон от 10 апреля 1832 г. «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае». По закону земельные сделки переходили под непосредственный контроль военного губернатора. Он оценивал выгоден или нет башкирам заключаемый ими контракт об отдаче земли в аренду. Вопрос о том, разрешено ли было башкирам в изучаемое время лично владеть приисками и добывать золото на своих вотчинных землях, законодательно не был урегулирован.

В гражданском законодательстве было указано, что владеющие землей башкиры-вотчинники «распоряжаются не на одну поверхность, но и на самые ее недра». Горное законодательство также разрешало каждому собственнику «искать металлы: золото, серебро, медь, железо, а также минералы, драгоценные камни». Вместе с тем круг людей, по закону имеющих право заниматься золотопромышленностью, был строго ограничен. Башкиры в их число не входили и в исследуемое время собственными золотыми приисками не владели. Даже в том случае, когда находили золото на своих вотчинных землях, разрешение на его добычу им не давали. Следовательно, они являлись не полными собственниками земли, а ограниченными.

В пользу этого утверждения говорит и то обстоятельство, что закон вообще допускал конфискацию вотчинной земли у башкир для различных государственных целей. Таким образом, официально признавая вотчинное право башкир, правительство в то же время подчеркивало и условность его. Разрешение заниматься золотопромышленностью лицам всех сословий было дано только в 1870 г. с введением Устава о частной золотопромышленности. До этого времени башкиры-вотчинники вынуждены были отдавать золотоносные участки в аренду частным лицам, по закону имеющим право на золотодобычу. К таковым относились только русские подданные: 1) дворяне потомственные и личные; 2) почетные граждане потомственные; 3) купцы 1-й и 2-й гильдии.

Для аренды башкирских земель необходимо было получить согласие башкир и заключить с ними договор. В условиях догово-

ра обязательно указывались урочища, отдаваемые в оброк, сумма подлежащая к уплате вотчинникам. Право отыскания золота ограничивалось одним годом.

Вотчинниками считались «все башкиры, к одной волости принадлежащие, хотя бы они разделялись на разные команды и даже состояли в разных уездах». На заключение договора должны были дать согласие две трети членов общины с 20-летнего возраста «без всякого преимущества в пользу чиновных из них».

За отходящие под прииск земли промышленники платили башкирам вознаграждение в следующих размерах: за каждую десятину луговой земли по 3 руб. сер., пашенной, не распаханной под посев от 1 р. 30 к. до 3 руб. сер. и за приготовленную под посев платили единовременно за распашку – от 5 до 6 руб. сер.

Башкиры заботились о том, чтобы после окончания срока аренды возвращаемая им земля была пригодна для занятия земледелием, скотоводством, охотой, бортничеством, т.е. традиционными видами хозяйства, поэтому во всех договорах об отдаче в аренду земли золотопромышленникам обязательно включались условия, запрещавшие им вытаптывать и пахать луга, истреблять леса. На арендованных землях без согласия вотчинников не разрешалось возводить железодельных заводов, других строений, кроме необходимых для добычи и промывки песков и для размещения рабочих. Отработанные шурфы во избежание падения в них скота должны были засыпаться. Срок аренды определялся в договорах от 8 до 12 лет. Вотчинники оговаривали право кочевать в своих землях по всем речкам, ключам, озерам, но если где-либо заводился прииск, «то мы, вотчинники, обязуемся немедленно откочевать на другие места на расстояние двух верст от места работ».

В договорах особо оговаривалось положение о том, что аренда земли не дает промышленникам право собственности на нее и с прекращением разработки прииска она возвращается вотчинникам.

Таким образом, история возникновения золотопромышленности на башкирских землях показывает, что башкиры в изучае-

мое время не являлись владельцами золотых приисков, так как были ограниченными, а не полными собственниками земли.

Д.А. Черненко¹

**Сельское расселение во Владимирской губернии
в середине XIX в. по статистическим
и картографическим материалам**

Процессы формирования и развития сети поселений в районе старого освоения, каким была территория Владимирской губернии, на середину XIX в. находились в весьма зрелой стадии. Возможности широкого по охвату и детального по содержанию анализа системы поселений этого региона дает использование статистических и картографических материалов: Списка населенных мест Владимирской губернии на 1863 г. (по данным на 1859 г.) и Атласа Владимирской губернии Менде середины XIX в. Ниже представлены общие и предварительные итоги первичной обработки данных материалов.

Созданная на основе Списков населенных мест электронная база данных (далее – ЭБД) содержит сведения о 5,5 тыс. сельских поселений Владимирской губернии. Данный источник характеризует картину сельского расселения по таким параметрам, как сельская топонимика, типологическая принадлежность поселений, положение при водном источнике, расстояние от центров местной полиции и администрации, населенность, наличие объектов социо-культурной и экономической инфраструктуры (церкви, учебные и благотворительные заведения, почтовые станции и пристани, ярмарки и базары, фабрики и т.п.).

Предварительный анализ этого документа показал, что в середине XIX в. во Владимирской губернии преобладал прибрежный тип расселения. Некоторые важные параметры отражают серьезные различия между районом ополя (север и северо-запад Владимирского уезда, юг Суздальского уезда и практически весь

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, dmitcher@mail.ru

Юрьев-Польский уезд) и остальной территорией губернии. Например, это касается плотности сети поселений. В Юрьев-Польском уезде плотность поселенческой сети составляла 1 поселение на 8 кв. км., в Суздальском – 1 поселение на 7,2 кв. км, во Владимирском – 1 поселение на 5,5 кв. км. Для сравнения в Покровском уезде этот показатель составил 1 поселение на 10,4 кв. км, в Судогодском – 1 поселение на 10,8 кв. км, в Меленковском – 1 поселение на 12,9 кв. км.

Варьируется и величина поселений. В целом в губернии преобладали малодворные поселения (размер большинства не превышал 20 дворов). Из 5,5 тыс. поселений только 84 поселения достигали размера 100 дворов и больше, 34 из них располагались во Владимирском, Суздальском и Юрьев-Польском уу. Из 32 поселений губернии, в которых было более 1000 жителей, половина (17) также приходилась на эти три уезда.

При этом, по крайней мере, применительно к середине XIX в. речь не идет о концентрации населения в пределах района ополья – три названных уезда составляли 17,6 % площади губернии, в них располагалось 23,8 % ее населения. По данным Списков, плотность населения была заметно выше остальных только во Владимирском у. (44 чел. на кв. км), в Суздальском она составляла 31 чел. на кв. км, в Юрьев-Польском – 25 чел. на кв. км, но при этом в Ковровском – тоже 25 чел. на кв. км, а в Шуйском – 30 чел. на кв. км.

Эти результаты полностью подтверждаются итогами анализа данных Экономических примечаний к Генеральному межеванию об уровне распашки на конец XVIII в.

Атлас Менде Владимирской губернии представляет собой крупномасштабную многолистную карту – она выполнена на 25 листах, образующих 6 горизонтальных и 5 вертикальных рядов.

Установлено, что для данной карты характерна крайне высокая степень детализации информации. На карте прекрасно читается район ополья, охватывающий значительные части Суздальского, Владимирского и практически весь Юрьев-Польский уезд и резко контрастирующий с ним своей лесистостью район Мещер-

ской низменности. Очень тщательно прорисована речная сеть, что должно обеспечить высокую степень локализации поселений.

На данном этапе исследования произведено совмещение отдельных листов карты, осуществлена географическая привязка полученной итоговой карты (растрового изображения) с помощью общедоступной программы NextGIS QGIS методом контрольных точек (точек с известными координатами). Таким образом, созданы все условия для проведения работ по оцифровке (или векторизации – созданию векторных объектов) растровой карты Владимирской губернии, что является перспективной задачей исследования на следующем этапе его реализации.

А.Я. Дегтярев¹

**Проблемы сельского расселения и аграрной истории
в трудах академика М.К. Любавского
(к историографии вопроса)**

Ровно 20 лет назад Санкт-Петербургскими историками в издательстве МГУ был опубликован итоговый фундаментальный труд бывшего ректора Императорского Московского университета (1911–1917 гг.), академика Матвея Кузьмича Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до начала XX века» (Изд-во МГУ, 1996, 688 с.). Выдающийся историк завершил его на уфимской земле, где в сталинской ссылке кончились его дни и где память о нем бережно сохраняется.

До этого почти семь десятилетий его труды отсутствовали в отечественной науке. Это длительное замалчивание до сих пор выглядит загадочно. Осужденный по «Академическому делу» ученый был в 1967 г. полностью реабилитирован, а затем восстановлен в звании действительного члена АН СССР, с чем Президент Академии М.В. Келдыш лично поздравил его дочь, известного русского художника Веру Матвеевну Ливанову. При этом он спе-

¹ *Дегтярев Александр Якимович*, доктор исторических наук, советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Россия, г. Москва.

циально отметил: «Сохранение творческого наследия Вашего отца... имеет серьезное значение для дальнейшего глубокого изучения проблем истории России».

Однако эти принципиальные сдвиги и заявления не привели к каким-либо изменениям, касающимся введения в научный оборот наследия ученого. Лишь несколько исследователей пытались раскрыть и оценить его вклад в российскую историческую науку. Следует подчеркнуть, что большой вклад в изучение творчества М.К. Любавского внес Д.В. Карев, начавший свои исследования в 70-е гг. прошлого века. Комплекс трудов М.К. Любавского, посвященных Башкирии охарактеризовал в начале 70-х гг. В.С. Тольц.

Прошло 30 лет, пока группа ученых, не связанная ни с АН СССР, ни с МГУ, взяла на себя труд издания выполненного М.К. Любавским обобщающего исследования русского расселения. Эта работа, связанная с расшифровкой страниц рукописи, часто исполненных на оборотах полуистлевших накладных «Башгужтранса», редактированием, составлением огромных по объему указателей и удручающим в первой половине 90-х своей безнадежностью поиском средств на типографию заняла шесть лет.

Труд М.К. Любавского носит выраженный итоговый характер. Им был исследован и, собственно, подведен итог многовекового пространственного расширения Российского государства, которое затем вошло в охватившую весь XX век стадию сокращения своей территории.

Ученый выполнил задачу исключительной трудности – обобщить все, что имеет первостепенную важность в изучении истории любого народа – истории его пребывания на земле и движения по ее пространствам. Можно уверенно сказать, что им изучалась главная составляющая отечественной истории. Такое утверждение практически бесспорно, поскольку расселение является универсальной формой бытия людских сообществ. Вне этой формы невозможно говорить о человеческом обществе как таковом.

В средние века расселение не мыслилось без аграрного освоения территорий. С этой точки зрения скрупулезно изученная М.К. Любавским история заселения пространств будущей импе-

рии является одновременно и историей их аграрного освоения. Сведения об этом обильно рассыпаны в его труде в качестве объемных и малых примеров. Главная роль в освоении земель, как неоднократно утверждал ученый, «принадлежала все-таки крестьянину-земледельцу и мелкому служилому человеку».

«Обзор...» по сравнению с предыдущими трудами исследователя по этой тематике был кардинально расширен. В нем появилось больше 10 новых глав, охвачены все районы государства, а хронологические границы раздвинуты от эпохи скифов до рубежа XX века.

Появилась в труде большая глава, посвященная ставшей родной для него Башкирии. История башкир прослеживается историком, начиная с первых веков нашей эры. Анализируются особенности аграрных отношений в башкирском обществе, история взаимодействия с появившимся русским населением, строительство укрепленных линий в Приуралье, история Оренбургского казачьего войска.

Следует отметить, что исследования по истории Башкирии, выполненные М.К. Любавским, пока еще не опубликованы и остаются «вещью в себе». Назовем эти монографии ученого: «Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX вв.», «Вотчинники башкиры и их припущенники в XVII–XVIII вв.», «Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв.» Будем надеяться, что эти работы ученого рано или поздно увидят свет.

Сегодня тот, кто наберет в интернете имя М.К. Любавского, обнаружит тысячи ссылок на сайты, связанные с его именем. Уже мало, кто верит, что этому предшествовало забвение, растянувшееся на многие десятилетия. За двадцать лет возвращены в науку и неоднократно переизданы многие его труды. Появились аудио- интернет- и DVD-издания, многочисленные рецензии. Явленный кругу профессионалов фундаментальный труд М.К. Любавского серьезно активизировал исследования проблем расселения, исторической демографии, аграрной истории во многих университетских и академических центрах. В Уфе, Санкт-Петербурге и Москве прошли за эти годы конференции, специально посвященные творчеству ученого. Защищены

несколько диссертаций (В.Н. Фешкин, Ю.Н. Ермолаев), появилось множество работ, развивающих идеи М.К. Любавского.

Справедливость, в конце концов, восторжествовала, в очередной раз убедив всех, что рукописи действительно не горят. Уже и родной Московский университет, который он тащил на своих профессорских плечах через Первую мировую войну, стал относиться к нему лучше, чем прежде. Может, наконец, и какую-нибудь безымянную пока улицу (уникальный шанс, ничего не надо переименовывать!) в огромном новом комплексе МГУ назовут именем опального ректора, который утверждал в трудные для университета времена: «Надо употребить все усилия, чтобы отстоять, во что бы то ни стало, нашу alma mater, спасти все, что только можно».

С.И. Михальченко¹

**В.Б. Антонович и его школа
о роли общинного начала в истории Руси**

В.Б. Антонович (1830–1908), глава одного из подразделений киевской школы в русской историографии, уделял в своем творчестве серьезное внимание как сельским общинам, так и городским, продолжив «общинную» линию исследований одного из своих учителей, Н.Д. Иванишева. Итогом его размышлений и одновременно попыткой обобщения роли общин в истории Русского государства стала концепция ранней истории Руси, содержащаяся в курсе лекций по русской истории. Решительно выступив против теории родового быта Б.Н. Чичерина – С.М. Соловьева, Антонович, отмечая близость своих построений к общинной концепции славянофилов, заявил, что «все славянские государства образовались из общин». Расшифровывая это положение, он отметил, что «каждая волость имела выборного начальника, который для решения различных вопросов собирал народ на вече». Причем общинное начало у славян существовало задолго до при-

¹ *Михальченко Сергей Иванович*, доктор исторических наук, Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского, Россия, Брянск, smikh10@mail.ru

нения христианства. Славянские волости при этом составляли между собой федеративные союзы. В свою очередь, федерация волостей составляла племя. Центром племени был город, в котором жил князь. Вслед за Н.И. Костомаровым он называл территориально-племенную единицу земель. Причиной распада единого Русского государства Антонович видел «тяготение племен врозь». Видимо, сам автор нечетко понимал причину такого распада. Во всяком случае, его объяснения этого процесса характеризуются определенной расплывчатостью: «С тех пор, как началось объединение племен, началось и стремление их отложиться и сохранить самоуправление».

В трудах учеников Антоновича, также как и в сочинениях учителя, заметен интерес к истории общины, «вечевого элемента». Исследовать и затем изложить такого рода факты не всегда было просто, так как летописи, как известно, содержат преимущественно факты деятельности князей, поэтому не каждому автору удавалось дать цельную картину жизни общин, но пытались это сделать многие.

Как образование с общинным строем при громадной роли веча рассматривал Смоленскую землю П.В. Голубовский. При этом, по его мнению, на протяжении всей истории Смоленщины не утихает борьба князя и веча («еще с незапамятных времен... кривицкое вече является главным хозяином во внутренних делах»).

Значительную роль общинного устройства и веча отмечал по отношению к Полоцкой земле В.Е. Данилевич. Именно из-за высокого уровня развития веча даже название титула правителя в Полоцке было не «великий князь», а просто «князь». При этом Данилевич сравнивал вече Полоцка с народными собраниями древних Греции и Рима и убеждался в его меньшей организованности.

Особенно большое значение было уделено общине в опубликованном в 1891 г. исследовании истории Киевской земли М.С. Грушевским. Он не ограничивался общим для киевской школы утверждением о борьбе общины (веча), дружины и князя, как главном содержании истории древней Руси, но дал сравнительно подробную характеристику общины. Грушевский называл общиной «самоуправляющуюся общественную группу в разных формах» (сельская

община, городская, вечевого округ, самоуправляющаяся земля). «Княжеско-дружинный элемент» противопоставляется общинному, потому что князь и дружина, хотя были выдвинуты самой общиной из своей среды, объединяются затем и обособляются от общины, причем дружина стоит «в непосредственной связи и зависимости от общины». По мнению Грушевского, община не имеет каких-либо специальных функций, кроме контроля за деятельностью князя: «вече служило как бы коррективом княжьего управления». Община в Киеве сохранила значительную роль и после монгольского нашествия, когда горожане уже без князей, под непосредственным управлением татар, выступили против Даниила Галицкого. Впрочем, автономия и «демократический склад жизни» остались в Киеве и после появления князей в XIII в., и при литовцах, несмотря на постепенное проникновение феодального строя.

Внимание Грушевского к древнерусской общине, однако, не приводило его, как Антоновича, к апологетизации данного явления. Это видно из теории Грушевского о происхождении казачества. Грушевский различал казачество как бытовое явление, как общественный строй и как термин. Главной ошибкой авторов середины XIX в. (Костомарова, Антоновича, Максимовича), по его мнению, было распространение позднего устройства казачества (начала XVII в.) на ранний период его истории (конец XV – начало XVI в.). Грушевский справедливо заметил, что в XV–XVI вв. «казачество... более род занятия, чем общественное положение, и тогда как от предприятий походов, набегов казаков стоит звон и гул в украинской атмосфере, казачества, как общественного класса, как каких-нибудь "общин", не видно никакого следа в нашем документальном материале долго-долго, почти до самого конца XVII века». Как полагал историк, в первоначальном казачестве объединились: потерявшее из-за набегов кочевников государственную власть население Приднепровья; привлекаемые привольем и природными богатствами этого края «промышленники» из более отдаленных областей и, наконец, беглые, спасающиеся от угнетения крестьяне и горожане. Следует отметить, что близкая к этой точка зрения распространена и в современной исторической науке.

Тан Яньфэн¹

Историография проблемы крепостного права в России в работах китайских ученых

Крепостное право в России является особым явлением в мировой истории. Оно находилось в зачаточной стадии, когда в Западной Европе уже шла отмена крепостной системы. Оно постепенно сформировалось в тот период, когда в Западной Европе интеллектуальный толчок Возрождения и экономические сдвиги, вызванные промышленным переворотом, породили капиталистическое общество Нового времени, и достигло пика в своем развитии одновременно с эпохой Просвещения на Западе. Крепостное право в России законодательно было отменено лишь ко времени постепенного развертывания промышленного переворота и завершения его в Западной Европе. Не только ученые России непрерывно исследуют вопросы появления и отмены крепостничества в своей стране, но и историки Китая тоже уделяют большое внимание этому вопросу.

В данной статье сделана попытка систематизировать и представить достижения ученых Китая в изучении крепостничества в России. Выделяются следующие направления исследований 1) перевод источников, 2) переводы и рецензии на русскоязычные монографии, 3) труды по общей истории России, 4) монографии и научные статьи по специальным вопросам

Изучение источников является базовыми и наиболее важным. На самых ранних этапах исследования истории России ученые Китая уже начали собирать и переводить источники, касающиеся крепостного права. В июле 1957 г. были переведены «Манифест 19 февраля 1861 г.» и «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», опубликованные императором Александром II в начале крестьянской реформы. Это были первые и до сих пор единственные в Китае полные переводы текстов указов о крестьянской реформе (Россия в 1825-1905 гг. /Первый сборник материалов по всемирной истории/. Пер. Чжан Жунчу и др. 1962).

¹ *Тан Яньфэн*, кандидат исторических наук, Северо-восточный педагогический университет, КНР, Чанчунь, tangyf10@163.com

Книга П.А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России» среди переводов и рецензий на монографии стала первой, переведенной китайскими учеными (Шу Мин, 1957). Перевод монографии Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства» (Чжан Гуансян и др., 2006) позволил китайским ученым в новом ракурсе взглянуть на проблему крепостничества в России.

В монографиях по общей истории России систематически описывается процесс развития крепостничества в России. Так, «Очерк общей истории России» (Т. 1-2. Под ред. Сунь Чэнмуи др. 1986) – первый специальный труд по общей истории России в Китае, заложивший фундамент исследования российской истории китайскими специалистами. Монография Чжан Цзяньхуа «История России» (2004) посвящена эпохам царской России, СССР и Российской Федерации, что отражает взгляды автора на диалектику непрерывности, преемственности, переломов и обновлений.

В монографиях по специальным проблемам ученые с разных точек зрения изучают различные вопросы, связанные с крестьянской реформой. Например, Лю Цзуси в книге «Реформа и революция: исследование модернизации России (1861–1917 гг.)» (2001) рассматривает крепостничество в контекст модернизации России, основываясь на содержании указов о крестьянской реформе с позиции их реформаторского и революционного характера, и дает весьма точную оценку последствиям крестьянской реформы. Цао Вэйань в книге «Новый взгляд на историю России: коренные проблемы, влиявшие на историческое развитие России» (2002) анализирует формирование, развитие и отмену крепостного права в России, считая его коренной проблемой исторического развития страны. Ван Юньлун («Особый путь модернизации: анализ процессов общественной трансформации в последние 60 лет существования царской России». 2004) определяет Великие реформы как общественную трансформацию от полуфеодалного к полукапиталистическому состоянию, исходя из специфики модернизационного пути России. Другие авторы, например, Цзинь Янь, Биянь У, Ло

Айлинь, Чжан Гуансян изучают связи между сельской общиной и длительным сохранением крепостного права в России.

В научных статьях китайских специалистов освещается достаточно широкий круг вопросов. В целом, результаты крестьянской реформы оцениваются позитивно, личность Александра II характеризуется в большей степени положительно, чем отрицательно. Ученые также сходятся во мнениях по вопросу социально-экономического развития во время крестьянской реформы и в пореформенный период, в основном полагая, что экономическое развитие крестьянских хозяйств оставалось на низком уровне, а сами крестьяне стали жить хуже, чем до реформы.

Таким образом, в современной китайской историографии имеет место упорядочение и перевод текстов законодательных актов, глубокие исследования конкретных проблем крестьянской реформы. Постепенно происходит расширение сферы исследования, накопление научных достижений и формирование все более объективного понимания проблемы.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ П СЕКЦИИ
Вторая половина XIX – начало XX в.

В.В. Канищев¹

**Демографический переход в российском аграрном обществе
второй половины XIX – первой трети XX в.
Современные методы исследования²**

Российская историография демографических процессов в аграрном обществе обширна. Недавно она обогатилась академическим трудом «Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т.» (М., 2000–2011). В нем заново проанализированы демографические источники, преодолены многочисленные идеологические стереотипы в изучении населения советского общества. В монографии утверждается, что в 1930-е гг. демографический переход был заторможен и деформирован. Но эти утверждения подкреплены отдельными примерами. Авторы признали, что состояние источников первых десятилетий XX в. не позволяет сделать точные оценки.

Математическое моделирование и информационные технологии позволяют восполнить недостатки источниковой базы, выявить скрытые механизмы демографического перехода. Работа с массовыми источниками требует четкого обоснования выборок привлекаемых данных. Нашей выборкой стали все губернии и области Европейской России второй половины XIX – первой трети XX в., которые находятся на современной территории РФ (за исключением Северного Кавказа). Такой характер выборки объясняется тем, что западные регионы Российской империи и южные ре-

¹ *Канищев Валерий Владимирович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный университет, Россия, г. Тамбов, valcan@mail.ru

² Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-01-00355 и государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

гионы Советского Союза существенно отличались от «великорусских» регионов по типу демографического поведения. Источники учета населения этих территорий имели специфический характер, связанный с большой долей неправославного населения. В 1914–1922 гг. значительная часть этой документации погибла, позже не везде была востребована советскими органами ЗАГС или вовсе оказалась за пределами Советской России.

Макроподходы на уровне больших регионов дополнены наблюдениями на основе микроанализа первичных демографических материалов.

Первые эксперименты с применением теории самоорганизованной критичности к годовым данным XIX в. по 28 губерниям показали, что в большинстве из них только начинали проявляться признаки самоорганизации, т.е. регулирования демографического поведения. Анализ длинных рядов данных о рождаемости и смертности в отдельных селах Тамбовской губернии (области) в XIX–XX вв. выявил очевидные проявления «розового шума» (самоорганизованности) показателей рождаемости и смертности с 1920-х гг. и полное отсутствие признаков демографического перехода в селах, по которым имелись данные только до начала XX в.

Демографические материалы микроуровня отличаются множеством случайных колебаний. С математической точки зрения допустимая погрешность в колебаниях определяется пребыванием графиков в «коридоре» стандартных отклонений. Если график выходит за пределы коридора, требуется историческое объяснение этих математически случайных отклонений. Анализ годовой динамики демографических коэффициентов почти 50-ти приходо-в Тамбовской и Орловской губерний показал немалое количество нестандартных отклонений (40–60 % лет). Некоторые из них свидетельствуют о признаках демографического перехода (проявления в отдельные годы низкой рождаемости и смертности).

Важным методом преодоления нехватки источниковых данных и «улавливания» стратегий демографического поведения населения является фрактальный анализ. Для периода 1862–1917 гг. в Тамбовской губернии установлено сохранение традиционного типа воспро-

изводства и появление еще малозаметных подтипов, связанных с сокращением смертности при сохранении высокой рождаемости. Демофракталы 1917–1926 гг. показали, что в условиях кризисного роста смертности проявлялось стремление к максимально возможной рождаемости как средства выживания аграрного социума. В 1926–1939 гг. появился фактор массовой миграции из села. Сокращение сельской рождаемости было связано с началом ее регулирования и отъездом молодых людей. Уменьшение смертности – результат успешной борьбы советского здравоохранения с эпидемиями.

Кластерный анализ показывает механизмы постепенного формирования типологии демографических показателей. Построенные кластерные группировки 1865, 1902 и 1940 гг. дали возможность выделить территории с признаками демографического перехода. В целом эти группы показали движение российского аграрного социума от полного отсутствия признаков демографического перехода в середине XIX в. к появлению в начале XX в. нового типа демографического поведения с переходными признаками в столичных и «подстоличных» губерниях, к расширению в 1930-е гг. на всю территорию Европейской России числа регионов со средней рождаемостью и низкой смертностью.

Н.Б. Селунская¹

**Демографические процессы и социальное развитие
пореформенной российской деревни
в пространственно-временной перспективе
(Методологические аспекты исследования)**

Исследование демографических процессов при объяснении аграрной истории имеет огромное познавательное значение. В подтверждение высказанному соображению достаточно привести известные в историографии концепции объяснения отмены «принудительного труда» в сельском хозяйстве на основе определяющей роли демографического фактора, приводящего к «вымира-

¹ *Селунская Наталья Борисовна*, доктор исторических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва, selounsk@yandex.ru

нию» и «невоспроизводству», например, рабского населения в США, крепостных – в России. Различные оценки демографических процессов, протекавших в пореформенной России вплоть до 1917 г., были также основанием для долговременных и серьезных дискуссий между историками-аграрниками по вопросу так называемого «аграрного перенаселения». В круге методологических проблем изучения социально-демографических процессов, протекавших в российской деревне, в целом, в крестьянском хозяйстве, в частности, следует особо выделить направления и формы миграций населения на различных этапах развития пореформенной российской деревни вплоть до 1917 г. под воздействием внешних условий и внутренних факторов развития. Весьма актуальным представляется исследование миграционных процессов в российской пореформенной деревне на разных этапах модернизации аграрного строя. Ведь именно миграционные процессы являлись одним из важных социальных измерений модернизации. Кроме того, особого внимания заслуживает объяснение структуры трудовых ресурсов в крестьянском хозяйстве как в плане соотношения мужского и женского труда, так и доли трудоспособного населения. Важно проверить гипотезы о проявлении в гендерном измерении характера и степени развитости социальных процессов, а также влияния фатальных внешних условий их протекания, например, Первой мировой войны.

Поставленные проблемы должны исследоваться в динамике и на региональном материале, что является следованием принципу историзма, позволяющему выявить закономерности и особенности протекания названных процессов. Так, одним из наиболее ярких явлений в довоенное время было переселенческое движение в Азиатскую Россию, которое можно оценивать, соответственно, и как источник пополнения трудовых ресурсов для губерний, притягивавших беженцев, и как фактор уменьшения потенциала рабочих рук в сельском хозяйстве губерний, выталкивающих «трудовых мигрантов». Направление миграционных процессов в довоенное время можно оценить «по месту выхода» переселенцев. Здесь, на основе материалов «Статистических ежегодников», а также публикаций современников

можно выявить динамику этого процесса, его «обратимый характер». В этих же публикациях в качестве фактора-причины переселения называется «аграрное перенаселение», происходящее на губернии черноземной полосы и Поволжья.

Начало XX в. ознаменовалось, как известно, такими мощными факторами влияния на демографические процессы в России как мировая война и революции. Уже в 1914 г. наблюдалось резкое падение числа переселенцев, уменьшившееся в 7 раз по сравнению с 1912 г.

Исследование направления и масштабов миграционных процессов населения России в первые десятилетия XX в. имеет целый ряд сложностей источниковедческого и методологического характера и требует специальной оценки информативной ценности, сопоставимости статистических данных, содержащихся в комплексах правительственной, земской статистики. Источниковедческий анализ позволяет осуществить поиск, выявление и использование наиболее значимых для исследования отдельных названных аспектов социально-демографических процессов. Например, публикация погубернских итогов сельскохозяйственной переписи 1917 г. содержит богатый набор сведений, касающийся социально-демографической характеристики крестьянского хозяйства. Одним из важных аспектов исследования в контексте поставленной проблемы является изучение региональных особенностей трудовых ресурсов крестьянского хозяйства Европейской России, в том числе, и в плане выявления влияния войны. Следует отметить, что влияние войны на трудовые ресурсы крестьянского хозяйства может рассматриваться как в аспекте изменений общего потенциала крестьянского хозяйства, так и в плане различий поло-возрастного состава крестьянского населения отдельных регионов Европейской России. Так, показатель процента-доли ушедших в армию относительно общего числа мужского трудоспособного населения был достаточно устойчивым для выделенных трех регионов: нечерноземья, центрально-черноземного и степного региона. Значительные вариации по регионам наблюдаются в показателях доли работников-мужчин в трудоспособном населении. Интересны и нюансы в соотношениях по регионам женского и мужского труда,

представленные всеми тремя возможными комбинациями преобладания и баланса.

Раскрытие роли демографического фактора существенно обогащает и корректирует объяснение социальных процессов, протекавших в российской деревне во второй половине XIX – начале XX в.

Н.М. Александров¹

**Демографические факторы
социально-экономического развития
пореформенной деревни (на материалах Верхнего Поволжья)**

С 60-х гг. XIX в. резко возросли темпы прироста населения России. Основными причинами демографического роста на селе было освобождение от крепостной зависимости и повышение жизненного уровня крестьянства.

В Верхнем Поволжье, включавшем три смежные губернии: Владимирскую, Костромскую и Ярославскую, также, как и в целом по стране, наибольший прирост сельских жителей наблюдался в местностях с лучшей обеспеченностью крестьян надельной землей. В связи с этим в пореформенный период происходит сокращение различий в плотности населения отдельных местностей региона.

В губерниях Верхнем Поволжья, как и в целом по Центрально-промышленному району, темпы прироста сельского населения были ниже, чем в районах с сельскохозяйственной направленностью экономики. В значительной степени это было связано с процессом миграции населения, вызванным необходимостью перераспределения трудовых ресурсов внутри страны. Все губернии региона имели отрицательный миграционный баланс, поскольку из них больше уходило людей, чем приходило. По этому показателю верхневолжские губернии стояли на 70–72 месте из 89 регионов страны. В конце XIX столетия более 500 тыс. выходцев из Верхнего Поволжья (13 % наличного населения) проживало за пределами региона. Абсолютное

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет, Россия, г. Ярославль, dreem10@mail.ru

большинство уроженцев губерний Верхнего Поволжья, осваивая другие районы страны, все же не покидало границ Европейской России. При этом для них, как правило, было не свойственно переселение с целью ведения сельского хозяйства на новых территориях. Во второй половине XIX в. только крестьянство южной части Владимирской губернии приняло участие в колонизации Нижнего Поволжья – одной из слабозаселенных окраин страны.

Главными центрами, притягивающими крестьян Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, были Петербург, Москва и местные фабрики.

Проводимая в пореформенный период правительственная политика препятствовала полному разрыву бывших крепостных с сельским обществом. В связи с этим крестьянин мог выступать на рынке трудовых ресурсов лишь как отходник. К концу XIX в. многие отходники-мигранты, формально являясь жителями различных сел и деревень, давно уже постоянно проживали в городах и фабричных поселках, сохраняя при этом связь с официальным местом регистрации. Таким образом, миграция населения, связанная с неземледельческим отходом, сопровождалась урбанизацией части сельского населения в процессе перехода крестьян из села в город.

Неземледельческий отход наиболее работоспособной части мужского населения снижал качество трудовых ресурсов деревни, что оказывало влияние на развитие сельского хозяйства. Владельцам имений часто сложно было найти рабочие руки для выполнения сельскохозяйственных работ. Трудности ведения помещичьего хозяйства вызвали сильное сокращение помещичьего землевладения. Темпы распродажи дворянских земель в регионе значительно превышали средние по стране. В Ярославской губернии, где отхожие промыслы приносили крестьянину наибольший доход, помещики вынуждены были более энергично, чем во Владимирской и особенно в Костромской губернии, переходить от отработочной системы ведения хозяйства к капиталистической.

Одним из следствий снижения качества трудовых ресурсов села из-за сильного оттока мужчин рабочего возраста было сокращение

посевных площадей. Причем этот процесс затронул не только помещичье, но и крестьянское хозяйство. Сокращение площади посевов в Верхнем Поволжье происходило параллельно росту сельского населения. Данное обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на проблему аграрного перенаселения.

Исследование взаимосвязи плотности населения и систем землепользования показало, что условия для ведения сельского хозяйства даже в рамках одного региона страны сильно отличались. Если на основной территории Верхнего Поволжья трехпольный севооборот во второй половине XIX в. давно уже стал правилом в полеводстве, то в слабозаселенных северных и восточных частях региона наряду с ним применялась и более примитивная подсека.

Итак, демографические процессы, протекавшие в пореформенной деревне, затрагивали в той или иной степени все стороны жизни села и в значительной мере определяли его экономическое развитие.

М.И. Роднов¹

Проблема избыточности трудовых ресурсов в районах фермерского хозяйства России начала XX в.

При непрерывной колонизации южных и восточных регионов Российской империи происходило не просто поглощение избыточного аграрного населения центральных губерний. На новые территории переносилась общинно-экстенсивная модель хозяйствования и в достаточно сжатые исторические сроки на вчерашних окраинах ситуация повторялась. Окончательно завоеванные в последней трети XVIII в. пустынные земли Северного Причерноморья (Новороссия) с редким кочевым населением были быстро заселены и уже во второй половине XIX в. отсюда хлынул мощный миграционный отток крестьянства на восток, в Заволжье, на Южный Урал и в Сибирь. Понадобилось менее одного столетия, чтобы на современной южной и восточной Украине заработал механизм аграрного перенаселения.

¹ *Роднов Михаил Игоревич*, доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Россия, г. Уфа, mrodnov@ufanet.ru

Оба варианта колонизации, крестьянская и помещичья, приводили к одинаковым результатам. Экстенсивное, первоначально высокоурожайное/высокодоходное земледелие сопровождалось стремительным приростом населения, которое быстро поглощало природные ресурсы. Волна демоэкологического кризиса двигалась с запада на восток.

Однако, к началу XX в. в этих процессах появляется новый фактор. В условиях пореформенной России на юго-востоке (Самарская, Уфимская, Оренбургская, Ставропольская губернии и др.) складывается не просто многоземельное традиционное хозяйство общинного типа, а возникает быстро увеличивавшаяся прослойка предпринимательских (фермерских, кулацких) дворов, где общинные традиции были очень слабы или вообще отсутствовали, со стремительно нарастающей механизацией аграрного труда.

Между фермерскими хозяйствами и помещичьими (тоже рыночными) экономиями существовала принципиальная разница. При всех передовых достижениях в аграрной сфере дворянские поместья не могли существовать без значительного окрестного традиционного крестьянства. Фермеры же (кулаки) создавали иной демографический ландшафт.

Высокий уровень механизации на Северном Кавказе, в Заповжье и на Южном Урале привел к началу XX в. к созданию широкого рынка торговли и производства современной сельскохозяйственной техники. Можно утверждать, что в предпринимательских хозяйствах кулаков (от 20–30 дес. посева и выше) был достигнут почти 100 % уровень механизации при посеве, жатве (сенокосе), предпродажной подготовке зерна (очистка, молотья). Эти работы выполнялись трудом членов семьи фермера и небольшим количеством квалифицированных работников. Массовое использование наемного труда в зерновом производстве сохранялось только на двух операциях – пахоте и при транспортировке (гужевых и погрузочных работах). Нехватка работников на последних операциях компенсировалась временными поденщиками, нанимавшимися на краткие сроки и преимущественно не проживавшими здесь.

В отличие от рыночного помещичьего хозяйства фермерский уклад становился барьером на пути расплодения аграрного перенаселения. Более того, скупая землю (у помещиков, казны, многоземельных общин), фермеры сами выдавливали традиционное общинное крестьянство. Особенно это ярко было видно в Уфимской и Самарской губерниях, где рядом с задыхавшимся малоземельным общинным крестьянством (северные уезды) лежали огромные просторы «свободной» земли, находившейся в частной собственности, где посреди пшеничных полей раскинулись преуспевавшие хутора и поселки фермеров-кулаков.

Хотя после революции 1917 г. и «черного передела» сюда устремились массы малоземельной бедноты (на месте помещичьих усадеб и кулацких хуторов возникали поселки новых жильцов, наподобие коммуналок в городских квартирах), последовавшее бегство сельчан из колхозного «рая» уравнило процессы. И сегодня, в начале XXI в., регионы, где ранее процветавшее фермерское хозяйство не допустило аграрного перенаселения, являются наиболее процветающими в сельскохозяйственном отношении (сходная ситуация в Московской и Ленинградской областях, где отток сельского населения в мегаполисы решил проблему аграрного перенаселения).

А.А. Кухаренко¹

**Роль белорусских отделений
Крестьянского поземельного банка в переселенческой
политике правительства Российской империи**

После отмены крепостного права аграрно-крестьянский вопрос оставался одной из важнейших общественно-политических и социально-экономических проблем, которая сдерживала развитие капиталистических отношений в Российской империи. Основу вопроса составляли малоземелье и безземелье крестьян, распространение лати-

¹ *Кухаренко Артур Андреевич*, кандидат исторических наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск, KuharenkAA@bsu.by

фундиального землевладения, низкая агрокультура сельского хозяйства и неурегулированность поземельных отношений. В общественном сознании решение аграрно-крестьянского вопроса зависело от сокращения размеров крестьянского малоземелья и безземелья.

Во второй половине XIX в. крестьянское малоземелье на территории Беларуси становится повсеместным. Процесс обезземливания крестьян был обусловлен быстрым ростом численности крестьян и количества крестьянских дворов. Отсутствие у крестьян необходимых денежных средств для покупки земли и опыта заключения поземельных сделок требовало создания специализированного банковского учреждения для решения земельных проблем в Российской империи.

Одной из первых попыток ослабления земельного голода крестьян стала организация долгосрочного кредита для приобретения земли. С этой целью в 1882 г. был учрежден Крестьянский поземельный банк, местные отделения которого были открыты в каждой белорусской губернии. Банк занимался выдачей ссуд на покупку земли, землеустроительной деятельностью, покупкой и продажей имений, благотворительностью, что позволило ему определять характер и направление развития структуры земельных покупок крестьян. Опыт банковского участия в решении аграрного вопроса является без преувеличения уникальным в мировой практике.

Решение земельного вопроса стало одной из главных целей столыпинской аграрной реформы, которой было предусмотрено переселение малоземельных и безземельных крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. В этих условиях Крестьянский поземельный банк стал эффективным инструментом переселенческой политики правительства Российской империи. Деятельность банка способствовала росту территориальной мобильности белорусских крестьян.

В ходе проведения столыпинской аграрной реформы белорусские отделения Крестьянского поземельного банка заключали сделки на покупку земельных участков крестьян-переселенцев и оказывали им денежную помощь через выдачу краткосрочных ссуд и безвозвратных пособий. Средняя выручка крестьян от проданной наделенной земли составляла в Минской губернии – 194 руб., в Виленской –

227, в Могилевской – 245, в Витебской – 262 рубля. Безвозвратную денежную помощь получили 6 % переселенцев, дорожные деньги – 0,6 %, краткосрочную ссуду – 10,3 % переселенцев.

В 1907–1914 гг. из пяти белорусских губерний в Сибирь и на Дальний Восток переселилось 335,4 тыс. человек, что составляло 11,6 % переселенцев Европейской России. Из них 240,8 тыс. (71,8 %) приходилось на Могилевскую и Витебскую губернии. Наиболее сильная крестьянская волна переселений наблюдалась в 1907–1909 гг., когда из белорусских губерний переселилось 248,4 тыс. человек, или 74,1 % переселенцев этого периода. С 1910 г., когда началась обратная волна переселений, количество переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток резко сократилось.

Покупка земли у крестьян, выдача краткосрочных ссуд, благотворительные акции Крестьянского поземельного банка были направлены на оказание экстренной помощи крестьянам-переселенцам. Можно утверждать, что именно деятельность банка способствовала укреплению финансового положения, становлению и развитию территориальной мобильности крестьян белорусских губерний.

Л.В. Алиева¹

**Крестьянская поземельная община
Северо-Запада России начала XX в.
как субъект реализации экологической функции**

Крестьянская поземельная община в России начала XX в. была социальным институтом, выполнявшим различные функции, к числу которых следует отнести и экологическую. Осуществляя ее, община выстраивала определенную линию взаимодействия с окружающим миром в рамках системы «общество – природа». На территории сельского общества всеми видами природных ресурсов и формами их эксплуатации распоряжался сельский сход, который в принятии решений руководствовался, преимущественно, необходимостью удовлетворения экономических потребностей крестьян и госуда-

¹ *Алиева Людмила Владимировна*, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, Россия, г. Псков, gada510@rambler.ru

рства. Этот исходный методологический посыл предопределял во многом потребительское отношение к имеющимся в распоряжении общины природным ресурсам, основным среди которых была земля.

В рамках выполнения государственных обязательств и организации хозяйственной деятельности крестьян община начала XX в. устанавливала свой порядок пользования угодьями, в состав которых входили усадебная и пахотная земля, сенокосные угодья, выгоны для скота, участки леса, земли под дорогами, пустоши, водоемы, болота. Право общины распоряжаться различными угодьями проявлялось и в общих подходах к хозяйственному освоению природной среды. В основе взаимодействия общины с природной средой лежала система рационального природопользования и природоохранных мер. Сочетание окультуренных и естественных ландшафтов обеспечивали крестьянству важный дополнительный резерв продовольствия. Природосообразность трудовой деятельности и образа мышления крестьян проявлялись и в подборе сельскохозяйственных культур в зависимости от качества почв, особенностей климата, что во многом определяло урожайность и помогало земледельцу в борьбе с вредителями растений.

Имея в своем распоряжении многочисленные угодья, община была вынуждена заботиться об их сохранности. В первую очередь, необходимо было защитить имеющиеся ресурсы от хищений. Именно эту цель преследовали ежегодные выборы крестьянами на сходе лесного и полевого сторожей.

Большое значение в общине придавалось природоохранным мероприятиям. Поддерживать культуру отношений человека с природной средой в целом была призвана этика крестьянского мира. В общинной культуре поощрялось бережное отношение к растительности, к животному миру.

Заботясь о сохранении природы, крестьяне рассчитывали, прежде всего, на свои собственные денежные и трудовые ресурсы, однако работы значительных масштабов зачастую требовали более крупных вложений, нежели крестьяне могли себе позволить.

Сход был правомочен принимать оперативные хозяйственные решения, касающиеся всех членов общины. Устанавливались, напри-

мер, некоторые агротехнические правила, обязательные для всех хозяйств. На сходах объявлялось общее время сбора лесных плодов, время лова рыбы в озерах. Иногда устраивали общий лов с последующим разделом добытой рыбы между хозяйствами. Подчас сходами устанавливались экологические по своему характеру ограничения – например, запрет купаться и сбрасывать сор в водоемы.

Поддерживать экологический правопорядок в начале XX в. было сложно. Нерадивыми крестьянами, согласно солидарной точке зрения общинников, природа воспринималась как неисчерпаемый ресурс, хотя повседневная практика хозяйствования опровергала этот взгляд.

Таким образом, анализ отдельных сторон экологической функции крестьянской поземельной общины Северо-Запада России начала XX в. показывает, что, несмотря на процессы капиталистического развития, в деревне преобладало «традиционное природопользование». В это время проблема охраны сельскохозяйственных угодий еще не стала одной из самых острых. Но именно крестьяне первыми выступили в защиту общинных угодий. При отсутствии достаточных финансовых средств крестьяне, тем не менее, стремились поддержать имеющиеся в распоряжении общины природные ресурсы в приемлемом состоянии, а основой правового регулирования экологической безопасности общины являлись нормы обычного права, сложившиеся традиции природопользования и хозяйствования.

*И.Б. Белова
С.В. Букалова¹*

Демографические процессы в Орловской губернии в годы Первой мировой войны: город и село

Первая мировая война оказала глубокое негативное воздействие на демографические процессы в Российской империи. Материалы гражданской администрации Орловской губернии и

¹ *Белова Ирина Борисовна*, доктор исторических наук, Калужский государственный университет, Россия, г. Калуга, irina-25.01@mail.ru; *Букалова Светлана Владимировна*, кандидат исторических наук, РАНХиГС при Президенте РФ, Орловский филиал, Россия, г. Орел, STL1612@yandex.ru

Орловской епархии позволяют проследить влияние военного времени на демографическую ситуацию в губернии, проследив воздействие на нее социально-экономических факторов, обусловленных войной.

Продолжительная война самым негативным образом сказалась на рождаемости. В российской армии не было практики регулярных отпусков для нижних чинов, поэтому отрыв на длительное время от дома мужчин репродуктивного возраста привел к значительному сокращению рождаемости. В 1916 г. рождаемость в губернии равнялась 62 % довоенного уровня. Уменьшение числа браков сопровождалось лавинообразным сокращением числа рождений. Если в 1914 г. число родившихся детей уменьшилось на 3 % от уровня 1913 г., то в 1915 г. – это число увеличилось до 9,3 % от уровня 1914 г., а в 1916 г. рождаемость составила только 1/3 от уровня 1915 г.

В сельской местности демографические потери были более значительными, чем в городах. В 1913 г. жители городов составляли 11,4 % всего населения губернии. В то же время на города приходилось только 6,2 % рождений. В 1914 г. при сохранившейся пропорции населения удельный вес рождений в городах вырос до 9,2 %, оставаясь на этом уровне до 1917 г.

Показателем «моральной статистики», на основании которого можно судить о социальном климате в обществе, можно рассматривать число незаконнорожденных детей. В 1913 г. среди новорожденных дети, родившиеся вне законного брака, составили 1,4 %. Большинство таких случаев (58,4 %) дали города. Начавшаяся война принесла резкое – почти на 1/3 – сокращение числа внебрачных рождений. Доля городов в них сократилась до 43 %. Решающее влияние на этот процесс оказал как массовый призыв в армию молодых людей, так и отток из городов отходников, пришедших на заработки. К 1916 г. число детей, рожденных вне брака, практически достигло довоенного уровня (97,3 % от уровня 1913 г.), но теперь они составляли уже 2,3 % от общего числа новорожденных. При этом 66 % внебрачных детей родились в городах. С 1916 г. стало заметно расти число подкидышей в городские приюты. Такая ситуация была

результатом концентрации в городах большого числа беженцев, солдат гарнизона и тыловых частей.

Из-за мобилизации значительного количества молодых холостых мужчин, что сопровождалось диспропорцией полов, значительно сократилось число заключаемых браков. В первый военный год в городах число заключаемых браков изменилось незначительно – сокращение составило 5,8 %, но в деревне количество браков уменьшилось на 46,4 %. В сельской местности сокращение числа браков и падение рождаемости более чем в 2 раза превосходило городской уровень.

В отличие от рождаемости заметных изменений в смертности гражданского населения центральной России в военный период не отмечено. Если по сравнению с довоенным временем в 1914 г. смертность среди населения Орловской губернии увеличилась на 1,2 %, то в 1915 г. она сократилась на 1 %, а в 1916 г. уменьшилась на 13 %. Часть эффекта снижения уровня смертности можно приписать сокращению на 8 % доли мужской смертности, т.к. к 1916 г. мобилизации изъяли уже довольно заметную часть мужчин, которые теперь находили гибель далеко за пределами губернии. Кроме того, снижение рождаемости влияло на показатели детской смертности.

Вне всякого сомнения, сельское население в годы войны несло большие демографические потери прежде всего от сокращения числа рождений.

В.Н. Ратушняк¹

**Крестьянская колонизация Кубани
в последней четверти XIX – начале XX в.
и ее роль в аграрно-капиталистической модернизации края²**

Отмена крепостного права и окончание многолетней Кавказской войны явились важнейшей предпосылкой для крестьянской колонизации Кубани. Последовавшие затем законодательные иници-

¹ *Ратушняк Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар, Ratushnyak_vn@mail.ru

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №15-11-23004 а(р)).

циативы царского правительства открыли широкий доступ переселенцам из губерний Европейской России на Северный Кавказа, 2/3 из которых осели на Кубани. 29 апреля 1868 г. было издано Положение, разрешавшее лицам не войскового сословия селиться и приобретать собственность на казачьих землях без согласия начальства и станичного общества. В 1875 г. была построена Владикавказская железная дорога, давшая громадный толчок движению переселенцев из Европейской России на Кубань. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г. по числу переселенцев Кубанская область занимала третье место среди 89 губерний страны. Основную массу переселенцев составляли разорившиеся русские крестьяне, которые либо нанимались на работу к местным хозяевам, либо занимались сельским хозяйством на арендованной земле. В то же время среди иногородних были представители мелкого и крупного капитала. Они переносили в заселяемый край свой предпринимательский опыт, организационные формы и методы использования средств производства и рабочей силы.

Трудно переоценить роль иногородних поселенцев в экономическом развитии Кубани. Уже в 1897 г. они составляли 73,8 % среди рабочих, занятых в сельскохозяйственном производстве.

Аграрная колонизация Кубани успешно продолжалась и в начале XX в., однако меньшими темпами, нежели в 1870–1890-е гг. Если в 1878–1897 гг. население Кубанской области выросло на 280 %, то в последующие 20 лет – лишь на 59 %. Основным объектом обработки земли у иногородних были арендованные у местных жителей земли. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. кубанские иногородние арендовали более 500 тыс. дес. земли или 57,2 % арендного фонда общинных земель. Кроме того, они брали в аренду и частные земли. Это была аренда из нужды, т.к. в среднем на одно арендующее хозяйство приходилось по 4,8 дес. земли. Были среди иногородних и крупные арендаторы. Они арендовали землю с предпринимательскими целями и платили владельцам земель капиталистическую земельную ренту. Так, сельскохозяйственная перепись 1917 г. зафиксировала на Кубани 1362 так называемых «нетрудовых» хозяйств, имевших в арендном

пользовании 145,7 тыс. дес. земли, которая обрабатывалась с помощью наемных рабочих и без участия или с минимальным участием собственных членов семьи. Интересно отметить, что иногородние крестьяне, опираясь на свой опыт, приобретенный в местах выхода, в большей степени, нежели коренные жители Кубани, использовали в своем производстве лошадей как наиболее интенсивный рабочий скот. Большинство казаков и горцев предпочитали использовать на пашне волов, хотя целинных земель уже почти не было.

Не менее стремительно протекал процесс оснащения иногородних хозяйств усовершенствованными земледельческими орудиями и машинами. Если иногороднее население Кубани за 1890–1914 гг. выросло в 2,7 раза, то число принадлежавших им сельскохозяйственных машин и орудий за те же годы увеличилось в 9,3 раза. Большинство сельскохозяйственных орудий, как и рабочего скота, находилось в руках зажиточных иногородних, использовавших батраков. В 1897 г. нанимали постоянных рабочих 10,4 % иногородних хозяйств (у казаков – 12,5 %). В среднем на одно предпринимательское хозяйство иногородних приходилось по 2,5 наемных работника, у казаков – только по 1,3. Вообще, социально-экономическое положение иногородних крестьян отличалось глубоким размежеванием на небольшую зажиточную прослойку и значительный слой малоимущих. Зажиточная верхушка иногородних была малочисленнее, чем, например, у казаков, но экономически более мощной и мобильной. Так, в 1917 г. ей принадлежало 749 мельниц, в то время как у казаков, горцев и коренных русских крестьян имелось 387 мельниц. В то же время после нескольких десятков лет с начала массового освоения Кубани иногородними они по-прежнему оставались основным резервом при найме рабочих. Об этом свидетельствует их экономическое положение. В 1917 г. в Кубанской области 82,4 % иногородних хозяйств были беспосевными или малопосевными (до 5 дес. на хозяйство), 70,5 % были без рабочего скота, 66,1 % совсем не имели земледельческих орудий. Это и были потенциальные наемные рабочие. Таким образом, аграрная колонизация Кубани, протекавшая в раз-

личные периоды неодинаково, сыграла выдающуюся роль в ее сельскохозяйственном освоении и капиталистическом развитии. Она в значительной степени стала фундаментом расширенного капиталистического воспроизводства, т.к. пришлые крестьяне (наемные рабочие и товаропроизводители) стали важнейшей частью производительных сил сельскохозяйственного производства Кубани.

А.В. Михайлюк¹

**Аграрное перенаселение как фактор кризиса
сельского хозяйства в Российской империи в начале XX в.**

Аграрный кризис в России был, прежде всего, кризисом крестьянского хозяйства. Несмотря на то, что в пореформенный период удельный вес крестьянского землевладения постоянно увеличивался, а помещичье уменьшался, земельный голод нарастал. Увеличение крестьянского землевладения отставало от роста населения. Ни скупка земель у помещиков, ни аренда, ни определенный рост урожайности не могли перевесить быстрое мельчание хозяйственных единиц и вытекающие отсюда последствия.

Аграрное перенаселение было одним из характерных признаков хозяйственного состояния деревни пореформенных десятилетий. На практике аграрное перенаселение субъективно воспринималось как малоземелье. С уменьшением площади посева относительно растет количество рабочих рук для ее возделывания. Для жизнедеятельности мелкого единоличного хозяйства нужно было привлечь к хозяйству максимум рабочих рук, так как оно держалось именно ручным трудом его членов. Требования хозяйствования диктовали крестьянской молодежи необходимость рано вступать в брак. Высокая рождаемость в деревне удерживалась не только консервативными обычаями, но и причинами сугубо экономического характера. Трудовое крестьянское хозяйство без детей в рабочем возрасте никогда не достигало зажиточности, не-

¹ *Михайлюк Александр Владимирович*, доктор исторических наук, Национальная металлургическая академия Украины, Украина, г. Днепрпетровск, mich_al@ukr.net

хватка рабочих рук ограничивала возможности его роста. Более высоким коэффициентом рождаемости характеризовались бедные семьи. Здесь получается своего рода замкнутый круг: для того, чтобы лучше жить нужно больше земли, а для того, чтобы ее обрабатывать, – больше рабочих рук. Но увеличение количества рабочих рук уменьшало площадь земли на человека, понижая тем самым уровень жизни. Следствием малоземелья и положительной демографической динамики становился избыток значительной массы рабочих рук.

Отдельные исследователи считают, что аграрное перенаселение – понятие относительное. По их мнению, тезис о перенаселении правильный с точки зрения рационального использования труда. Но при этом не учитывается низкая техника земледелия, при которой труд «распыляется», не может быть регулярно и равномерно распределен по отраслям и по времени; выпадает из вида весь цикл домашних работ, занятия ремеслом, различными промыслами и т.д. Подобные замечания можно считать вполне уместными, но они лишь подчеркивают особенности крестьянского образа жизни и труда, не отрицая саму проблему аграрного перенаселения.

Большинство исследователей определяют количество избыточного сельского населения России примерно в 40 %. Избыточная рабочая сила – это скрытая форма безработицы. Это не были безработные крестьяне, но они выполняли работу, с которой могли справиться и без них. Работа и соответственно прибыль распределялись между всеми, в результате чего снижался уровень жизни, ухудшалось питание. Особенно остро чувствовалась эта проблема в бедных хозяйствах, где, в связи с недостаточной обеспеченностью землей, ресурсы рабочей силы значительно превышали ее трудоемкость.

Рабочих рук для мелких наделов земли было достаточно, но взрослые крестьяне-мужчины часто прибегали к сторонним заработкам, поэтому домашнее хозяйство и обработка земли ложились на плечи женщин, стариков, подростков. Низкая рентабельность крестьянских хозяйств наряду с необходимостью уплаты налогов делало заработки на стороне практически неизбежными. Почти

60 % крестьян с целью содержания хозяйства искало дополнительных заработков. Но ни кустарная, ни фабрично-заводская промышленность не могли существенно смягчить остроту избыточной рабочей силы.

Рыночные условия способствовали интенсивному развитию сельского хозяйства, т.е. возделыванию большей площади при сокращении затрат живого труда на единицу выработанного продукта. Вследствие этого многие рабочие руки, поставляемые сельским населением, оставались невостребованными. Аграрное перенаселение было необходимым условием существования крупных сельскохозяйственных предприятий капиталистического типа, которые давали основную массу товарной продукции. Их рентабельность в значительной степени базировалась на дешевизне рабочей силы. Когда в условиях Первой мировой войны излишек рабочей силы уменьшился, хозяйства помещиков стали переживать значительные трудности и приходить в упадок.

Перед сельским хозяйством стояли три главные взаимосвязанные проблемы: отсталые технологии, аграрное перенаселение, взаимоотношения с городом. Аграрное перенаселение было следствием секторного разрыва между укладами в экономике, представляло трудно решаемую проблему для правительства, стало одной из главных причин кризисных явлений в сельском хозяйстве и роста социальной напряженности.

Ю.Б. Будкина¹

Переселенческое движение крестьян Рязанской губернии (по материалам исследования В.Н. Григорьева)

В дореволюционной историографии заметным исследованием по истории крестьянского переселения из южных уездов Рязанской губернии является труд российского статистика и экономиста Василия Николаевича Григорьева «Переселения крестьян Рязанской гу-

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет, Россия, г. Рязань, yu.budkina@rsu.edu.ru

бернии» (1885 г.), удостоенный Императорским Московским университетом половины премии имени Ю.Ф. Самарина.

В труде, содержащим 3 главы, всесторонне рассмотрена история переселенческого движения из Данковского, Раненбургского и Скопинского уездов, охарактеризованы причины миграции, способы передвижения крестьян, последствия переселения, как для уехавших земледельцев, так и оставшихся на местах. Обширный фактический материал был собран автором в ходе проведения статистических работ по поручению Рязанского губернского земства. В исследовании широко использованы материалы статистических обследований за 1859–1882 гг. и документы более раннего времени. В качестве приложения опубликованы письма переселенцев, программа исследования переселенческого движения в местах выхода крестьян, приведены сравнительные экономические таблицы за 1887–1882 гг.

В.Н. Григорьев привел подробные статистические сведения о том, откуда, куда и в каком количестве производились переселения. Показаны особенности миграционного движения, определяемые участием в нем бывших частновладельческих и государственных крестьян. Автору удалось определить степень достатка переселенцев по сравнению с оставшимися на местах односельчанами, а также установить размер сумм, взятых с собою каждым переселившимся двором.

Приведенные Григорьевым данные свидетельствуют о том, что в 1859–1882 гг. из Данковского, Раненбургского и Скопинского уездов выселилась 3661 семья с 22438 душами обоего пола, что составило 6 % всего наличного крестьянского населения уездов. Основная масса крестьян направлялась в Томскую и Тобольскую губернии (53 % переселенцев). Степные и низовые губернии Европейской России и Кавказ приняли 34 % переселенцев, в Уфимскую и Оренбургскую губернии перебралось 10 % крестьян, остальные 3 % переселились в промышленные губернии. При анализе крестьянских переселений из Рязанской губернии в 1877–1882 гг., автор отметил, что так называемое «сибирское направление» приняло более 81 % переселенческих семей.

Значительное внимание В.Н. Григорьев уделил характеристике факторов, способствовавших росту интереса крестьян к пересе-

лению. Среди них он выделил, прежде всего, письма переселенцев, в которых они старались приукрасить условия своей жизни на новом месте. Поэтому в большинстве писем, присланных переселенцами из Бийского округа Томской губернии, к своим «родным и односельцам», содержались призывы к переезду в Сибирь. В корреспонденции же крестьян-переселенцев, присланной из Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний, нередко были письма «прямо хулящие тамошние места».

Крестьяне, в поисках лучшей доли, не ограничивались только письменной информацией об условиях жизни в местах поселения. Для получения непредвзятых сведений они организовывали поездки «ходовков», пользовавшихся авторитетом в крестьянской среде. Григорьев отметил, что по мере того как вести о трудностях устройства на новых землях доходили до крестьян, все больше возрастало желание лично увидеть те места, куда они думали «перебраться на жительство». По мнению автора, несмотря на осмотренность крестьян, встречались «неудачные попытки устроиться на новых местах», что заставляло земледельцев возвращаться обратно. Были зафиксированы факты «обратничества» рязанских крестьян из Самарской и других губерний России.

Рассматривая вопрос о последствиях переселенческого движения для Рязанской губернии, В.Н. Григорьев отметил некоторое улучшение земельных условий для оставшихся крестьян, рост цен на рабочие руки, а также понижение арендной платы за землю «в местах усиленного выселения».

В результате проведенного исследования Григорьев пришел к выводу, что главной причиной крестьянского переселения из южных уездов Рязанской губернии в исследуемый период являлась «нужда во всех ее видах и в особенности несоразмерность количества надельной земли с рабочими силами семьи». В целом же переселенческое движение рязанских крестьян отличалось «значительной стройностью и обдуманностью», случаи же обратного возвращения переселенцев на родину были «немногочисленны».

**В.Б. Безгин
Н.В. Токарев¹**

Обратное переселение тамбовских крестьян в период столыпинских преобразований

Помимо создания индивидуальных хозяйств на наделных, банковских и казенных землях программа столыпинской реформы предусматривала организацию переселений из Европейской России. Массовые переселенческие настроения тамбовской деревни определялись относительным малоземельем, большим числом дарственников, слабым развитием кустарных промыслов и фабрично-заводской промышленности. К смене местожительства землепашцев подталкивали небольшая площадь или полное отсутствие банковских или казенных земель в отдельных уездах Тамбовской губернии, а также ограниченная возможность поправить крестьянское благосостояние посредством аренды частновладельческих земель или путем заработков в помещичьих экономиях.

Процесс становления переселенческих хозяйств зависел от ряда причин. К внешним факторам адаптации мигрантов исследователи относили переселенческую и налоговую политику столыпинского правительства, пытавшегося льготным тарифом на проезд и ссудами на хозяйственное обустройство не допустить массового возврата крестьян из-за Уральских гор.

Для переселенцев этого периода в их обустройстве в Сибири и на Дальнем Востоке определяющую роль сыграли социально-экономические условия. Успешность водворения зависела, как правило, от количества принесенных средств, наличия в семьях лиц работоспособного возраста, обеспеченности инвентарем и землей в местах выхода, которую можно было сдать в аренду, или, воспользовавшись столыпинскими законами, укрепить в собственность и продать.

Помимо материальной состоятельности выселенцев на приспособление к новым условиям жизнедеятельности влиял и юридичес-

¹ *Безгин Владимир Борисович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, Россия, г. Тамбов, vladuka62@mail.ru; *Токарев Николай Васильевич*, Колледж права и безопасности, Россия, г. Тамбов, n_tokarev@mail.ru

кий статус мигрантов: легальных, прибывших с исполнением всех административных процедур и ограничений, и нелегальных, отправившихся в рискованное путешествие без каких-либо гарантий со стороны властей. Наконец, на процесс и сроки устройства новоселов оказывали воздействие их взаимоотношения с местным и пришедшим населением. Переехавшие на новые места мигранты адаптировались быстрее в старожильческих поселениях, чем на переселенческих участках. Тем временем цена на приемные приговоры росла в прогрессии: в 80-х гг. XIX в. – 35–50 руб., в 90-х гг. – 70 руб. С изданием указа 9 ноября совпало новое повышение стоимости приемного приговора в сибирских крестьянских общинах, перевалив уже за 100 руб., что значительно осложняло укоренение переселенцев за Уралом. По свидетельству современника, категория переселенцев, называвших в качестве причины возвращения «дорогие приемные приговоры», увеличилась с 5 % в конце XIX в. до 10–15 % – к началу столыпинской реформы.

В 1906–1916 гг. при наличии суммы отрицательных факторов подвижный, но несчастливый мигрант должен был собираться в обратный путь, что обеспечивало рост реэмиграции. По официальным данным, за десятилетие столыпинских реформ были вынуждены вернуться домой 24,8 % тамбовских переселенцев, не сумевших прижиться в сибирских общинах или на казенных участках.

В ходе проведения реформы П.А. Столыпина крестьяне стали участниками нового витка сибирской колонизации. Преодолевая традиционную замкнутость общинного быта, выходцы из Центрального Черноземья, ведомые извечным стремлением получить больше земли, направлялись за Урал. Используя в своих целях аграрные законы 1906–1911 гг., столыпинские переселенцы стали той силой, которая включила механизм землеустройства в Тамбовской губернии. Они же помогли решению важной государственной задачи – аграрному освоению Азиатской России.

Однако сложности жизни в переселенческом социуме заставляли столыпинских мигрантов стремиться на родину. Имущественное положение вернувшихся тамбовцев характеризовалось как «бедственное», «тяжелое», «неудовлетворительное». Возвра-

щенцы, перед отъездом продавшие землю или сдавшие ее в долгосрочную аренду, из-за злополучного окончания своей переселенческой «одиссеи» оказывались и без средств, и без усадеб, и без наделов. Превращаясь в маргиналов, рэзмигранты становились носителями радикально-урavnительных настроений, что снижало уровень стабильности в крестьянском сообществе.

О.М. Семерикова¹

Особенности миграционных процессов в уральской деревне (Вятская и Пермская губернии) во второй половине XIX в.

К основным причинам участия уральских крестьян во внутренних и внешних миграциях в пореформенный период необходимо отнести снижение уровня благосостояния, отсутствие возможностей увеличения хозяйства по причине существования малых и средних дворов с преимущественным применением семейного труда, наличие «относительного малоземелья». К дополнительным факторам необходимо отнести увеличение населения, что приводило в ряде уездов к росту мелкоземелья, «чересполосицы», сокращению сенокосных и пастбищных угодий, а также наличие «дальноземелья», недостаток плодородных почв, развитие внеземледельческих заработков с использованием тягловой силы («навоз остается на дорогах»). Кроме того, в северных уездах навоз часто не повышал плодородия в силу низких температур почвы. Денежных средств и иных возможностей для широкого внедрения улучшенной травопольной системы земледелия, а также на приобретение и использование искусственных удобрений, машинного оборудования у большинства крестьян не было. Это вынуждало уделять больше времени внеземледельческим заработкам либо работе по найму в аграрном секторе. Но в земледельческих уездах местные заработки были небольшими, а возможность отхожих внеземледельческих промыслов была ограничена конкуренцией со стороны промышленных зон. Очень часто от-

¹ *Семерикова Ольга Михайловна*, кандидат исторических наук, Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург, olgasemerikova8@yandex.ru

хожий заработок был невелик в силу «высоких цен на еду и фураж», а кустарные изделия не имели большого спроса, что особенно проявлялось в неурожайные годы. Для развития доходного кустарного промысла необходим был капитал и бесперебойный сбыт, прежде всего, обеспечивавшийся разветвленной транспортной сетью. Этими условиями сельское население было обеспечено недостаточно. Аренда внеадельной земли в некоторых местностях была невыгодной, особенно в Вятской губернии. Кроме того, большинство собственников сдавали в аренду крупные участки земли, что порождало спекулятивные тенденции. Серьезной проблемой для части крестьян (особенно бывших помещичьих и удельных) являлась нехватка строевого леса.

Отметим, что миграции носили «гнездовой» характер. Поводами к переселению являлись периодические недороды хлебов и трав, а также относительная близость сибирских просторов (особенно с введением в действие Сибирской железной дороги). В пореформенный период, согласно сведениям местных казенных палат и земских органов, Вятский и Пермский края входили в число территорий с наибольшими размерами переселения. Так, из Вятской губернии только в соседние Уфимскую (в 1865–1878 гг.) и Оренбургскую (в 1859–1878 гг.) переселилось 5925 и 671 ревизская душа соответственно. В 1882–1883 гг. Пермская губерния была на 3 месте (13 % от числа всех мигрантов) среди 18 губерний Европейской России, жители которых переселились на сибирские просторы. Полагаем, что на данную тенденцию повлияло преобладание в обеих губерниях категории бывших государственных крестьян. Согласно данным статистики 1890-х гг., «главным ядром переселенцев являлись средне-состоятельные элементы», у которых средняя обеспеченность скотом, в общем, была не ниже средней обеспеченности населения Европейской России.

Большинство переселений носило несанкционированный характер. Согласно нашим подсчетам, основной поток мигрантов в конце XIX в. (84 %) пришелся на Томскую губернию, что было вызвано некоторой ландшафтной схожестью, дававшей возможность заниматься им не только сельским хозяйством, но и традиционной промысловой деятельностью. Енисейская губерния привлекала наличием лесостепных зон, Тобольская – максимальной близос-

тью к Европейской России, Акмолинская область была притягательна наличием степных участков и соседством богатых казачьих станиц, где можно было наняться на заработки.

Вятские крестьяне были более активны во всех видах миграций, особенно во внутренних («из одного уезда в другой, из одной волости в другую внутри уезда и из одного селения в другое внутри той же волости»), число которых втрое превышало численность переселений в другие губернии. Это отразилось в фольклоре: «Когда Колумб открыл Америку, в ней уже было семеро вятских плотников». Крестьяне переселялись преимущественно из северных (Котельнический, Нолинский, Глазовской) в южные (Сарапульский, Уржумский, Елабужский, Малмыжский) уезды. Малая производительность пахотных и иных угодий приводила и к наиболее высокой трудовой миграции. В 1901–1902 гг. высокий процент отходничества был в Слободском, Нолинском, Вятском, Орловском и Котельническом уездах.

Таким образом, в пореформенный период миграции уральских крестьян носили перманентный, «гнездовой» характер и были вызваны как внутренними потребностями крестьян, так и внешними обстоятельствами. Лидерство уральских губерний по числу внешних мигрантов во многом было вызвано близостью сибирских просторов и преобладанием в составе населения категории бывших государственных крестьян.

Т.Н. Сидоренко¹

Влияние миграционных процессов на развитие аграрного производства и сельскохозяйственной кооперации Кубани в пореформенный период

Кубанская область в первые пореформенные годы была еще слабо заселена и освоена. Население в 1862 г. едва превышало 392 тыс. человек, из которых только 7,5 тыс. лиц невоевского сословия. Эко-

¹ *Сидоренко Таисия Николаевна*, кандидат исторических наук, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, г. Краснодар, Taisianik@yandex.ru

номика Кубанского края до 1880-х гг. была весьма отсталой. Несмотря на обилие богатых черноземов, земледелие играло второстепенную роль и велось экстенсивным способом. Слабо были развиты промыслы, промышленность находилась в зачаточном состоянии, основным занятием являлось скотоводство.

Ситуация резко изменилась в последней четверти XIX в. в связи с массовым притоком на Кубань крестьян центральных и южных губерний России. Интенсивному росту пришлого населения на Кубани способствовали реформа 1861 г. и окончание Кавказской войны (1864 г.). Широкие возможности для заселения Кубани переселенцами были определены рядом законов, из которых особенную значимость имел закон от 29 апреля 1868 г., по которому лица неказачьего сословия могли селиться и приобретать недвижимость на казачьих землях. Тысячи мелких производителей, ремесленников из давно заселенных и в экономическом смысле более развитых регионов страны, ощущая избыток населения и рабочей силы, уходили на Кубань. Опытных земледельцев и мастеровых людей здесь еще не доставало, много было незанятой земли, заработки – относительно велики, а жизнь дешевая. И, если в 1861 г. пришлых крестьян было на Кубани 5243 чел., что составляло 1,3 % всего населения области, то через 20 лет их число возросло до 236,8 тыс. чел. или до 30 % населения края. К 1890 г. численность иногородних поселенцев почти удвоилась, что существенным образом сказалось на сословном составе населения области – казаки уже перестали составлять большинство населения. Число иногородних на Кубани к 1900 г., по данным начальника области, достигло 800,9 тыс. чел. Большинство из переселенцев, которые приобретали усадебные участки, занимались земледелием на арендованной земле, торговлей и ремеслом. Те же, кто не имел оседлости, занимались промыслами, а чаще работали по найму. Таким образом, пришлое население превращалось в важную производительную силу края, что способствовало быстрому экономическому росту области.

Интересы хозяйственной жизни населения края в конце XIX в. определялись сельскохозяйственным производством. Согласно

данным переписи 1897 г. сельским хозяйством в области занималось 79 % населения, торговлей – 3,4 %, в промышленности было занято 8,3 % . Развитие земледелия оттеснило на второй план животноводство, цены на землю начали стремительно расти. Развитие земледелия на Кубани вело не только к расширению посевной площади, но и к его специализации. Основной культурой в области стали зерновые, которые занимали в начале века до 97 % посевной площади. К началу XX в. область стала крупнейшим поставщиком зерна как на внутренний, так и на внешний рынки.

Однако следует отметить, что на рубеже веков основная масса трудовых крестьянских и казачьих хозяйств, в руках которых находилась подавляющая часть посевных площадей и сельскохозяйственного скота, страдала от примитивной технологии, недостаточного уровня технического оснащения земледелия. Мелкие и средние производители вынуждены были искать пути для укрепления своих позиций. Таким механизмом, позволяющим в условиях конкуренции развивать мелкое крестьянское хозяйство, стала кооперация как социально-экономическая организация. Кооперация являлась таким средством, которое позволяло мелким и средним хозяевам пользоваться выгодами крупного предприятия и сохранить преимущества мелкого сельскохозяйственного производства.

Особенно высокими темпами в начале XX в. на Кубани развивалась кредитная кооперация в форме кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Бурное развитие рыночных отношений в аграрной сфере обострило потребность в кредите, в организации закупочно-сбытовых операций, во внедрении новых методов хозяйствования и тем самым способствовало росту кредитных кооперативов и открытию с 1908 г. в области сельскохозяйственных товариществ.

Особенностью развития кооперативного движения на Кубани явилось то, что, возникнув позднее, чем в Европейской части России, кубанская кредитная кооперация развивалась масштабнее и охватила значительную часть населения. Кредитные кооперативы Кубани, зародившись значительно позже (первое ссудо-сберегательное товарищество открылось в 1894 г.), быстро перегнали по темпам развития

кооперативы России. В 1909 г. число товариществ на Кубани возросло на 62 %, по России – только на 36 %. Другой особенностью являлась сама деятельность кредитной кооперации, направленная главным образом на развитие аграрного сектора экономики.

Е.В. Синчина¹

**Роль турецких переселенцев в развитии табаководства
Северо-Западного Кавказа
во второй половине XIX – начале XX в.**

Культура табака в России появилась в XVI в. и имеет непростую, но интересную историю развития. На Кавказе в дореформенное время табак уже встречался, но не имел широкого распространения как торгово-промышленная сельскохозяйственная культура. В «Военно-статистическом обозрении Российской империи» за 1851 г. находим следующее: «Табак простой, в диком состоянии не произрастает, но разводится преимущественно колонистами». Популяризировать возделывание табака среди местного населения пыталась и местная администрация (попытки наместника Кавказа графа М.С. Воронцова) ввиду высокой рентабельности данной культуры. Однако распространению табака препятствовала малограмотность населения, отсутствие отечественных специалистов и т.д. После окончания Кавказской войны и эмиграции горцев (мухаджирство) в Турцию возникла необходимость освоения оставленных территорий. На новых окраинах империи необходимы были благонадежные и поддерживающие государственную власть граждане. Поэтому государство проводило поощрительную политику для переселенцев. Помимо русских переселенцев, устремившихся на Кавказ из центральных губерний, особенно после отмены крепостного права, власть старалась привлечь своим законодательством и подданных других стран. Императором Александром II был создан Комитет по переселению христиан из Османской империи. Приоритетным регионом для переселения стал Северо-Западный Кавказ, включавший тогда Кубанскую область и Черноморский округ (гу-

¹ Синчина Евгения Владимировна, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар, evgeniya-sinchina@yandex.ru

берния с 1896 г.). Природно-климатические условия этого региона были близки к прежним условиям жизни турецких переселенцев и благоприятны для хозяйственно-культурного освоения.

Большую роль в становлении табаководства на Северо-Западном Кавказе сыграли турецкоподданные переселенцы. На Кубани культура табака появляется в 1864 г., когда освободились земли ушедших в Турцию черкесов. Переселившиеся сюда греки и армяне принесли на новые земли знания о культуре табака. Эта сельскохозяйственная культура помогла им включиться в экономику региона. К тому же, власти до 1870-х гг. предоставляли переселенцам субсидии, тем самым поддерживая развитие табаководства, понимая прибыльность этой отрасли. Первыми переселенцами были выходцы из Анатолии (Трапезунда, Синопа) из бедных и наиболее угнетенных социальных слоев в Османской империи, соответственно остро нуждавшиеся на новом месте в финансовой поддержке. Посевы табака вблизи Анапы показали хорошие результаты как по качеству, так и по доходности, что способствовало быстрому распространению табаководства в Темрюкском, Екатеринодарском, Майкопском, отчасти Кавказском отделах области, а также в Черноморской губернии. Появляются первые плантации, число которых с каждым годом росло. Селились переселенцы на арендованных землях, что впоследствии способствовало их обнищанию и попаданию в зависимость от арендодателей (по данным на 1913 г. почти все греки плантаторы разводили табак на общественной или паевой казачьей земле). На плантациях предпочитали трудиться семьями, в зависимости от сезона года и сложности работ присутствовал наемный труд. Средний размер плантации равнялся в 1866–1917 гг. – от 1 до 3 дес., т.е. значительно больше, чем в других регионах России, что стало одной из характерных особенностей табаководства Кубани и Черноморского побережья. Со временем переселенцы разделились на зажиточных плантаторов и на менее успешных, попавших в долговую зависимость, а некоторым принадлежали большие плантации, оптовые склады.

Сорта табака, которые стали возделывать на Северо-Западном Кавказе, также принесли с собой турецкие переселенцы. К ним относят Трапезунд, Самсун – светлые (легкие) высшие сорта, преи-

мущественно выращиваемые для продажи. 1870-е годы отмечены указами о предоставлении переселенцам из других государств русского подданства, включение их в единую государственную систему прав и устройства. В 1880–1890 гг. государство меняет курс своей переселенческой политики в крае, делая упор на русификацию. Таким образом, сворачивается поддержка иностранных граждан, сокращаются ссуды и льготы.

Благодаря своей рентабельности табаководство стало самостоятельной специализированной сельскохозяйственной отраслью в регионе, где ранее преобладало зерновое производство. Возделыванием табака в начале XX в. начали заниматься помимо греков и армян казаки, русские крестьяне, черкесы и представители других национальностей. Ведущая же роль в становлении и развитии табаководства на Северо-Западном Кавказе принадлежала турецким переселенцам, принесшим с собой культуру табака, его сорта и агротехнику.

А.А. Соловьев¹

Кризис трехполья и аграрные переселения в Марийском крае в конце XIX – начале XX в.

Высокий естественный прирост населения в пореформенные десятилетия отразился на миграционных процессах в Российской империи и в том числе в Марийском крае. Переселенческое движение здесь получило распространение в южных уездах Вятской губернии – Яранском и Уржумском уездах, части которых позднее вошли в Марийскую автономную область. В 1912 г. из Уржумского уезда переселились 928, из Яранского уезда – 2879 человек. По Козьмодемьянскому уезду в 1912 г. было выдано лишь 40 переселенческих книжек.

Важными источниками для выявления крестьянских миграций являются прошения и ходатайства крестьян с мест о переселении. Анализ постановлений Вятского губернского по крестьянским делам

¹ *Соловьев Анатолий Андреевич*, кандидат исторических наук, Марийский государственный университет, Россия, г. Йошкар-Ола, solowaa@mail.ru

присутствия, поступивших для рассмотрения в Переселенческое управление, отложившихся в фондах Государственного архива Кировской области и Российского государственного исторического архива, позволил выявить некоторые особенности крестьянских переселений на рубеже XIX–XX вв. в Марийском крае.

С 1896 по 1905 г. из Яранского и Уржумского уездов выселилось 6191 чел., или 23 % от всей численности переселенцев в другие губернии. Если в 60–70-е гг. XIX в. основным районом вселений вятских переселенцев были Пермская и Уфимская губернии, то к концу века большинство вятских мигрантов оседало в Сибири.

Высший пик переселений приходится на 90-е гг., а именно на 1892 и 1899 гг. В большей мере это можно объяснить отмечавшимися в 1891 и 1898 гг. повсеместными недородами хлебов. Большинство крестьянских ходатайств главной причиной переселений называют малоземелье, истощенность земли и несоответствие доходности земли различного рода платежам.

Так, прошение крестьян д. Ведоснура Сернурской волости Уржумского уезда И.З. Онучина и др. (1890 г.) о переселении на казенную землю Томской губернии МВД признало «не подлежащим удовлетворению». Причину своего ходатайства крестьяне объясняли «малоземельем, недоброкачеством наделов в настоящем жительстве...». Годовой оклад с души всех сборов у них составлял около 7 руб., у крестьянина Блинова земельный надел составлял 5,78 дес., у Бирюкова – 8,67 дес.

Истощенность почвы не являлась основанием для удовлетворения прошения крестьян починка при Устье Сердежа И.Г. Блинова и др. (1890 г.) о переселении их на казенные земли Томской губернии. У крестьян раскладочные сборы составляли на ревизскую душу около 9 руб., земельный надел на ревизскую душу составлял 6,72 дес., наделный лес – по 0,66 дес. Также было отказано прошению крестьян селений Верхнего Кугунура, Ведоснура и Парсаева К. Ефремова, Я. и С. Пасынковых, П. Павлова, А.К. Бирюкова и др. о переселении в Томскую губернию в связи с тем, что крестьяне имели надел свыше 5 дес. на душу и занимались ремеслами.

Только после неоднократных обращений в губернское по крестьянским делам присутствие МВД удовлетворило прошение крестьян Уржумского уезда Турекской волости, селения Верхнего Кыржавожа М.А. Шабалина «о переселении доверителей его на казенные земли». Отказано было и прошению запасного рядового Уржумского уезда Кужнурской волости дер. Большой Толмани И.И. Егошина о переселении его на казенные земли Яранского уезда в связи с тем, что на душу приходилось по 11,25 дес. Не было удовлетворено прошение крестьян Корак-Солинской волости Уржумского уезда о разрешении им в числе 33 ревизских душ переселиться в Нурминскую казенную дачу Уржумского уезда. Отказ мотивировался тем, что крестьяне дер. Ключа Илема имели: трое в своем наделе по 11 дес., двое – по 17,5 дес., пятеро – по 22 дес. и один – 38,5 дес. земли, а крестьянин дер. Ешкар-Енера Карп Семенов Иванов – 12 дес.

В исключительных случаях власть шла навстречу самовольным переселенцам. Крестьяне Сернурской волости Я.Н. Старцев и Т.И. Шабалин в 1891 г. самовольно переселились на казенную землю в Семилужскую волость Томского округа. В связи с тем, что они уже успели построиться и посеяли хлеб, прошение крестьян было удовлетворено.

Крестьянские переселения приводили к переложению податного бремени на оставшееся население, что вызывало нарастающее недовольство крестьян. В 1890 г. крестьяне дер. Ключа Илема М.С. Мокеев и другие заявили о своем несогласии на увольнение из своего общества односельцев, «...ибо с переселением их у них в деревне останутся одни только бедняки, которые не в силах будут ни обрабатывать землю, ни вносить за нее выкупные платежи...».

Тягость надельной крестьянской земли для крестьянского бюджета на рубеже веков становится важным фактором самовольных переселений, определяет сущность кризиса трехполья, показывает изменение приоритетов в крестьянском хозяйстве. Основной мотивацией для переселений в конце XIX в. была сильная истощенность пахотных земель, и отсутствие возможностей для

дальнейшего ведения традиционного хозяйства. Переселения ослабляли остроту противоречий между новыми и старыми формами земледелия, сохраняя технологическую отсталость и традиционные формы хозяйствования.

О.В. Смурова¹

**Демографические аспекты отхода крестьян
на заработки в столицу (XIX – начало XX в.)**

Отход на заработки не только крестьян, но и других социальных слоев населения – значительно более давняя традиция в России, нежели пореформенный период. Данный феномен был характерен и для северо-западных уездов Костромской губернии (Галичского, Солигаличского, Чухломского). Преобладал отход в Санкт-Петербург. По переписи 10 декабря 1869 г. в Санкт-Петербурге крестьян-костромичей насчитывалось 12530 человек. Заметим, что эта перепись зимняя, а костромские крестьяне занимались преимущественно летним отходом (строительство), поэтому можно предположить, что эта цифра значительно ниже летних показателей. По переписи 1890 г. – костромичей – 23296 человек (среди пришлого крестьянства). Наконец, по данным Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. – 37074 человек (уроженцы Костромской губернии).

Соотнесение данной цифры с общей численностью населения и, конкретно, крестьянства Костромской губернии мало что дает, потому что массовый отход был характерен не для всех уездов. Рассмотрение данного вопроса на примере конкретного уезда, где были развиты отхожие промыслы, приводит нас совсем к иным результатам. Так, в Чухломском уезде в 1897 г. насчитывалось 55153 человека. Всех отхожих промышленников было зарегистрировано 10316 человек, что составляло более половины мужского населения уезда – 51,76 %. Об их специализа-

¹ *Смурова Ольга Вениаминовна*, доктор исторических наук, Костромской государственный технологический университет, Россия, г. Кострома, olga-smurova@mail.ru

ции дают представления сведения, к примеру, по Алешковской волости, где промыслами занималось почти все взрослое население: 250 маляров, 110 плотников, 40 бондарей, 75 мясников, 50 печников, 50 краснорядцев, 25 кузнецов, 25 слесарей и 100 чернорабочих. Уходили на заработки в Москву и С.-Петербург в феврале, марте, апреле и мае месяцах, а возвращались большей частью в сентябре, октябре и ноябре.

Заработки составляли: маляр и кузнец по 150 руб., столяр, плотник и краснорядец по 180 руб., печник и чернорабочие по 100 руб., слесарь 240 руб., мясник 200 руб. Анализ «Сведений о лицах, отлучившихся на посторонние заработки в гг. Москву и С.-Петербург в течение 1898, 1899, 1900 годов по Плещеевской волости Солигаличского уезда» Костромской губернии показывает, что из 387 человек из 42 населенных пунктов свыше 10 лет ходили в отход 122 человека; свыше 20 – 47; свыше 30 – 22; свыше 40 – 8, т.е. в совокупности свыше 10 лет ходили на заработки 199 человек из 387 (св. 50 %). Лиц от 12 до 20 лет (включительно) – 92 человека; от 20 до 30 – 140; от 30 до 40 – 92; от 40 до 50 – 45; от 50 до 60 – 16; свыше 60 лет – 2 человека. Таким образом, мы видим, что самая многочисленная группа – это крестьяне от 20 до 30 лет, далее следуют группы от 12 до 20 и от 30 до 40: в них – равное количество. В группе от 40 лет количество резко снижается, и эта тенденция сохраняется в последующих возрастных группах.

Крестьянский мир был заинтересован в ранней женитьбе отходника. Время свадеб почти исключительно «мясоед», время после Рождественского поста, поэтому в приходе праздновали одновременно несколько десятков свадеб. Детей рождалось много, тем более, что нередко мужчины женились дважды по причине вдовства. Вторая жена чаще всего была много моложе. Обращает на себя внимание время рождения детей – осень (сентябрь-ноябрь). Как нам кажется, это может служить косвенным свидетельством того, что мужчины отсутствовали дома в весенне-летний период, приезжая на побывку в осенне-зимние месяцы. Как свидетельствуют данные метрических книг, имело место и рождение детей в северной столице, что говорит о практике

отхода на заработки семьей. Так, в результате просмотра метрических книг ц. Ризположения с. Озерки Чухломского уезда Костромской губернии за 1861–1918 гг. было обнаружено 10 упоминаний о рождении детей в Санкт-Петербургской губернии. Распространенность мужского отхода в Костромской губернии влекла за собой дисбаланс мужского и женского населения. В отхожих уездах: в Чухломском – 130,5 женщин на 100 мужчин, в Галичском – 120,5, в Солигаличском – 119,4, в Костромском – 117,4, в Буйском – 116. Длительное раздельное проживание супругов нередко приводило к тому, что мужья в столицах заводили вторую семью.

Даже те из крестьян, кто сумел совершить социальное восхождение, возвращались в деревню «доживать свой век». Это приводило к смешанному составу населения в деревне. В деревне проживали не только крестьяне, но и состарившиеся купцы и мещане, почетные граждане, отслужившие солдаты и офицеры, мастеровые ремесленных цехов Санкт-Петербурга, что подтверждают данные метрических книг.

М.Д. Карначёв¹

**Русская крестьянская община и государство:
социальные истоки конфликта в начале XX в.**

Историографическая ситуация вокруг русской крестьянской общины всегда отличалась исключительной противоречивостью. Поклонники отечественной самобытности усматривали в общине один из традиционных устоев российской жизни (И.Д. Беляев, Д.Н. Шипов, В.А. Александров, П.Н. Зырянов и др.). Напротив, публицисты и историки, настаивавшие на общности исторических судеб России и Европы, неизменно отмечали архаику общинных порядков и подчеркивали их преходящий характер (К.Ф. Головин, В.И. Гурко, Б.Н. Миронов, М.А. Давыдов и др.). Наиболее актуальной в современных условиях представляется проблема соотве-

¹ *Карначёв Михаил Дмитриевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж, m-karpach@mail.ru

тствия общинного строя задачам политического и экономического развития государства.

В эпоху реформ начала 1860-х гг. сохранение общины, круговой поруки, уравнительного землепользования и обычного права диктовалось, прежде всего, практической невозможностью перейти к индивидуализации крестьянской собственности. Хотя уже творцы крестьянского освобождения видели в общине крупные недостатки. Для перехода от общинного к подворному землевладению требовались немалые материальные и кадровые ресурсы. Ни того, ни другого в распоряжении творцов аграрной политики во второй половине XIX в. не было. В дальнейшем же ставка на сохранение общинного строя в русской деревне определялась главным образом идеологическими соображениями. Политика крестьянского цезаризма, особенно усилившаяся в царствование Александра III, соответствовала консервативному взгляду на общину как на надежный оплот самодержавного государственного устройства. В идейную борьбу за сохранение общины и других устоев традиционного крестьянского строя активно включилась радикальная русская интеллигенция. Выступая под флагом народничества, демократы долгое время (от А.И. Герцена до эсеров) усматривали в общинных порядках особую предрасположенность русского крестьянства к социализму. Прежде всего, отмечались отсутствие частной собственности на землю и способность к мирскому самоуправлению. Взгляды на общину консерваторов-монархистов и радикалов-социалистов при очевидной противоположности целевых установок сходились на общем отрицании либерального реформирования устоев крестьянской жизни.

На рубеже XIX–XX вв. в общественном мнении и в правительственных сферах широко распространилось представление об усиливавшемся обеднении русской деревни. Оскудение земледельческого центра страны считалось тем более тревожным, что оно отмечалось на фоне высоких темпов развития промышленности и транспортной сети всей России. Падение доходности хозяйств происходило не только у бывших помещичьих крестьян. Их доля в составе крестьянского населения Воронежской губернии, например, не превышала 29 %. Зато свыше 70 % крестьянских хозяйств

являлись бывшими государственными крестьянами с достаточным земельным обеспечением. Тем не менее, оскудение отмечалось и у них.

Община с ее статичным характером натурально-потребительского хозяйства не соответствовала курсу на ускорение темпов развития промышленности и транспортной инфраструктуры. В экономике страны возникла опасная диспропорция. Быстрый рост численности крестьянского населения привел к резкому повышению избыточности трудовых ресурсов общины, к так называемому аграрному перенаселению.

Глубокий кризис общинного строя существенным образом определил социальный фон первой русской революции. Потрясенное самодержавие вынуждено было отойти от политики патернализма и крестьянского цезаризма и начать политику государственного либерализма. Очевидно, что провозглашенные Манифестом 17 октября 1905 г. новые принципы внутренней политики не соответствовали характеру крестьянского общинного землевладения и самоуправления. Переход после указа 9 ноября 1906 г. к политике разрушения общины стал прямым следствием курса на становление правового государства с разделением властей, многопартийностью и гарантиями гражданских свобод.

Первая реакция большинства крестьян-общинников – резкое противодействие новому правительственному курсу. Общинный строй, обычное право сельского мира вообще были несовместимы с принципами либерализма, в частности, с формальной законностью, экономическими и иными правами личности. Индивидуализация имущественных и гражданских прав подрывала основы общины, поэтому агрессивная реакция большинства по отношению к «укрепленцам» (отрубникам или хуторянам) была поначалу естественной и даже неизбежной.

Крестьянские волнения начала XX в., революция 1905–1907 гг. наглядно свидетельствовали о том, что сельская община оказалась несовместимой ни с частной поземельной собственностью, ни с индивидуализацией гражданских прав, ни с рыночной экономикой. В XX в. русская крестьянская община устоять уже не могла.

П.С. Кабытов¹

Специфика реализации столыпинской аграрной реформы на юго-востоке Европейской России

В границы Юго-Востока Европейской России входили Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская и Саратовская губернии, расположенные в лесной, лесостепной и степной зонах. В начале XX в. в регионе оформились несколько зон аграрной капиталистической эволюции. В лесных и лесостепных уездах Казанской, Пензенской, Симбирской и северных уездах Самарской губерний преобладал помещичье-буржуазный тип аграрного развития, а в степных уездах преобладали хозяйства фермерского типа. Вместе с тем в ряде уездов лесостепной полосы складывалась зона крестьянского, семейно-трудового хозяйства.

Реализация столыпинской аграрной реформы на Юго-Востоке зависела от многих факторов – уровня развития капитализма в деревне, национального состава населения, степени развития аграрной инфраструктуры, близости сел и деревень к рынкам, железнодорожным станциям и пристаням. Условно в реализации реформы можно выделить 3 этапа, первый из которых охватывает период от издания Указа 9 ноября 1906 г. до принятия закона 14 июня 1910 г. III Государственной Думой. За это время из общины вышло наибольшее число домохозяев. Во втором периоде (середина 1910 г. – 1 августа 1914 г.) произошло резкое уменьшение числа крестьян, выделившихся из общины, из-за сопротивления общины, подъема революционного движения в городах, гибели П.А. Столыпина, разочарования помещичьего дворянства в аграрной политике правительства. Вместе с тем, именно в эти годы проводились работы по разверстанию земель в сложных общинах многонациональных уездов Казанской и Симбирской губерний, где землепользование было крайне запутанным.

Третий период приходится на время Первой мировой войны, когда противодействие общины землеустройству резко возросло.

¹ *Кабытов Петр Серафимович*, доктор исторических наук, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет), Россия, г. Самара, don.kabytov2012@yandex.ru

Под давлением многочисленных жалоб и заявлений солдат действующей армии министром земледелия был подписан циркуляр, прекращающий производство землеустроительных работ до окончания войны.

Наибольшие успехи реформа имела в Самарской и Саратовской губерниях. В Новоузенском уезде из общины вышло 84,4 % дворов, в Николаевском – 32,1 %. Интенсивно шел процесс разрушения общины в Балашовском, Аткарском, Сердобском, Саратовском и Камышлинском уездах. В Симбирской губернии укрепили наделы в личную собственность 23,9 % дворов, в Пензенской – 24,2 %. В Казанской губернии из общины вышло лишь 8,8 % дворов. В ходе реализации реформы возникли десятки тысяч хуторов и отрубков. Здесь также лидерами были Самарская и Саратовская губернии. Частное крестьянское землевладение стало доминировать в степных уездах региона. Реализация аграрной реформы сопровождалась активизацией деятельности земств по созданию аграрной инфраструктуры, успехами земской агрономии и ветеринарии, созданием опытных полей и участков. Началось строительство элеваторов.

В процессе реформы губернские администрации и землеустроительные комиссии столкнулись с противодействием со стороны сельской общины. Настороженное, нередко резко отрицательное отношение к реформе, в какой-то степени было запрограммировано в крестьянском сознании. По мнению крестьян, Указ 9 ноября 1906 г. принуждал отказаться от старого привычного уклада жизни, что противоречило патриархальной психологии. Фронтальное изучение документов и материалов, отражающих социальные конфликты в деревне, позволяет проследить изменения направленности и представить количественную характеристику крестьянских выступлений. Реализация реформы способствовала снижению социальных конфликтов, направленных против дворян. Вместе с тем, центр борьбы был перенесен в сельскую общину, которая вынуждена была применять различные формы противодействия: от отказа сельских сходок утверждать заявления о выходе из общины до вооруженного сопротивления при производстве землеустроительных работ. Противодействие крестьян новой аграрной политике было обусловлено тем,

что они объективно стремились к ликвидации частной собственности на землю, а их чаяния сводились к уравнительному землепользованию.

Анализ итогов реализации столыпинской земельной реформы в юго-восточных районах Европейской России позволяет преодолеть миф, транслируемый в научной литературе многие десятилетия о крахе столыпинского землеустройства. На наш взгляд, стоит говорить не о крахе реформы, а о ее незавершенности, так как она была прервана начавшейся Первой мировой войной. В экономическом плане реформа, несомненно, имела прогрессивное значение, так как она придала мощный импульс развитию модернизационных процессов в аграрном секторе Российской империи.

Д.В. Ковалев¹

**Эволюция общинного землепользования
в подмосковной деревне конца XIX – начала XX в.**

Эволюция крестьянского землепользования в подмосковной деревне пореформенного периода характеризовалась усилением земельно-распределительных функций общины. Однако эта тенденция проявлялась неравномерно и имела существенные функциональные различия в зависимости от местных условий хозяйствования. На протяжении первых десятилетий после реформы 1861 г. ее динамику в большей степени определяли внешние факторы, нежели изменения внутри крестьянского «мира». Понижение выкупных платежей, отмена подушной подати, отсрочка по недоимкам в начале 1880-х гг. способствовали росту интереса к земле. Одновременно часть крестьян утратила промысловые заработки в результате вытеснения в промышленности ручного труда механизмами.

Быстро изменилось и отношение к земледельческому хозяйству. Не слишком распространенные в первые пореформенные годы переделы, заметно активизировались, чему с одной стороны способствовал естественный рост населения, а с другой – возвращение

¹ *Ковалев Дмитрий Владимирович*, доктор исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет, Россия, г. Коломна, dmitrij-kovalev@yandex.ru

«отсутствующих» общинников. Возвращение в деревню большой массы отходников, отмеченное в Московской губернии в 80–90-е гг. XIX в., оказало мощное преобразующее воздействие на систему традиционных хозяйственных представлений крестьян. В эти годы в западной части губернии на крестьянских полях появляются посевы льна и клевера, первые плуги, начинают применяться многопольные системы севооборота.

Изменение системы полеводства приводило к новым переделам, особенно в условиях повышенной миграционной активности сельского населения. В начале XX в. только по официальной статистике «отсутствующей» числилась каждая пятая крестьянская семья, а «мир» стремился исключить отсутствующих членов из передела, тем более, если земледельцы нуждались в дополнительной земле для увеличения числа севооборотных полей. В районах с развитым аграрным хозяйством роль общины в рационализации крестьянского землепользования была значительна. Обработывая данные подворного обследования (1910 г.) травопольной зоны Подмосковья, организованного губернской земской управой, заведующий статотделением П.А. Вихляев пришел к выводу, что под влиянием интенсификации падало значение естественных качеств земли в обеспечении урожайности, поэтому теряло смысл стремление учесть их при земельных переделах. Община стала чаще использовать свои передельные функции для сокращения чересполосицы.

Ранее дробившие пашню и умножавшие число полос переделы в конце XIX – начале XX в. становятся средством достижения более рациональной в сельскохозяйственном отношении структуры землепользования. Эти обстоятельства требуют, по крайней мере, внесения оговорок в широко распространенное мнение о том, что развитие торгового земледелия, внедрение в севооборот интенсивных культур и освоение новых систем полеводства неизменно было связано с угасанием переделов земли, а общинное землепользование всегда препятствовало этим процессам. В частности, утверждение А.М. Анфимова о противодействии общины устройству травосеяния применительно к аграрной истории Подмосковья не выдерживает критики. Факты говорят об обратном: сколько-нибудь значительное

совершенствование агрокультуры в крестьянских хозяйствах губернии опиралось на общинные традиции.

В условиях нараставших противоречий между интересами повышения производительности и доходности аграрного производства с одной стороны, и традиционными основами крестьянского землевладения и землепользования – с другой, последние постепенно приспосабливались к тем или иным особенностям хозяйствования. В земельно-распределительной деятельности общины усиливалась экономическая составляющая. Но если в промышленных уездах это приводило к преобладанию фискальной роли земельных переделов, то в аграрных – возрастало их производственное значение. И в том, и в другом случае промысловая миграция являлась одним из определяющих факторов. Малоземельные восточные уезды превращались в зону примитивного земледелия постепенно приобретающего подсобный характер по отношению к фабричным промыслам. Отход же крестьян на заработки из районов прогрессирующего сельского хозяйства способствовал расширению земельного фонда, необходимого для ведения товарного земледельческого производства. В то же время, возвращавшиеся в деревню отходники становились силой, подтачивающей патриархальность крестьянской жизни и, следовательно, подрывавшей традиционные хозяйственные привязанности. Однако для полноценной, последовательной модернизации аграрного строя требовался кардинальный пересмотр, как проводимого аграрного курса государства, так и его нормативно-правовой базы.

В.Н. Никулин¹

Аренда в землепользовании крестьянских и помещичьих хозяйств Псковской губернии во второй половине XIX в.

В пореформенный период аренда земли крестьянами становится важнейшим условием развития псковской деревни и играет решающую роль в перераспределении земли между помещиками и

¹ *Никулин Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, г. Калининград, nikuliny@mail.ru

крестьянами. Если в дореформенный период главным связующим звеном между крестьянами и помещиками было феодальное наделение землей, то в пореформенные годы подобную функцию стали выполнять арендные отношения. Условия, на которых крестьяне арендовали помещичью землю, способствовали оформлению новых производственных отношений в аграрной сфере. Аренда не только занимала важное место в сложном комплексе аграрных отношений, она в значительной степени определяла социально-экономическую ситуацию в деревне.

Характер земельной аренды и ее распространенность определялись принадлежностью сдаваемых земель различным категориям земельных собственников, почвенно-климатическими условиями губернии и качеством земли, условиями ее обработки, связями с рынком сбыта сельскохозяйственной продукции, составом арендуемых земель, сроками арендных договоров, количеством арендаторов и площадью арендуемых земель.

Псковским крестьянам хронически не хватало леса, лугов и выгонов для выпаса скота. На протяжении всего пореформенного периода земледельцы губернии, в отличие от крестьян остальных районов страны, арендовали, преимущественно, луга и выгоны (на долю этих угодий приходилось до 80 % арендованной земли).

Аренда играла значительную роль не только в хозяйстве крестьян. В условиях острой нехватки оборотного капитала многие помещики вынуждены были использовать сдачу крестьянам в аренду своей земли как средство обеспечения имения рабочими руками. Часть помещиков предпочитала ведению собственного хозяйства сдачу имения в аренду – частично или полностью. Аренда помещичьей земли крестьянами нередко приобретала кабально-крепостнические формы. В большинстве случаев договор об аренде на началах денежной оплаты сочетался с элементами внеэкономического принуждения, когда крестьяне обязаны были выполнять дополнительные натуральные повинности, которые для помещика бывали важнее, чем арендная плата.

В губернии практиковалась как долгосрочная, так и краткосрочная (погодная) аренда земли. Для помещиков была выгоднее краткос-

рочная аренда, поэтому они предпочитали сдавать земли на самые короткие сроки. Краткосрочная (погодная) аренда была «привилегией» маломощных крестьянских хозяйств. В губернии из 100 дес. арендуемой земли на погодную аренду приходилось 44 дес. Широко распространена была субаренда земли. В пореформенные годы набирал силу процесс вытеснения крупными арендаторами мелких и средних, которые переходили на положение наемных работников. Изменения, определявшие характер и размеры крестьянской аренды, были обусловлены как эволюцией помещичьих имений, так и глубинными процессами в среде самих крестьян, и, прежде всего, их имущественной дифференциацией.

В губернии были распространены различные виды аренды: денежная, аренда «исполу», из части урожая, за отработки, смешанный тип аренды. Крестьяне отдавали предпочтение денежной аренде. Денежную форму аренды использовали также те помещики, что не вели собственное хозяйство, а предпочитали сдавать свои угодья местным крестьянам, нуждавшимся в земле. Если же у помещика было свое хозяйство, то при сдаче части своих земель в аренду, он стремился обеспечить себя рабочими руками и тогда в арендный договор включались условия отработок.

В губернии нередкими были случаи сдачи в аренду надельной земли. Происходило это, как правило, в пределах общины, когда надельные сдавались либо «малосильными хозяевами», либо крестьянами, уходившими на заработки. Наряду с добровольной широко была распространена принудительная сдача общиной крестьянских наделов за недоимки.

Аренда земли псковскими крестьянами оплачивалась, преимущественно, за счет сторонних заработков. Недаром после реформы 1861 г. в Псковской губернии процесс отходничества крестьян имел положительную динамику.

Денежное выражение арендных цен свидетельствует о том, что в пореформенный период они имели тенденцию к постоянному росту. Особенно велика была арендная плата в льноводческих уездах губернии, где земля под лен сдавалась помещиками крестьянам по договоренности или с аукциона. Здесь цена на землю

колебалась от 25 до 90 руб. за 1 дес. поля. В период сельскохозяйственного кризиса конца XIX в. арендные цены снизились.

В целом аренда в губернии после реформы 1861 г. стала важным компонентом аграрных отношений, способствовала становлению новых отношений между крестьянами и помещиками, содействовала сосредоточению земли в руках зажиточной части крестьянства и ускоряла процесс дифференциации в псковской деревне.

Д.А. Сафонов¹

«Башкирские земли» как локальный фактор аграрного освоения южноуральского региона

О «башкирских землях» применительно к вопросам аграрного развития и заселения южноуральского региона говорилось практически на всех этапах этого сложного и многопланового процесса. Это, на наш взгляд, позволяет отнести данное понятие к постоянно действующим факторам аграрной истории региона. В то же время необходимы уточнения относительно его содержания, каковое менялось под воздействием иных факторов и событий. После присоединения Башкирии государство стало собственником земли. В то же время, за башкирами подтверждалось «вотчинное право» – право на то, чем они владели до присоединения. Тем самым возникало противоречие: земли, неосвоенные в сельскохозяйственном отношении, по меркам русских властей были свободными, а фактически принадлежавшими башкирским родам. Проводимый центром с XVIII в. курс на официальный отвод земель и заселение в регион переселенцев как бы априори предполагал наличие казенного земельного фонда, но такового изначально не было, а он создавался по мере необходимости как раз из «башкирских земель». Процесс этот продолжался на протяжении XVIII–XIX вв.

До 30-х гг. XVIII в. центральная российская власть в вопросы землевладения особо не вмешивалась, ограничиваясь некоторыми

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург, d_safonov@mail.ru

изъятиями под крепости, монастыри, заводы, но тогда все сводилось к отдаче незаселенных, «диких полей». После продвижения российской государственности на юго-восток и начавшихся башкирских восстаний власти начали изымать земли в политических целях: сначала для создания баз, затем для закрепления своих сторонников, а позже и для увеличения запаса земель казенного ведомства. За время межевых работ в ходе Генерального межевания на протяжении всей первой половины XIX в. пожалования казенных земель в губернии получили столь широкий размах, что правительство, начиная с 40-х гг., вынуждено было ограничить практику «всемилодивейших пожалований».

Параллельно с государством на башкирские земли стали претендовать крестьяне-переселенцы. Наличие обширных башкирских волостных земель, их сравнительная дешевизна способствовали развитию в губернии аренды, а также поземельной собственности крестьян. Башкирские земли приобретались в больших размерах, без определения меры и за баснословно низкие цены.

Крестьяне-переселенцы, разумеется, данными о количестве «башкирских земель» не владели. Однако продолжавшееся вплоть до XX в. устройство припущенников на башкирских землях свидетельствует о роли «башкирских земель» как надежного резерва в глазах нескольких поколений переселенцев. Собственно, и местные власти не владели ситуацией и точными данными о размерах «башкирских земель». Постепенно последние стали восприниматься прежде всего как безусловный и, похоже, неисчерпаемый, земельный ресурс, позволяющий решать многие серьезные проблемы: от землеустройства переселенцев до купирования остроты земельного голода, как в центральной части страны.

Вероятно, эта, ничем в общем не подкрепляемая вера послужила причиной авантюры, затеянной именно местными властями, которая вошла в историю как «расхищение башкирских земель». Начатый в 1863 г. процесс постепенного слияния башкир с прочим крестьянским населением губернии через ликвидацию ранее существовавшей кантонной системы повлек за собой размежевание башкирских земель по нормам крестьянской реформы 1861 г. Все,

что оставалось сверх, попадало в категорию «лишних» земель. В кругах оренбургской губернской администрации родилась идея наделить наиболее отличившихся чиновников края землей из этих «излишков». В принципе размежевание не было завершено даже к концу XIX в., но «лишние» земли были определены в первую очередь и с 1871 г. стали предметом т.н. льготных раздач, свободных продаж. В итоге «лишних» земель в крае фактически не осталось. «Башкирские земли» как ресурс были исчерпаны.

Отметим несколько констант на протяжении рассматриваемого периода. Уверенность в наличии в крае «свободных» земель существовала достаточно долго. Крестьяне-переселенцы, припущенники и арендаторы со временем стали воспринимать башкирские земли в своем временном пользовании как свои, как выслуженные земли – с соответствующими последствиями в отношениях с башкирским населением. В глазах властей башкирские земли стали как бы бездонным ресурсом, могущим помочь разрешить практически любые аграрные проблемы, и не только аграрные (вплоть до личных корыстных).

Существование своеобразного рынка свободных башкирских земель позволяло гасить крестьянское недовольство – южноуральский крестьянин мог и находил возможности снять остроту земельного голода. Уничтожив башкирские земельные запасы, власти создали новый узел противоречий между башкирами и властями и поставили в сложное положение ту часть русского крестьянства, которая существовала за счет аренды этих самых излишков.

Ф.Ф. Шаяхметов¹

Реформа башкирского землевладения в контексте Великих реформ XIX в.

Ко времени отмены крепостного права территория Южного Урала, в административном отношении входившая в состав Орен-

¹ *Шаяхметов Фидаль Фанилевич*, кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа, Fidail_sh@mail.ru

бургской губернии, в 1865 г. разделенная на две новые – Оренбургскую и Уфимскую, представляла экономически инертную окраину империи. По структуре занятости и расселения населения (около 90 % проживало в сельской местности) это был сельский, крестьянский, аграрный регион.

Характерной чертой региона была социальная неоднородность населения, ставшая наследием его исторического развития. Оно формировалось в результате непрерывной миграции различных этнических и социальных групп, происходившей в течение всего периода его пребывания в составе России. Основу населения региона составляли удельные, государственные, помещичьи, горнозаводские крестьяне, казаки и башкиры.

Отмена крепостного права непосредственно коснулась лишь около 12 % населения края (отличительная черта социальной структуры региона), однако начавшиеся вслед за ней реформы оказали воздействие на все население региона. Важные изменения произошли в жизни коренного населения – башкир, вместе с мишарями в период 1798–1865 гг. носивших статус военного сословия и входивших в особую систему кантонного управления. Указом от 14 мая 1863 г. было утверждено «Положение о башкирах», направленное на ее упразднение и ликвидацию военно-сословного устройства башкир и мишарей. По данному «Положению», вступившему в силу с 1865 г., они перестали быть военно-служилым сословием, были «уравнены в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями» и подчинены губернским, уездным и волостным по крестьянским делам присутствиям и создававшимся сельским и волостным обществам. На башкир и мишарей не распространялись оброк и выкупные платежи, но их прежние воинские повинности были заменены денежным подушным и поземельным налогами и обычными мирскими сборами.

Последовавшие затем новые законы и «положения» были направлены на размежевание больших вотчинных землевладений родоплеменных групп башкир, унаследованных еще со времен добровольного вхождения в состав России и более поздних периодов их развития в составе многонациональной империи. «Правила о наделе-

нии земель башкир-вотчинников и их припущенников», принятые правительством по указу от 10 февраля 1869 г., разделяли вотчинные земли башкир на три категории: а) душевые наделы вотчинников, б) земли сверх душевого надела вотчинников, в) запасные земли. Первую категорию составляли наделы, закрепленные за вотчинниками по учету 7-й ревизии (1816–1817 гг.) в размере 40 дес. на душу, а также по учету последней к тому времени 10-й ревизии (1857–1858 гг.) 15-десятинные душевые наделы. После распределения наделов за указанными категориями вотчинников оставшая земля могла быть сдана в аренду, передана в ведение казны или продана. В последующем были также приняты новые законы и «правила» (1878, 1882, 1898 г. и др.), направленные на вовлечение излишков башкирских земель в рыночный оборот.

Реформа системы башкирского землевладения и землепользования имела несколько важных последствий для развития аграрного сектора в регионе. Сверхнормативные излишки башкирских земель сдавались в аренду местным крестьянам, купцам, чиновникам и другим категориям населения, приводя к расширению масштабов аграрного производства. Эти же земли арендовали крестьяне-переселенцы из других регионов страны, после отмены крепостного права получивших возможность для переезда в малонаселенные территории, к каким относились Уфимская и особенно Оренбургская губернии. Излишки башкирских земель переходили в фонд казенных земель, перенаправляясь государственными и земскими учреждениями для распределения между нуждающимися. Наконец, башкиры получили полное право (а государство на легальной основе их поддерживало в этом) на продажу избыточных земель из своих вотчинных владений. В результате во второй половине XIX в. земля, принадлежавшая башкирам, сократилась почти в два раза: до начала реформ на 1 двор башкир-вотчинников в Уфимской губернии приходилось 53 дес., а накануне революции 1905–1907 гг. – 24 дес. земли.

Как и любые социально значимые преобразования в России, реформа системы башкирского землевладения привела к значительным злоупотреблениям, расхищению и незаконному присвое-

нию земель коренных жителей региона. Она была негативно воспринята частью башкирского населения, стала поводом для их многочисленных судебных тяжб и жалоб в адрес центральных и губернских властей. Однако в целом реформа способствовала расширению рыночного оборота сельскохозяйственных земель, росту товарного земледелия, превращению Южно-Уральского региона в пореформенный период в одного из крупных центров аграрного производства страны.

Ф.Н. Мийманбаева¹

Социально-экономическая характеристика хозяйств крестьян-старожилов в Семиречье

Основным источником по социально-экономическому положению старожильческих хозяйств в Семиречье являются «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева». Обследование русских старожильческих селений Лепсинского, Копальского, Верненского, Пржевальского и Пишпекского уездов было произведено в 1910–1913 гг.

На основании статистических материалов П.П. Румянцева нами проведена группировка старожильческих хозяйств по величине посева. Подушевой земельный надел во всех группах был примерно одинаков и составлял 7–8 десятин. В бедняцкой группе 73,5 % хозяйств вообще не имели надела и должны были изыскивать другие средства для прокормления. Сдача земли в аренду была одной из причин обезземеливания крестьян, когда маломощные хозяйства сдавали в аренду из-за нужды большую часть земли, а иногда и весь участок и через некоторое время лишались права на него. Но некоторые хозяйства этой группы, имевшие возможность самостоятельно обрабатывать землю, не сдавали, а, наоборот, арендовали участки. 15 % бедняцких хозяйств арендовали землю,

¹ *Мийманбаева Фиалка Нуруевна*, кандидат исторических наук, Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы, m.fialka58@mail.ru

в середняцкой группе – 78 %, в кулацкой группе все 100 % прибегали к аренде. Состоятельные крестьяне концентрировали землю в своих руках и производили товарную продукцию.

Основным источником аренды были земли киргизов. Особенно много земли арендовали у киргизов зажиточные крестьяне. Поэтому изъятие киргизских земель в переселенческий фонд вызывало волну протеста. Выступая против образования новых поселков крестьян-самовольцев, кулаки доказывали необходимость дополнительных прирезков к их поселкам. Многие хозяйства размещали свои посеы главным образом на арендованной, а не на наделной земле.

Каждый переселенец имел право арендовать у киргизов не более чем на 3 года по 2 десятины земли на душу. А крестьяне уже существовавших поселков могли арендовать землю лишь в том случае, если на мужскую душу приходилось менее чем по 3 десятины удобной земли, но не свыше установленной нормы. Однако, арендные сделки совершались произвольно. Киргизские баи пользовались создавшимся положением и спекулировали государственной землей, находящейся во владении отдельных общин. За эти земли переселенцы уплачивали деньгами по 6 рублей за десятину.

Сдача земли, как и ее аренда, производилась преимущественно за деньги – от 60 до 80 % всей сдачи, на втором месте была сдача за натуральную плату.

В бедняцкой группе сдача преобладала над арендой, хотя и та, и другая имели место в хозяйстве. В группах середняков и кулаков арендные площади во много раз превышали сдаваемую площадь. Подобное распределение сдачи-аренды говорит о том, что в процессе перераспределения земли активно участвовали все слои населения, и подтверждает процесс дифференциации крестьянских хозяйств в общинах переселенцев.

По мере проникновения капиталистических отношений в экономику крестьянских хозяйств, земля, как основа производства, непосредственно все более втягивалась в сферу этих отношений. Значительная часть переселенцев занималась торго-

вым земледелием. Площади посевов в производстве зерна непрерывно росли. В 1900 г. в Пишпекском уезде было собрано одной только пшеницы 5 млн пудов, что составляло 35 % ее урожая во всей Семиреченской области. Такой же рост товарности наблюдался и в других уездах. В посевном объеме во всех социальных группах крестьян хлеба занимали от 85 до 97 % всей площади, на остальной площади, составлявшей от 4 до 14 %, высевали люцерну.

Надельная земля полностью не использовалась ни в одном хозяйстве, но все они прибегали к аренде. То есть наблюдался типично колониальный подход к земледелию: доведение земли до истощения и переход на новые земли, что во много раз дешевле, чем удобрять и восстанавливать старые.

Кроме зернового полевого хозяйства, крестьяне-старожилы занимались огородничеством, садоводством и пчеловодством. Значительная часть крестьян занималась также скотоводством в торговых целях. Торговый характер местного землевладения может быть подтвержден наличием промышленных заведений, которые обычно обуславливают появление и развитие капиталистических отношений в деревне. Об этом свидетельствует наличие 175 мельниц в области.

Важнейшими показателями капиталистических отношений в деревне является купля-продажа рабочей силы. К найму прибегали все хозяйства крестьян-старожилов.

Сведения о распределении инвентаря в старожильческих хозяйствах также иллюстрирует рост социальной дифференциации в деревне. 54 % хозяйств бедняков вообще не имели инвентаря, а 35 % хозяйств не имели сельскохозяйственных орудий. Зато кулацкие хозяйства сосредоточили у себя 50 % жнеек, 40 % косилок, 37 % веялок.

Приведенные данные говорят о резком социальном расслоении в старожильческих селах, а также о том, что хозяйства крестьян-старожилов явились глубокой и прочной основой для развития капиталистических отношений в Семиреченской области в конце XIX – начале XX в.

*В.М. Рынков*¹

Факторы сдерживания зернового хозяйства Сибири в первой четверти XX в.

Сибирь в начале XX в. обеспечивала себя хлебом. Плодородная земля степной и лесостепной полосы позволяла производить зерновые в избытке, но удаленность от потребляющих губерний центра России затрудняла сбыт, поэтому зерновое хозяйство было преимущественно потребительским. К началу века существовали только небольшие по объему перевозки зерна по рекам в северном направлении для снабжения хлебом редкого населения таежных и арктических территорий азиатской части России. Вывоз из Сибири в центр государства пшеницы, основной поставлявшейся на рынок культуры, в 1897 г. составил всего 820 тыс. пудов.

Благодаря постройке Транссибирской магистрали открылась возможность массового «экспорта» зерна. Аграрное переселение и расширение пашни старожильского населения позволило увеличить посевные площади в Сибири с 1897 по 1913 г. в 3,8 раза. Но, опасаясь конкуренции для крупных производителей в центральной России и нарушения традиционных связей на зерновом рынке, царское правительство в 1896 г. ввело знаменитый «Челябинский тарифный перелом». Он искусственно увеличивал стоимость перевозки сибирского хлеба, который при пересечении Уральского хребта становился дороже поволжского. Это стимулировало развитие внутрисибирских перевозок. «Перелом» действовал до 1913 г., и его окончательно отменили в последний мирный для России год.

Масштабные заготовки зерна в годы Первой мировой войны переориентировали потоки сибирского товарного хлеба на запад. Максимальный объем вывоза пришелся на 1915 г. и составил 81 млн пудов зерна. Такой результат удалось получить не только за счет высокого урожая и внутрихозяйственного перераспределения. Восточная Сибирь лишилась западно-сибирского хлеба, составлявшего ранее около 10 млн пудов. Вывоз избытков в восточном направлении был заменен привозным хлебом из Манчжурии. Снабжение сибирским

¹ *Рынков Вадим Маркович*, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск, vadsvet@list.ru

хлебом населения горнозаводского Урала удалось нарастить. При этом с Южного Урала хлеб вывозился на фронт и в прифронтовые территории. Расширение вывоза из Сибири вписывалось в общее перераспределение зерна в западном направлении.

Инфраструктура Сибири оказалась не готова не только к дальнейшему росту вывоза хлеба, но даже к нормальному обеспечению достигнутых результатов. В годы Первой мировой войны в Сибири велось активное железнодорожное строительство. Основные коммуникации нацеливались на создание дополнительных транспортных возможностей для вывоза хлеба. Именно такую роль играли Алтайская, Минусинская железные дороги, строящаяся Южно-Сибирская магистраль. Но покрыть степь густой сетью железных дорог, равноценных по своей плотности европейским хлебным районам, было невозможно. Слишком велики расстояния, и на порядок ниже плотность населения.

Однако слабость внутрисибирских коммуникации не способно было компенсировать строительство нескольких «хлебных» железнодорожных магистралей. Доставка хлеба к станциям и пристаням в степных районах часто осуществлялась за сотни километров, гужевым транспортом, что резко увеличивало себестоимость хлеба, отнимая у крестьян время, силы, фураж. Во время войны региональное руководство поставило вопрос о необходимости организации автоколонн для доставки зерна. И такие колонны начали создаваться, чтобы заменить мобилизованных казахов, ранее осуществлявших подвоз зерна к станциям.

Еще более существенным фактором явился ограниченный объем зернохранилищ. В годы Первой мировой войны, когда резко возрос масштаб государственных заготовок зерна, его приходилось хранить в крестьянских амбарах и под открытым небом. В 1915 г. правительством совместно с общественностью была разработана программа строительства сети элеваторов вдоль железных дорог. До революции ее практически не удалось реализовать.

В годы Первой мировой войны стала очевидна порочность шестнадцатилетнего сдерживания вывоза хлебных ресурсов из Сибири. За это время производственный цикл зернового хозяйства

полностью деформировался. Сибирская мукомольная промышленность обладала мощностями, необходимыми лишь для обмолота зерна местного потребления. Попытка нарастить вывоз муки привела к перебоям в снабжении ею городского населения Сибири. Без кардинальной модернизации мукомольного производства, расширения его сети, увязки обмолота с местами хранения зерна нельзя было рассчитывать на рациональное использование потенциала зернового хозяйства Сибири.

События Гражданской войны и тяжелый затяжной кризис в аграрной сфере в начале 1920-х гг. надолго отдалили намеченные мероприятия. Вернуться к вопросу о создании современной инфраструктуры зернового комплекса удалось только во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. в рамках уже совершенно другой, не рыночной модели сельского хозяйства.

Г.Е. Корнилов¹

Демографические катастрофы в XX в. на Урале

Население Урала (в современных границах) за XX столетие увеличилось с 7,3 млн человек (1897 г.) до 19,8 млн человек (2002 г.), т.е. в 2,7 раза. С 10,3 до 13,6 % за это время выросла доля населения региона в составе населения страны. Сельское население имело тенденцию к постоянному сокращению. Так, по сопоставимой территории Свердловской области его доля уменьшилась с 89 до 13 %.

Политические и экономические эксперименты, которые выпали на долю нашего народа в XX в., часто кончались гибелью значительного количества людей. Демографический кризис определяется как нарушение воспроизводства населения. В ходе демографической катастрофы происходило внезапное увеличение числа умерших, величина общего коэффициента смертности превышала величину общего коэффициента рождаемости. Смертность концентрировалась в младших и старших возрастных группах, а также среди мужской части населения. Негативные изменения претерпевала половозрастная структура населения, в ней появлялись глубокие провалы, которые оказывали отрицательное воздействие на последующее демографическое развитие.

В половозрастной пирамиде, построенной по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г. на уральском материале, четко заметны три наиболее значительные демографические катастрофы:

1) первая мировая и гражданская войны, голод 1921–1922 гг., которые вызвали кроме значительных людских потерь среди муж-

¹ *Корнилов Геннадий Егорович*, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Россия, г. Екатеринбург, genakorn@mail.ru

чин, родившихся в конце XIX в., существенный провал численностей поколений 1914–1924 гг. рождений;

2) голод первой половины 1930-х гг. и последовавшее за ним значительное снижение количества родившихся;

3) Великая Отечественная война 1941–1945 гг., вызвавшая огромные людские потери и более чем двукратное снижение уровня рождаемости. Значительно увеличилась диспропорция численности мужчин и женщин 1890-х гг. рождения.

Подобная картина в длительной исторической ретроспективе видна при реконструкции величин общих коэффициентов рождаемости и смертности на Урале в XX в. Наибольшие потери несло сельское население, составлявшее до середины столетия большую часть всего населения. На рис. 1 видно, что с 1917 по 1924 г., с 1932 по 1934 г., с 1942 по 1944 г. и с 1992 г. на Урале фиксируются более высокие показатели смертности, чем рождаемости, то есть отрицательный естественный прирост.

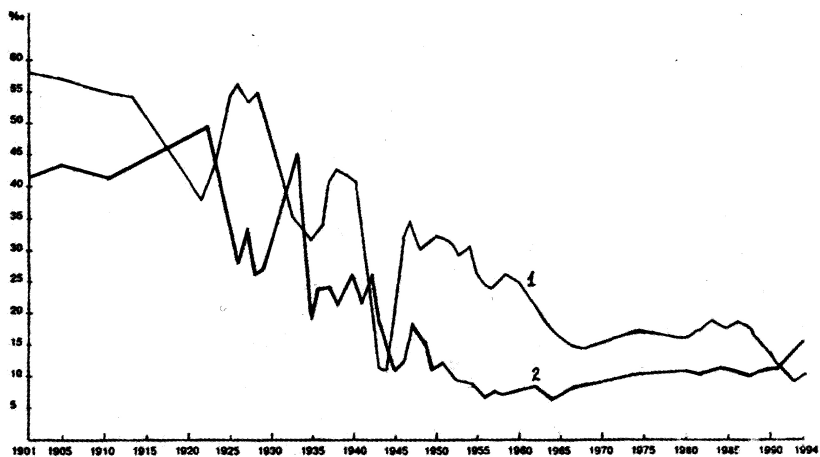

Рис. 1. Общие коэффициенты рождаемости (1) и смертности (2) по Уралу за 1901–1994 гг. Составлено по: Население Урала. XX век. История демографического развития / Г.Е. Корнилов, А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева. Екатеринбург, 1996. С. 11.

Это были годы крайне неблагоприятные для существования человека. На протяжении столетия четыре из пяти поколений населения региона пережили демографическую катастрофу. Относительно нормальной демографической ситуацией была только в 1950-е – 1980-е гг., хотя сельское население продолжало сокращаться в условиях активной урбанизации.

Напряженность демографической ситуации в регионе проявилась, с одной стороны, в концентрации неблагоприятных условий внешней среды, в усилении их воздействия на организм человека, а с другой – в неспособности общества противодействовать этому. В природно-климатическом отношении Урал – район, наименее благоприятный для сохранения здоровья населения, в котором требовались максимальная мобилизация и высокий уровень всей социальной сферы, включая здравоохранение, соответствующее распространение самосохранительного поведения, здорового и качественного питания. Таких условий практически не было, поэтому повышенный расход жизненной энергии проживавшего здесь населения явно не восстанавливался. Другим фактором, подрывавшим здоровье населения, являлась всеобъемлющая стрессовая ситуация. Миллионы людей переживали социально-экономическую неустроенность, особенно в постмиграционном состоянии, постоянный страх наказаний и репрессий, гибель близких и родных на полях сражений. В силу этого население Урала часто попадало в ситуацию демографического кризиса (уменьшение рождаемости и увеличение смертности, но рождаемость оставалась выше смертности), который фиксировался в 1905–1906, 1911–1912, 1936–1937, 1946–1947, 1951–1953 гг. (см. рис. 1).

В 1992 г. Россия вступила в полосу нового демографического катаклизма. Основными факторами его являлись: крах и развал государства, значительные размеры беженства, безработица, сокращение армии, резкое падение материального благосостояния, нищета, пауперизация, кризис морали, нравственности, веры в будущее, духовная опустошенность, воровство, обвальное увеличение преступности, отсутствие у государства осмысленной демографической политики. Исследование новой демографической катастрофы

фы только начато, однако можно утверждать, что она не имеет аналогов в российской истории по своей длительности и масштабам.

Л.Н. Мазур¹

**Демографические катастрофы как фактор эволюции
сельских поселений в России в XX веке:
теоретические подходы**

Кризис сельской местности стал устойчивым понятием, характеризующим состояние современной аграрной сферы и сельского общества. Он возник не вчера, фиксируется специалистами на протяжении всего XX в., перейдя в хроническую форму во второй половине века. Сначала Нечерноземье, а впоследствии и сельскохозяйственные черноземные районы оказались охваченными кризисными явлениями, ликвидировать которые не удастся до сих пор по ряду причин, в том числе из-за необратимых демографических потерь. Демографический потенциал села резко снизился после Великой Отечественной войны, а затем был подорван непродуманной политикой государства, направленной на преобразование сельской местности.

Изучение динамики людности сельских поселений, проведенное на материалах Среднего Урала в XX в., позволило выделить 6 демографических типов сельских поселений, отличавшихся характером динамики: 2 линейных (отрицательный и положительный); 2 параболических (отрицательный и положительный); 2 логистических (отрицательный и положительный) – при общем преобладании отрицательной динамики, которая была свойственна 83,4 % деревень. Все демографические типы поселений в качестве общих точек пересечений указывают на определенные временные отрезки – это 1930-е; 1950–1960-е гг., которые, с учетом времени реакции системы расселения, можно рассматривать как поворотные моменты в судьбе деревни. Они соотносятся с демографическими катастрофами, переживаемыми российским обществом в

¹ Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Уральский университет, Россия, г. Екатеринбург, Lmazur@mail.ru

XX в. – войнами, революцией, коллективизацией. По воспоминаниям жителей с. Киргинское Ирбитского района, два события наиболее сильно отозвались в судьбе села – коллективизация и Великая Отечественная война. Во время раскулачивания 47 крестьянских хозяйств были выселены с территории сельсовета, а в годы войны село потеряло 232 человека. Именно в эти годы в селе наблюдается спад численности населения.

Понятие демографической катастрофы было подробно раскрыто В.А. Исуповым. В качестве основных критериев данного кризисного состояния демосферы он выделяет «внезапное», связанное с внешним фактором, увеличение смертности, при котором ее показатели превышают рождаемость, что приводит к резкому сокращению численности населения и деформации половозрастной структуры. Причиной демографической катастрофы может быть голод, эпидемия, стихийное бедствие, война. В истории России первой половины XX в. В.А. Исупов выделил три демографических катастрофы, негативно повлиявших на демографические процессы и общий демографический потенциал страны: 1918–1921 гг. (результат Первой мировой и Гражданской войн); 1931–1933 гг. (результат ускоренной индустриализации, коллективизации и массового голода); 1941–1945 гг. (Великая Отечественная война). Во второй половине XX в. временем демографической катастрофы С. Максудов считает 1990-е гг., когда убыль населения страны в результате влияния разных причин (ухудшения условий жизни, роста преступности, миграции и пр.) составила около 14,4 млн чел.

Вне зоны внимания демографов оказалась еще одна демографическая катастрофа, поразившая Россию в 1950–1970-е гг. Она носила первоначально локальный характер, охватывая преимущественно сельскую местность, но по своему характеру, глубине последствий, системным характеристикам стала этапной, отразившись не только в динамике и структуре сельского населения, но и общества в целом.

В основе этой катастрофы лежали процессы, связанные с сельской миграцией. Уже в 1970-е гг. сформировалась новая де-

мографическая модель села, где в результате оттока молодежи и трудоспособного населения произошли смещения в половозрастной структуре, резко повысился средний возраст, выросла доля стариков и пожилых людей. Результатом миграционной деформации стало суженное воспроизводство, которое сначала охватило Нечерноземье, а в 1980-е гг. и черноземные районы страны. Последствия этой катастрофы можно проследить по демографическим моделям сельских поселений. В ряде случаев она привела к появлению демографических пустошей, исчезновению населенных мест. Таким образом, для сельской России сельская миграция 1950–1970-х гг. стала не менее катастрофичным явлением, чем Великая Отечественная война или коллективизация.

Особенностью этой катастрофы стал ее эндогенный характер, а причиной – политика правительства по «оптимизации» сельской местности. Мероприятия по закрытию сельских школ, больниц, укрупнению социально-культурной сети и сселению малых деревень способствовали ускоренному и необратимому обезлюдению деревни и, в конечном счете, углублению кризиса сельской местности, преодолеть который не удастся вплоть до настоящего времени.

В.А. Ильиных¹

Отраслевая структура сельского хозяйства Западной Сибири в XX в.

На рубеже XIX–XX вв. базовой отраслью аграрной экономики Западной Сибири было земледельческое хозяйство, специализирующееся на выращивании зерновых культур (хлебов). Сибирское животноводство к концу XIX в. имело преимущественно мясо-молочную специализацию. Рост производства сдерживался отсутствием емких рынков сбыта. В начале XX в. в сельском хозяйстве региона произошли существенные сдвиги. Сооружение Транссибирской магистрали позволило наладить крупномасштабный экспорт сельхозпродукции. Наиболее динамически развивающейся

¹ *Ильиных Владимир Андреевич*, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск, agro_iwa@mail.ru

отраслью сельского хозяйства Западной Сибири было промышленное маслоделие, имеющее экспортный характер. В итоге аграрная экономика региона в начале XX в. приобрела преимущественно животноводческую (молочно-масляную) специализацию. Соответственно ведущую место в животноводстве занимало разведение крупного рогатого скота. Второй по значимости подотраслью животноводства являлось мясо-шерстное овцеводство. Свиноводство играло подсобную роль. В растениеводстве абсолютно преобладало производство зерновых. Основной зерновой культурой стала пшеница.

Первая мировая и гражданская войны негативно сказались на развитии сибирского маслоделия. Зерновое хозяйство, напротив, развивалось в целом поступательно вплоть до 1919 г. В 1920-е гг. переориентация специализации сельского хозяйства Западной Сибири с молочно-масляной на зерновую продолжалась. Масштабы производства пшеницы увеличились. Изменения происходили и внутри животноводства. Наиболее динамично развивающейся отраслью животноводства являлось овцеводство.

В 1930-е гг. сельское хозяйство региона приобрело преимущественно растениеводческую специализацию. Вызванный форсированной коллективизацией кризис животноводства был более глубоким. Доминирующей отраслью полеводства оставалось зерновое хозяйство, в производственной структуре которого по-прежнему преобладала пшеница. В то же время по сравнению с предыдущим периодом произошло наращивание производства картофеля и овощей, большая часть которых выращивалась в личных приусадебных хозяйствах для собственного потребления.

В 1940-е – начале 1950-х гг. динамика развития сельского хозяйства региона и его отдельных отраслей имела разновекторный характер. Но в целом за данный период удельный вес животноводства в общем объеме сельхозпроизводства увеличился. В полеводстве доминирующей подотраслью оставалось выращивание зерновых культур. В то же время в конце 1940-х – начале 1950-х гг. внедрение травопольных севооборотов привело к значительному наращиванию посевов кормовых культур.

В 1954 г. началась целинная кампания, основной целью которой являлось существенное наращивание производства пшеницы. Занятая данной культурой пашня также увеличивалась за счет сокращения посевов «второстепенных» хлебов и технических культур. Соответствующие изменения произошли в структуре посева зерновых. Пшеница фактически превратилась в монокультуру. Однако в связи со значительным увеличением производства кормовых культур удельный вес зерновых в общей площади посева снизился. Основной кормовой культурой стала кукуруза, выращиваемая на силос. Из-за несоблюдения агротехники ее урожайность была низкой. Тем не менее, потенциал для улучшения кормовой базы животноводства был создан. В животноводстве наиболее динамично развивающейся отраслью стало свиноводство.

В первой половине 1960-х гг. тотальные нарушения агротехники целинного земледелия в сочетании с серией катастрофических недородов привели к резкому спаду производства зерновых. Животноводство при этом оказалось более устойчивым и демонстрировало в целом позитивную динамику.

Во второй половине 1960-х – 1980-е гг. животноводство развивалось более высокими темпами, чем зерновое хозяйство. В рамках животноводства постоянно возрастала роль скороспелых подотраслей – свиноводства и птицеводства. Удельный вес животноводческой продукции в общей стоимости валовой продукции сельского хозяйства постоянно увеличивался. Необходимость налаживания стабильного кормообеспечения животноводческих комплексов и птицефабрик определяла продолжавшееся расширение посевов кормовых и зерновых фуражных культур. Площади, занятые пшеницей, напротив, сокращались. Сократились посадки и удельный вес картофеля. Это объясняется улучшением структуры питания и сокращением числа и размеров личных приусадебных хозяйств. Сельское население сокращалось и старело, а на социальную авансцену в деревне выходили поколения с иными, чем традиционные крестьянские, ценностями и навыками. Таким образом, основной специализацией аграрного сектора экономики Западной Сибири в 1980-е гг. являлось животноводство.

Следствием радикальной аграрной реформы начала 1990-х гг. стал спад аграрного производства. Наиболее глубоким кризис был как раз в животноводстве. В растениеводстве резко снизились посевы кормовых культур, что определялось сокращением поголовья скота в крупхозах. Посевные площади зерновых уменьшились не столь значительно, а посевы пшеницы даже несколько увеличились. Существенно выросли посадки овощей и картофеля, их производство практически полностью переместилось в хозяйства населения. В отраслевой структуре сельского хозяйства региона Сибири за 1990-е гг. произошли радикальные изменения. Удельный вес валового производства животноводческой продукции резко снизился. В растениеводстве абсолютно доминирующее положение вновь заняли зерновые культуры, пшеница стала превращаться в монокультуру. В целом структура аграрного сектора экономики Западной Сибири в 1990-е гг. стала менее диверсифицированной и сбалансированной, чем в предыдущее десятилетие. Ставшие следствием кризиса сельского хозяйства негативные структурные сдвиги в сельском хозяйстве региона не были преодолены и в начале XXI в.

Н.Н. Кабытова¹

Крестьянская семья в интерьере советской эпохи

Демографические процессы достаточно объективно отражают особенности той или иной исторической эпохи. Исторические источники, характеризующие поведение различных социальных страт в экстремальных условиях, разнообразны – от бесчисленного множества письменных документов до материалов устной истории и предметов материальной культуры. В то же время на многие документы советской эпохи распространялся гриф секретности. Революции и войны, индустриализация и коллективизация – все

¹ *Кабытова Надежда Николаевна*, доктор исторических наук, Самарский государственный аэрокосмический университет (национальный исследовательский университет), Россия, г. Самара, don.kabytov2012@yandex.ru

эти глобальные события во многом мифологизированы и требуют дополнительного и тщательного исследования.

Первая половина XX столетия в истории нашей страны изобилует трагическими изломами судеб людей, втянутых в водоворот переломных событий. На протяжении полувекового периода (короткого по историческим меркам) наша страна пережила процесс перехода от традиционного общества к модернизированному «по-советски». Знаковыми явлениями этого процесса были: Российская революция и гражданская война 1917–1920 гг., «Великий перелом» рубежа 1920-х – 1930-х гг., две мировых войны – Отечественная 1914–1917 гг. и Великая Отечественная 1941–1945 гг.; страшные голодные годы (1921, 1933, 1947). Люди, пережившие эти события, испытывали колоссальные перегрузки, а их поведенческие реакции свидетельствуют об особой жизнестойкости и самоотверженности народа.

В начале XX в. в России сформировались глубокие противоречия в социально-экономической, идейно-политической и духовно-нравственной сфере. Крестьянский мир их рассматривал через призму поземельных отношений, стремясь в любой кризисной ситуации заявить о необходимости «черного передела». Трудности военного времени не изменили размеренного, обусловленного циклами сельхозработ, образа жизни крестьян. Протестное движение сдерживалось надеждами на скорый мир и «справедливое» разрешение всех проблем. Известие о падении самодержавия пробудило деревню к новой жизни. На сельских сходах и собраниях крестьяне обсуждали не только экономические, но и политические вопросы. Солдат-отпускников тыловых гарнизонов, как более грамотных и информированных, они выбирали в сельские исполнительные, земельные, продовольственные комитеты. Крестьяне собирались на сходы, рассуждали, за какую партию им голосовать на выборах в Учредительное собрание. Они обсуждали аграрные программы эсеров и большевиков и не могли понять «хитрой механики» расхождений между ними. Откуда им было знать, что решая стратегические задачи в борьбе за власть, большевики изменили тактические установки, пропагандируя эсеровскую програм-

му социализации земли. Поддержав на крестьянских съездах и собраниях советскую власть, сельские жители надеялись свободно трудиться на своей земле. Однако в условиях гражданской войны сохранить нейтралитет невозможно. Даже не участвуя в воинских формированиях, повстанческих отрядах, крестьяне терпели притеснения и от красных, и от белых, и от зеленых с многочисленными оттенками.

Окончание гражданской войны не означало наступления социального мира в деревне. Начался процесс раскрестьянивания страны. Едва оправившись от страшного голода 1921 г., постепенно восстанавливая хозяйство, зажиточные семьи и даже середняки, по разным причинам нанимавшие работников, были объявлены кулаками. Голодные годы (1921 и 1933) крестьянские семьи переживали по-разному. Одни, благодаря изворотливости и ловкости, сумели приспособиться и выжить. Для других голодомор закончился трагически.

Суровые испытания Великой Отечественной войны в исторической памяти народа отмечены как героические и трагические события. Преодоление через героизм и жертвенность были характерны и на фронте, и в тылу. Люди, пережившие войну, как и погибшие на ней, испытали колоссальные перегрузки. Отдельные негативные явления девиантного поведения были обусловлены, в большинстве случаев, репрессивными нормами регулирования трудовых отношений и чрезвычайными условиями военного времени. Изучение форм и методов преодоления опасностей и угроз в экстремальных условиях позволяет выявить конкретный механизм формирования человеческого фактора в военно-оборонном потенциале страны. Крестьянские семьи стали основной базой для рекрутирования военных и трудовых ресурсов в годы войны.

Опираясь на воспоминания ветеранов войны и труда, высвечивающих новые грани известных событий, необходимо подчеркнуть их информативную ценность. Они вполне репрезентативны, прежде всего, из-за личностных восприятий и интерпретаций глобальных исторических событий. Дух эпохи без свидетельств ее участников восстановить затруднительно. На их основе возможно

изучение не только повседневной жизни людей. Они позволяют оценить морально-нравственные устои народа, рассмотреть социальные и этнопсихологические особенности поведения людей, объяснить их поступки. Наконец, возможно проследить, как власть использовала традиционные ценности народа для мобилизации ресурсов в ходе глобального переустройства общества.

И.Е. Кознова¹

Российская деревня как «место памяти»

Введенное в начале 1980-х гг. французским историком П. Нора понятие «место памяти» и примененное им прежде всего к национальной памяти своих сограждан, имеет в виду сохранение памяти групп людей о других людях, событиях, географических точках, которые «окружены символической аурой» для тех, кто вспоминает. Формируя представления общества о самом себе и своей истории, «место памяти» используется в настоящее время в разнообразном контексте. Воспоминания о советском прошлом российской деревни играют несомненную символическую роль. Социально-демографические аспекты крестьянской истории XX в. занимают важное место в памяти сельских жителей и их городских потомков, представляя эту историю как раскрестьянивание в разных его проявлениях.

Данный аспект нами прослеживается на основе воспоминаний о деревне Левыкино и ее жителях. Расположенная некогда в центре средней полосы России (ныне это территория Мценского района Орловской области), исчезнувшая как сельское поселение на рубеже 1950–1960-х гг., деревня Левыкино является частью этой истории, и ее судьба на фоне аграрных преобразований советского периода может служить моделью социально-демографических процессов. Все жители носили одинаковую фамилию, произошедшую от названия деревни; часть семей находилась в близком родстве; была развита система соседства и кумовства. С одной из соседних деревень – Ушаково – считалось предпочтительным устанавливать родственные связи.

¹ *Кознова Ирина Евгеньевна*, доктор исторических наук, Институт филологии РАН, Россия, г. Москва, i.koznova@gmail.com

Накануне коллективизации Левыкино состояло из 15 дворов. К деревне примыкало одно крестьянское хозяйство, находящееся на месте приобретенной в собственность в 1910-х гг. бывшей помещицей усадьбы. Дворы представляли собой хотя и большие, но преимущественно двухпоколенные семьи, состоявшие из родителей и нескольких детей. До коллективизации деревня жила полнокровной хозяйственной жизнью. В ней были представлены все основные социальные типы крестьянских хозяйств – бедняцкие, середняцкие, зажиточно-предпринимательские. В случаях семейных разделов, которых приходилось на рассматриваемый период три (один в 1917 г. и два накануне коллективизации) общество выделяло усадьбу за деревней на выгоне. Именно истории разделившихся хозяйств представляют специальный интерес, поскольку они являлись своеобразными хозяйственно-культурными центрами деревни.

В памяти выделяются основные точки деревенских социально-демографических «провалов»: коллективизация, война, укрупнение колхозов. В истории Левыкино нашли отражение некоторые формы сельской миграции. Например, было принято нанимать пастухов из других мест – обычно из рязанских земель. Фиксируются случаи женитьбы пришлых пастухов на левыкинских девушках.

Однако преобладающим вектором миграции была городская: до революции – в разные города Орловской губернии и в Москву, в советский период – в Мценск, Орел, в некоторые населенные пункты Тульской области (например, в пос. Косая Гора, где располагался металлургический завод), но главным образом – в Москву. Из Ушаково жители чаще мигрировали на Украину, в Екатеринослав (Днепропетровск) и его окрестности.

Левыкино пережило несколько волн миграции: дореволюционную, в годы нэпа, накануне и в момент коллективизации, в колхозный период – в 1930-е гг., во второй половине 1950-х гг. Миграция коснулась всех без исключения дворов – как бедных, так и более состоятельных. До революции и в годы нэпа фактор крестьянской земельной неустроенности был решающим для отъезда. Однако до революции для некоторых выходцев из Левыкино миграция носила временный характер, предполагала возвращение в деревню, имела

целью накопление необходимого капитала для подъема крестьянского хозяйства. В послереволюционный период она все сильнее приобретала однонаправленный характер. Хотя отдельные дворы переживали возвратные миграции, предпринимая попытки уйти из деревни и устроиться на работу в промышленном или транспортном секторе, но вновь возвращаясь в деревню. Перемены в деревне накануне коллективизации послужили мощным толчком к активизации миграции, сохранявшейся и в последующие десятилетия, обуславливаясь прежде всего колхозной бедностью. Для Левыкино, как, впрочем, и для многих российских деревень, «миграционные настроения», были наиболее присущи сельской молодежи обоих полов. Одни уезжали, используя родственные или соседские возможности и связи, другие – по оргнабору или вербовкам на различные неквалифицированные работы, иногда сезонного характера.

Истощение хозяйственного и человеческого потенциала деревни Левыкино и двух соседних деревень Ушаково и Кренино, образовавших колхоз «Красный путь», присоединение его на положении бригады к колхозу «Гигант», урбанизация превратили эти деревни из мест реального проживания в «места памяти».

О.В. Горбачев¹

Аграрное переселение из Белоруссии на Средний Урал в первой половине XX в.: эволюция форм и динамика²

По проблеме сельскохозяйственного переселения на восток страны в XX в. сложилась представительная историография, однако в настоящее время существует необходимость комплексного анализа разных форм миграции. Это позволит построить иерархию миграционных факторов, выявить общие закономерности миграции и их региональные особенности, дистанцируясь при этом от поверхностных объяснений политического свойства.

¹ Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет, Россия, г. Екатеринбург, og_06@mail.ru

² Тема поддержана грантом РГНФ №16-18-10106.

Определенной ценностью для понимания разнообразия форм миграции в первой половине XX в. в России/СССР обладает классификация Т.Н. Юдиной, которая в применении к данному периоду выделяет вынужденно-принудительную и индустриально-классическую модели. Советский мобилизационный вариант организованной миграции рассматривается как переходная стадия от первой ко второй форме. Неудобство упомянутой классификации видится в спорности формулировок, а также игнорировании процесса колонизации. Для построения более гибкой типологии форм миграции уместно учитывать большее количество миграционных разновидностей (стихийную – организованную, добровольную – принудительную, сельскохозяйственную – промышленную, западную – восточную, активную – неактивную миграции и пр.).

Проблема эволюции форм миграционного взаимодействия регионов страны рассматривается на примере Белоруссии и Среднего Урала. Большую часть изучаемого периода в отношении этих территорий абсолютно преобладало организованное сельскохозяйственное переселение на восток.

Выбор территорий для анализа объясняется следующими соображениями.

1. Изучаемые регионы можно рассматривать как «классические» для выхода и вселения мигрантов. Белоруссия в первой половине XX в. представляла собой сельскохозяйственную территорию с аграрным перенаселением, Средний Урал – трудодефицитную территорию «нового освоения». С другой стороны, Урал всегда выполнял функцию «перевалочного пункта» на пути переселенцев в Сибирь, что мешало укоренению здесь значительного количества переселенцев.

2. В плане географическом эти регионы дают материал для понимания того, существуют ли специфические «равнинный» и «горный» типы миграционного поведения (идея, активно разрабатываемая в современной миграциологии).

3. Территориальная удаленность позволяет вычленить «чистые» миграционные потоки и определить результаты перемеще-

ний, игнорируя маятниковую миграцию, характерную для близлежащих территорий.

4. Выбор миграционных партнеров позволяет проследить этнический компонент в миграции, степень его выраженности и устойчивости, влияние на структуру расселения

Процесс колонизации прочно ассоциируется с сельскохозяйственным переселением, однако в условиях России он оказался тесно связан с промышленным освоением (теория «фронтальной модернизации»).

В дореволюционный период с территории Белоруссии отмечался активный отток сельскохозяйственного населения. Одним из пяти направлений (и самым востребованным) была Сибирь. Урал выполнял роль перевалочного пункта при движении на восток. При этом значительное количество мигрантов оставалось в пределах региона. Перепись населения 1926 г. зарегистрировала в пределах Уральской области 110 поселений с преобладающим белорусским населением (66 в Ирбитском и 37 – в Тагильском округах). Как можно судить по Спискам населенных мест Пермской и Тобольской губерний, все поселения возникли в ходе столыпинского переселения крестьян за Урал. Об организованном характере белорусского заселения Урала свидетельствует то, что поселения, как правило, возникали в малоосвоенных районах. Схожесть ландшафтных условий в местах выхода и вселения белорусских мигрантов (болотистые и лесистые местности) подтверждает точку зрения сторонников значимости ландшафта в миграции.

Активность миграционных связей между рассматриваемыми территориями совпадала с волнообразным характером сельскохозяйственного переселения на восток страны, где наиболее интенсивными были периоды 1885–1914 и 1924–1930 гг.

В конце 1920-х гг. появляются новые формы сельскохозяйственного переселения на Урал: «коллективизированная миграция» (т.е. переселение целыми колхозами), а также переселение раскулаченных и других репрессированных в «трудовые поселки».

Белорусских спецпоселенцев на Урале размещали на тех же территориях, что и в начале XX в. в соответствии с «принципом

незаселенности». Спецификой Среднего Урала было то, что промышленные и сельскохозяйственные поселки распределялись здесь в целом равномерно.

При достаточно активном переселении белорусов на Средний Урал их численность в сельском населении региона постоянно падала (от 23 тыс. в 1926 г. до 3 тыс. в 1989 г.), что связано как с миграцией сельских жителей в города, так и с активной ассимиляцией. При этом многие из основанных выходцами из Белоруссии сельских поселений, а также «кулацкие» поселки впоследствии стали колхозами, некоторые успешными.

Итак, в границах рассматриваемого периода наблюдается эволюция форм миграции из Белоруссии на Средний Урал: а) от добровольной к принудительной; б) от сельскохозяйственной к аграрно-промышленной.

В течение продолжительного времени селяне – выходцы из Белоруссии демонстрировали достаточную этническую устойчивость, но по мере развития урбанизационных процессов фактически сливались с русским населением.

А.Г. Новожилов¹

**Демографические процессы в зоне сельского расселения
финно-угорских народов Северо-Запада РСФСР
в 1920–1980-е гг.: общее и особенное**

На СевероЗападе РСФСР в пределах современных Ленинградской, Новгородской, Псковской и Тверской областей к началу XX в. сформировались зоны традиционного проживания финно-угорских этнических групп: вепсов, ижор, води, сету, тверских и новгородских карел, ингерманландских финнов и эстонцев. Эти этнические группы были представлены преимущественно сельскими жителями. Попадая в город они быстро ассимилировались русскими. Исключение составляли финны, которые находи-

¹ *Новожилов Алексей Геннадьевич*, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург, novogilov@mail.ru

лись под культурным влиянием финнов – подданных Финляндии, и эстонцы, составлявшие с соотечественниками-горожанами единую общину.

В плане демографической статистики это означает, что мы можем отследить аборигенное финно-угорское население только в сельской местности (за исключением эстонцев). Очевидно, что наиболее массовым этнодемографическим источником являются материалы переписей населения. Однако и у них есть определенные изъяны. В частности, наиболее широкий список национальностей представлен в переписи 1926 г., где выделялись позднее исчезнувшие из реестров водь и ленинградские (ингерманландские) финны. В последующих переписях численность финно-угорских народов явно была меньше реального их числа. Происходило это чаще всего по желанию самих респондентов, считавших принадлежность к малочисленным народам бесперспективной. Образование на родном языке, ориентация на традиционные занятия и другие направления сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов явно не вписывались в развивающееся индустриальное общество.

Определенную поправку зафиксированных в переписи цифр можно сделать путем анализа похозяйственных книг, хранящихся в областных архивах. В них представители сельсовета, часто наперекор респонденту, фиксировали его «настоящую» национальность. В похозяйственных книгах 1970–1980-х гг., которые были выявлены в рамках экспедиционных исследований, можно выявить граждан, чьи предки фиксировались как представители, например, вепсов или карел, а они сами записывались в основную титульную нацию – русских. Данные сведения дают возможность для репрезентативного анализа ассимиляционных процессов, происходивших под влиянием индустриализации, развития агрикультуры и повышения образовательного уровня жителей села.

На основе анализа выявленных данных были выделены следующие периоды этнодемографического развития региона. К первому периоду следует отнести 1920-е – середину 1930-х гг., когда в соответствии с национально-административной политикой, пиком

которой стала коренизация низового аппарата, на территории Северо-Запада РСФСР возникли многочисленные национальные районы, сельсоветы и отдельные коммуны. Следствием престижности отнесения к категории «нацмен» стал рост демографических показателей финно-угорских этнических групп.

На следующем этапе (середина 1930-х – 1940-е гг.) совпали многочисленные политические и экономические изменения, породившие резкое снижение численности финно-угорского населения, как вследствие миграционного оттока и естественного сокращения, так и в результате этнической мимикрии. Следует отметить следующие факторы: 1) ликвидация национальных административных единиц на уровне района и сельсовета; 2) отселение сельского населения из приграничной полосы, в том числе финнов Карельского перешейка, финнов и ижор нижнего Полужья в конце 1930-х гг.; 3) кампания по ликвидации хуторов, особенно серьезно ударившая по ориентированным на эту систему расселения финнам и ижорам, а также сету, расселенным на хутора эстонским буржуазным правительством в 1920-е гг. (эта территория вошла в состав СССР в 1940 г., а в Псковскую область в 1944 г.); 4) вывоз финнов и ижор в 1943 г. в Финляндию, их репатриация в 1945 г. и последовавшая за этим персональная высылка (а не депортация народа) из Ленинградской области за связи с финляндскими властями.

На третьем этапе (1950–1980-е гг.) демографическое сокращение было связано с общим отставанием роста благосостояния колхозного крестьянства по сравнению с урбанизированными слоями населения, что приводило к оттоку молодежи в города. Вепсы, карелы, водь и отчасти ижора и финны уезжали в Ленинград, Петрозаводск и районные центры, где быстро сливались с русским населением. Эстонцы, сету, часть финнов и ижор уезжали в города Эстонской ССР, где также достаточно быстро ассимилировались.

Ассимиляция происходила и в сельской местности, где в результате укрупнения колхозов, «совхозизации» и ликвидации неперспективных деревень разноэтничное население концентрировалось на центральных усадьбах с доминирующими русским языком и русскоязычной школой.

В заключении следует сказать, что депопуляция каждой из финно-угорских этнических групп проходила разными темпами, что зависело от местных экологических и социально-экономических условий, а также религиозных и этнокультурных установок их представителей.

А.В. Берлов¹

**Демографические процессы в сельской России
в 1917–1940 гг. в оценках ученых русской эмиграции**

В 1920-е гг. в связи с революционными потрясениями Россию покинула плеяда выдающихся ученых-экономистов и аграриев, среди которых особое место занимали С.Н. Прокопович, А.Н. Анцыферов, А.Д. Билимович, Б.Д. Бруцкус и др. Обосновавшись в Европе, они продолжили научно-исследовательскую деятельность по изучению аграрного строя Советской России. Ключевой проблемой в исследованиях русских ученых-эмигрантов являлись демографические процессы в советской деревне, которые они анализировали, опираясь на открытые данные советской статистики. Ведущую роль в изучении демографических тенденций на селе сыграл выдающийся экономист и статистик С.Н. Прокопович, создавший в эмиграции уникальный экспертно-аналитический центр – Экономический кабинет, по сути объединивший усилия ученых-экономистов русского зарубежья.

Ученые эмиграции выдвинули и с опорой на данные статистики обосновали тезис о том, что процесс урбанизации и оттока сельского населения в города в России начался еще до революции 1917 г. За период 1900–1914 гг. сельское население прибавило только 20 %, а численность городских жителей увеличилась на 75 %.

Анализируя итоги первой советской пятилетки, ученые пришли к выводу о том, что в этот период процесс миграции сельского населения в города был наиболее интенсивным. Пиковым, соглас-

¹ *Берлов Артур Валерьевич*, кандидат исторических наук, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва, Arberlov@mail.ru

но статистике, был 1931 г., когда сельскую местность покинули 4,1 млн чел. Исследователи связывали эту тенденцию с индустриализацией, коллективизацией, репрессивной политикой советской власти и считали аграрный курс большевиков губительным для крестьянского социума и сельского хозяйства в целом. С.Н. Прокопович и его единомышленники также констатировали значительное снижение естественно прироста сельского населения в 1932 г. ниже уровня 1927 г., что, по общему мнению, являлось опасной демографической тенденцией.

В работах ученых-эмигрантов активно обсуждалась тема голода 1933 г. Так, С.Н. Прокопович, А.Н. Анцыферов, А.Д. Билимович и другие исследователи в своих выводах однозначно связывали это трагическое событие с результатами политики советской власти на селе. По их мнению, голод 1933 г. стал следствием разрушения сельского хозяйства в результате коллективизации и индустриализации, а также репрессивных действий властей в области хлебозаготовок. Анализируя статистику тех лет, С.Н. Прокопович дал оценку потерь от голода в СССР в 9 млн чел., что значительно превышает все другие оценки, в том числе и иностранных исследователей.

Демографические процессы на селе, происходившие в 1930-е гг. ученые-эмигранты оценивали крайне негативно. С.Н. Прокопович отмечал значительное, по сравнению с предыдущими периодами, падение прироста сельского населения, а позже констатировал его сокращение. Особое беспокойство в эмигрантских экспертных кругах вызывало катастрофическое, по их мнению, падение численности крестьян с 114,9 млн чел. в 1927 г. до 78,6 млн чел. в 1939 г. при одновременном росте некрестьянского сельского населения (рабочих, служащих и пр.). Ученые-эмигранты связывали этот процесс с уменьшением количества крестьянских хозяйств в результате искусственной урбанизации – политики перераспределения трудовых ресурсов из деревни на городские стройки и иные промышленные объекты. Важным фактором, по мнению исследователей, являлось также заметное сокращение численности отдельной крестьянской семьи.

Несмотря на общую критику политики советской власти на селе, ученые-эмигранты признавали ее отдельные демографические успехи. Исследователи отмечали рост средней продолжительности жизни в стране с 32 лет в 1910 г. до 47 лет в 1940 г. Применительно к крестьянскому населению, они связывали этот процесс с улучшением жилищных условий и развитием системы здравоохранения в сельской местности.

Ученые русской эмиграции в целом негативно оценивали демографические итоги советского реформирования сельской России. Несмотря на эпизодические, по их мнению, успехи, советская власть разрушила уникальный крестьянский социум, не позволив ему развиваться естественными историческими путями, как по западной фермерской, так и по традиционной для России общинно-коллективной модели. Ученые-эмигранты считали, что насильственная, по своей природе и формам, политика трансформации крестьянской России в городскую промышленную цивилизацию, проведенная большевиками, стала причиной демографической катастрофы русского села.

Н.А. Ковалева¹

**«Разбитые иллюзии» крестьянства:
социально-демографические последствия
«аграрной революции» 1917–1922 гг. в Украине**

В 1919–1920 гг. украинские крестьяне при активной поддержке большевистского государства ликвидировали помещичье землевладение, осуществив «аграрную революцию». С осени 1920 г. большевики объявили войну зажиточному крестьянству и сельской общине. Однако крестьяне противодействовали политике социального расслоения и в 1921 г. во многих местностях Харьковской, Екатеринославской, Полтавской губерний длительное время отсутствовали органы советской власти. Земельный кодекс 1922 г. законодательно закрепил итоги «аграрной революции» в Украине.

¹ *Ковалева Наталья Анатольевна*, кандидат исторических наук, Украинский государственный химико-технологический университет, Украина, г. Днепропетровск, boriss2002@ukr.net

По подсчетам ЦСУ Украинской ССР в непосредственное пользование крестьян перешло 91,8 % площади сельхозугодий республики. Остальные 8,2 % земель остались в распоряжении государства. «Прирезку» получили около 60 % дворов, а у 10 % хозяйств землю отобрали. Практически не изменились размеры землепользования почти 30 % хозяйств. Крестьян сдерживало от хозяйственного освоения новых наделов отсутствие юридического закрепления помещичьей земли.

В то же время существенно изменилось количество землепользователей. Согласно данным украинских исследователей, за годы революции с 0,5 до 1 млн (от 1/8 до 1/4) увеличилось количество крестьянских хозяйств. Общая численность населения при этом уменьшилась с 20,2 до 19,4 млн чел. Согласно подсчетам экономиста и статистика Л. Лубны-Герцика, численность сельского населения практически не изменилась в Полтавской губернии, уменьшилась в Харьковской (91,5 % от показателей 1916 г.) и выросла в Черниговской (105,6 %). Особенно интенсивным прирост числа дворохозяйств был в Волынской и Киевской губерниях. В Подольской губернии он составил 37,6 %, в Черниговской – 25,8 %. Причинами увеличения были: демобилизация красноармейцев, возвращение городских жителей и дробление хозяйств зажиточными крестьянами. Увеличение числа претендентов на помещичью землю, таким образом, опровергло дореволюционные расчеты о достаточной норме «прирезки» для крестьян. К примеру, «прирезка» в Подольской губернии составила 0,12 дес. на человека, а в Черниговской – не более 0,15 дес.

Существенные изменения произошли в социальной структуре крестьянства. Наиболее весомым итогом аграрных преобразований стало «осереднячивание» деревни: удельный вес крестьянской бедноты снизился до 30 %, «кулачества» – до 4,5 %. Доля середняков составила до 2/3 крестьянских хозяйств в Украине. Однако по своему материальному уровню советские середняки, скорее всего, напоминали дореволюционную бедноту.

Как и до революции 1917 г., в деревне сохранялась избыточная рабочая сила. При этом практически исчезла категория поме-

щичьих батраков, появилась незначительная группа работников совхозов. Существовало мелкое крестьянское хозяйство, не была ликвидирована нищета (часть бедноты так и не смогла обзавестись собственным хозяйством). Недостаточно средств к существованию, по данным обследования ЦК КП(б)У 1922 г., имели 18,7 % крестьянских хозяйств Киевской губернии, имевшие земельные участки от 0,25 до 0,5 дес. на едока. Другие результаты партийного обследования свидетельствовали, что закабаление бедноты более зажиточными крестьянами отсутствовало только в 11 % волостей. Безлошадные крестьяне, получившие землю, но не имевшие возможности ее обрабатывать, сдавали ее в аренду исполу, за обработки, и мечтали о новом «черном переделе», а середняки, побаиваясь его, не спешили обустраивать действительно зажиточные хозяйства. При этом беднота любой ценой пыталась удержать свои земельные наделы и бросала хозяйство только в крайних случаях.

Свой социальный статус крестьяне оценивали иначе, чем органы власти. В 1922 г. в Шамраевской волости Белоцерковского уезда Киевской губернии, по мнению крестьян, «маломощными» считали себя 76,1 % хозяйств, середняцкими – 23,1, зажиточными – 0,8 %. Органы власти определили «маломощными» 45 %, середняками – 20 и зажиточными – 35 % дворов. Значительная часть крестьянства оставалась политически пассивной. Более-менее активное участие в жизни указанной Шамраевской волости принимали 26 % крестьянских хозяйств. Половина из оставшихся не посещала даже выборы в советы и сельские сходы.

Разрушительный характер последствий «аграрной революции» чувствовался во всех сферах жизни крестьянства: не было ликвидировано малоземелье, пустовала половина помещичьей земли, отсутствовали благоприятные условия для развития крестьянского хозяйства. Надежды крестьянства на уравнительное распределение помещичьей земли не оправдались: кроме земли и остатков помещичьего инвентаря большевики ничего им не дали. «Аграрная революция» в Украине сопровождалась обнищанием крестьянства и упадком его хозяйства.

В.А. Саблин¹

Переселение крестьян северных губерний России на Дон в 1919 г. как элемент политики «расказачивания»

Проблема расказачивания имеет солидную историографическую основу. Как правило, начало политики расказачивания историки связывают с секретной директивой Оргбюро ЦК РКП (б) «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах», подписанной председателем ВЦИК Я.М. Свердловым 29 января 1919 г. Исследователи обращают внимание на крайне враждебную по отношению к казакам тональность циркулярного письма. При этом забывается одно из требований директивы, адресованное комиссариату земледелия, – «разработать практические мероприятия по переселению бедноты в широком масштабе на казачьи земли», а также «принять меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно, уравнивать пришлых иногородних с казаками в земельном и во всех других отношениях».

Между тем это требование имело практические последствия. 24 апреля 1919 г. был принят декрет СНК РСФСР «Об организации переселения в производящие губернии и Донскую область». 30 апреля 1919 г. была создана Междуведомственная комиссия, которая возглавила переселение. Был выделен на эти цели сверхсметный кредит в сумме 10 млн руб. Переселение должно было осуществляться в соответствии с разработанным Комиссией «Положением о колонизации Донской области». Были созданы 3 сборных пункта: в Петрограде, Вологде и Москве. Планировалось организовать в г. Козлове центральный распределительный пункт, с которого переселенцы должны быть перемещены на разрозненные пункты, ближе к местам расселения.

Примитивная мобилизация земли, проводимая посредством «черного передела» 1917–1918 гг., усугубила в потребляющей полосе России вопрос аграрного перенаселения. Возродившаяся повсеместно крестьянская община понижала подвижность населения. Отрезая землю у одних и передавая другим, она создавала иллюзию

¹ *Саблин Василий Анатольевич*, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, Россия, г. Вологда, sablin@inbox.ru

решения проблемы народонаселения и медленно, исподволь готовила кризис перенаселения, который подкрадывался к крестьянству, по выражению Б.Д. Бруцкуса, «яко тать в нощи».

Задыхаясь от малоземелья, деревня уже в 1918 г. стихийно вовлекалась в переселенческий водоворот. В свое время В.В. Кабанов писал о 175 тыс. переселенцев и ходоков, проследовавших в этот год за Урал. По сведениям Главного переселенческого управления, 104603 чел. подверглись опросу с целью выяснения мест их прежней оседлости и причин выселения. Доля жителей северных губерний среди них была сравнительно невелика – 0,6 % из Олонецкой и 0,5 % из Вологодской губерний (1151 чел.). Основу составляли переселенцы центральных губерний.

По плану колонизации Донской области 1919 г. число переселенцев должно было составить 30 тыс. чел. из 12 губерний потребляющей зоны. На самом деле желающих выселиться было значительно больше – в одной Олонецкой губернии около 5–6 тыс. чел. В Северо-Двинской губернии – 4,5 тыс. Готовы были покинуть места оседлости крестьяне Архангельской и Вологодской губерний. Как правило, основу переселенцев составляли бедняцкие слои деревни.

Наступление белых армий на юге страны заставило СНК РСФСР прекратить все работы по переселению. Через Москву на Дон проследовало всего 8 маршрутных поездов с 9451 переселяющимся. Первый поезд с переселенцами проследовал через Москву 22 мая 1919 г. Проезжавших на Дон приветствовал сам В.И. Ленин.

Переселенческая политика 1919 г. не учитывала интересов принимающей стороны. Более того, она была идеологически окрашена и носила антиказацкий характер: колонизация края русскими планировалась в первую очередь за счет ущемления местного населения, землю колонисты должны были получить «из свободных избытков в станичных наделах», в угодьях Войска Донского и в бывших поместьях по местным земельным нормам и правилам. Основной формой колонизации должно было стать «приселение» преимущественно в большие станицы. На первых порах местные органы должны были снабжать переселенцев продовольствием.

Решить проблему с избыточным населением в потребляющей полосе России могла внутренняя колонизация региона. На это требовались огромные государственные инвестиции, а главное, развитие транспортной инфраструктуры. Разработанные проекты по аграрному заселению Европейского Севера до сегодняшнего дня остались невостребованными.

Р.А. Хазиев¹

**Национально-региональная специфика
революционизированного освоения
уральской деревни в 1917–1921 гг.**

Заявленная тема – это отклик на происходящий глобальный поворот в историографии. Используя междисциплинарный подход принципиально важно выяснить особенности, содержание и направленность аграрной стратегии, реализуемой советским правительством в неоднородной уральской деревне в 1917–1921 гг. Октябрьская революция 1917 г. удостоилась разных эпитетов, но в понимании основной массы уральских крестьян она не являлась ужасным событием, бедствием, роком. Долго ожидаемый и наконец-то полученный антипомещичий «Декрет о земле», вызвав у селян ощущение торжества восстановленной исторической справедливости, стал для них сакральным символом открывавшегося независимого хозяйственного существования.

Триумфаторское настроение, царившее в уральской деревне, было очевидным, когда земля стала средством и местом сосредоточения общественных и социально-хозяйственных отношений. Другой важной чертой послеоктябрьского периода – волеизъявительного «закрепления» землепользования на уравнилельных началах – стало всепобеждающее стремление обладать пашней. Даже несмотря на то, что земля в Советском государстве сразу же потеряла рыночную характеристику товара и, конечно, не имела стоимости, ее ценность как производственной базы крестьянского двора оставалась незыблемой.

¹ *Хазиев Рустэм Асхатович*, доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа, Khazievra@mail.ru

Не всякое приобретение несло материальную выгоду и предполагаемую отдачу, но наращивание посевной площади или впервые получаемой земли, в принципе, рождало одобряемое уральскими крестьянами соединение пашни (предоставленной государством в пользование) и индивидуализированного капитала в виде собственных рук, дворовой сельхозтехники, личной тягловой силы и прочих подручных орудий труда. Следовательно, провозглашенная революцией система поземельных отношений («Декрет о земле», «Основной закон о социализации земли») позволяет говорить о признании уральской деревней принципа «разделенной собственности», когда беспрекословное право владения землей оставалось у государства, но средства производства и часть полномочий собственника – распоряжение итогами труда – передавались физическому землепользователю – крестьянину.

Казалось бы, складывающийся с осени 1917 г. взаимоприемлемый тандем между революционной властью и региональным крестьянством, в основной массе довольствующимся позицией, занятой СНК в аграрном вопросе, дал к лету 1918 г. серьезную социально-политическую трещину. Тиражируемое большевиками объяснение о произошедшем за семь-восемь месяцев «преодолении крестьянами иллюзорности мелкобуржуазной уравниловки» в угоду комбедовской деревне не выдерживает критики.

Поэтому принципиально важно проанализировать в разрезе многонациональной уральской деревни формы, методы и темпы утверждения сложнейшего институционального явления: «революционно-новой» социокультурной практики командно-административного управления деревней. Складывающееся с лета 1918 г. комбедовско-коммунальное обустройство уральской деревни породило в свою очередь такое сложное явление как десакрализация на селе базового социально-хозяйственного ориентира – прорыночного развития деревни на базе уравнительного землепользования.

Однако вместо ожидаемого «народного творчества масс» поднялась бушующая волна недовольных поправлением их прав крестьян, антиреволюционные выступления которых стали ней-

трализоваться наращиванием красноармейско-милицейского управления «сверху» освобожденной от «угнетателей», но «не доросшей» до социализма деревни. Низведение революцией сельских пахарей до уровня хозяйственно-технической единицы вспомоществования социализму, не находя в деревне повсеместного отклика, были одной из главных забот местных управленцев. Под популистскими лозунгами: единения партии и народа-труженика – они искали пути совмещения привычного для крестьян образа жизни с реальностью классово-власти.

Через два года после революции в уральской деревне не произошло ожидаемого замещения разрушаемых культурных правил и обычаев вмняемой землепашцам социалистической организацией «сельхозпроизводства». Ментальности селян претила уязвляющая их сознание навязываемая модель хозяйственных отношений: государство-работодатель и бесправный крестьянин-труженик, отграниченный от итогов своего труда.

Таким образом, никакая психотерапевтическая идеология, а вернее сказать, игра слов, означавшая во всех возможных комбинациях необходимость признания селянами «социалистического земледелия», не могла нейтрализовать приобретенный уральскими крестьянами болевой социальный синдром, порожденный государствлением и раскалыванием землепашцев на друзей, попутчиков и врагов революции. Селяне всеми возможными способами размывали систему централизованного управления деревенским подворьем, лишавшую их формально заполученной в 1917 г. свободы хозяйственного производства.

В.Я. Филимонов¹

Социально-демографические связи города и деревни в 1920-е гг.

Степень интенсивности социально-демографических связей между городом и деревней определяется территориальной и соци-

¹ *Филимонов Виктор Яковлевич*, доктор исторических наук, Калужский государственный университет, Россия, г. Калуга, vjfilim@yandex.ru

альной подвижностью населения. Однако следует иметь в виду, что сама по себе подвижность населения не исчерпывается социально-демографическими связями города и деревни. Она включает в себя более широкий спектр форм движения населения (например, естественное, которое, в свою очередь, может быть рассмотрено под углом зрения города и деревни). Иначе говоря, как все общество нельзя представить только как совокупность городских и сельских жителей, так и подвижность населения не равна интенсивности связей между городом и деревней, хотя последняя и составляет одну из важнейших характеристик социального и территориального движения.

Наиболее отчетливо проявляемая форма социально-территориальных связей между городом и деревней – миграционное движение населения, выражающее собой процесс перераспределения людских ресурсов между двумя поселенческими подразделениями общества. Миграции населения, внешне проявляемые как территориальное движение, определяются глубинными основами развития общества, хотя эта связь опосредована и трудно выявляема.

На миграции населения в начале 1920-х гг. оказал влияние ряд факторов, которые могут быть подразделены, по крайней мере, на двух уровнях.

Во-первых, движение населения было связано с наследием прошлого – аграрным перенаселением, которое «выталкивало» крестьян из деревни в города. В четырех районах РСФСР количество лишних рабочих рук в деревне определялось авторами 1920-х гг. цифрами от 6,3 млн (Н.В. Турчанинов) до 14–18 млн (Л.И. Лубны-Герцык). Следует также иметь в виду, что в годы войны имело место «противоестественное» переселение в деревню, вызванное кризисом городов.

Во-вторых, переход Советского государства к нэпу и начало мирного строительства вызвали к жизни новые обстоятельства, повлиявшие на демографические процессы: оживление товарных связей и связанная с ним дифференциация в уровне доходов городского и сельского населения, восстановление городской промышленности, обострение социального расслоения крестьянства и др.

Действие этих факторов проявлялось в различных регионах неодинаково, что обуславливает необходимость регионального изучения движения населения.

В этой связи встает вопрос о границах региона, в пределах которых могут быть выявлены особенности процесса. Избираемый с этой целью район должен, по нашему мнению, отвечать, по крайней мере, двум требованиям: во-первых, быть достаточно обширным по территории (с учетом наличия в нем различных категорий городов: крупнейших, средних, мелких и т.п.); во-вторых, представлять собой относительно целостное территориально-экономическое образование. Этим требованиям соответствует Центральный промышленный и Северо-Западный районы, тяготеющие к крупным городам – Москве и Ленинграду. При изучении демографических процессов границы региона мы условно определяем территорией губерний, на долю которых приходилось больше половины миграции в Москву и Ленинград. По данным переписи 1926 г. из всех сельских мигрантов, проживающих в Москве и Ленинграде, 3/4 приходилось на выходцев из 12 губерний: Московской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Тверской, Владимирской, Ленинградской, Иваново-Вознесенской, Псковской, Ярославской, Новгородской.

Другим вопросом, требующим предварительного рассмотрения при изучении движения городского и сельского населения является проблема критериев «города» и «негорода». Юридический статус городского поселения менялся от переписи к переписи, что не могло не влиять на результаты, отражающие соотношение городского и сельского населения. Лишь ко времени проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. были разработаны критерии городского поселения, наиболее соответствующие социально-экономической обстановке, отражавшие относительно сложившуюся систему городского и сельского расселения. При проведении переписи из числа «городских» объектов были исключены слободы, которые «сохранили только название, а жили за счет возделывания земли», а также «местечки» и посады с населением ме-

нее 500 человек. Всего из списка городов по сравнению с 1923 г. было исключено 468 населенных мест.

Ценз 1926 г. дал наиболее близкие к действительности цифры, отражающие соотношение городского и сельского населения. Проведенный на его основе подсчет итогов переписей 1920 и 1923 гг. позволяет выявить два этапа движения городского и сельского населения в 1920–1926 гг., границей между которым является 1923 г. На первом этапе – население городов возрастало одновременно с ростом сельского; на втором – устойчивая тенденция роста городского населения проявляется на фоне сокращения численности жителей села.

Таким образом, тенденции к сокращению числа жителей деревни в рассматриваемом регионе проявилась гораздо раньше, чем в масштабах всей страны.

*В.В. Бабашкин
И.В. Гончарова¹*

**Эволюция взаимодействия крестьянского двора
и коллективных хозяйств в 1920 – начале 1930-х гг.**

Первые эксперименты власти в области коллективизации были проведены сразу после революции. Первоначально под колхозы большевики старались зарезервировать помещичьи усадьбы. Колхозы оказались привлекательны для разных категорий населения. Бывшие землевладельцы адаптировались к советским формам земельной собственности. Под вывеской колхоза, в рамках колхозного устава они стремились сохранить «дворянские гнезда».

Молодые люди, охваченные революционным энтузиазмом, видели в колхозах возможность реализовать утопические проекции будущего. В Центрально-Черноземной области наибольший процент среди организаторов первых колхозов составляли

¹ *Бабашкин Владимир Валентинович*, доктор исторических наук, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва, vbabashkin@ranepa.ru; *Гончарова Ирина Валентиновна*, кандидат исторических наук, Орловский государственный университет, Россия, г. Орел, 89066610166@yandex.ru

предприимчивые крестьяне, стремившиеся таким образом решить проблему земельного голода в регионе. Земельный голод в губерниях Центрального Черноземья был мощнейшим стимулом создания коллективных хозяйств, в распоряжение которых передавались бывшие помещичьи усадьбы с постройками, живым и мертвым инвентарем, предоставлялись льготы по семенной ссуде, кредиты. В поисках новых земельных угодий крестьяне организовывали колхозы, продолжая в обход закона пользоваться своей наделенной землей.

Основной структурной единицей колхозов периода нэпа был крестьянский двор. Колхозы создавались в силу сочетания противоречивых причин и факторов, коими определялись и социальный состав их участников, и жизнеспособность колхозных объединений. Первые колхозы имели мало общего с будущими институтами сельскохозяйственного производства.

Колхозы вновь оказались под пристальным вниманием власти уже с 1927 г. Местные партийные и кооперативные органы должны были проделать огромную работу, чтобы отсталые, часто карликовые организации из 5–6 дворов, стали прологом коллективизации и демонстрировали ее выгоды крестьянству.

В период «борьбы за хлеб» в конце 1928 – 1929 г. колхозы стремились самостоятельно участвовать в рыночных отношениях, продавать свою продукцию частнику. Вопреки планам властей, их влияние на окружающую деревню было минимальным и чаще негативным. В их адрес со стороны крестьян обрушивалась критика за неумелое хозяйствование, пьянство, склоки. Обследование Орловского губРКИ констатировало падение товарности колхозов с 1926 по 1927 г. Колхозники жаловались на наличие в составе объединений «большого родства», создающего напряженную социально-психологическую атмосферу. Помимо кумовства, колхозы изнутри подтачивали «разлагающие и тунеядствующие элементы», не желающие работать, но требующие равной доли.

После проведения коллективизации взаимодействие крестьянского двора с колхозами существенно изменилось. В начале 1930-х гг. в организации производственного процесса двор играл

большую роль как важнейший институт деревни. На двор давался приусадебный участок, на нем была возможность держать корову, и именно с двора собирались местные налоги. Очевидно участие двора и в производственном процессе в 1930–1932 гг. Широкое распространение получили бригады-дворки, которые можно рассматривать как переходные организационные формы.

Вместе с тем, уже на начальном этапе организация производства в колхозах вступила в противоречие с трудовыми традициями крестьянской семьи. Поскольку в индивидуальном хозяйстве было целесообразное распределение труда, вошедшие в колхоз семьи пытались его воспроизводить. Однако государство теперь относилось к колхозникам как к сельхозработчим, без учета возраста и пола.

Адаптируясь к новым колхозным условиям, бывшие крестьяне выбирали своеобразный комбинированный способ жизнеустройства вне коллективных хозяйств: глава или некоторые члены семьи уходили на работу в город или совхоз, а оставшиеся в деревне занимались индивидуальным хозяйством.

Созданные в начале 1930-х гг. колхозы были мало похожи на коллективные объединения периода нэпа. Колхозы, насаждаемые в начале 1930-х гг., уже изначально отличались от тех институтов, о которых мечтали и писали большевики. Жители деревни привыкли жить, сообразуясь с неформальными нормами, освященными обычным правом. И это вносило существенные коррективы в первоначальные планы коллективизации, обозначился институциональный конфликт.

Коллективизация в огромной мере противоречила менталитету и социальным ожиданиям крестьян, разрушала сложившиеся механизмы социального взаимодействия. Поэтому ей противостояла мощная культурная инерция, спровоцировавшая институциональный конфликт между традиционными институтами крестьянского двора, общины и внедряемыми колхозами с их бюрократической надстройкой. Вводимые большевиками нормы поведения часто были несовместимы с действующими практиками. Однако часть крестьян сумели использовать новые институциональные возможности, что увеличивало социальную мобильность в деревне.

А.А. Иванов¹

**Крестьянский двор доколхозной деревни
Марийской автономной области
в «зеркале» социально-демографических процессов²**

Характерной чертой индивидуального крестьянского хозяйства, как производственной ячейки выступает прямая непосредственная связь с жизнедеятельностью семьи. Именно семейное хозяйство является самой значимой особенностью крестьянства. В условиях советской доколхозной деревни, где среднее крестьянство стало численно преобладающим, непосредственная связь крестьянского хозяйства с семьей проявилась особенно отчетливо. Это обстоятельство, было вызвано уравнительным распределением крестьянских земель в ходе аграрной революции, исчезновением частного землевладения и резким сокращением земельной аренды.

Период революции и гражданской войны был временем едва ли не самого интенсивного увеличения численности крестьянских хозяйств за всю историю российской деревни. Важными причинами этого явления стали массовое возвращение населения из города в деревню и перераспределение его между менее и более развитыми в сельскохозяйственном отношении частями губерний. Масштабы этого явления применительно к Марийской автономной области (МАО) можно проследить по результатам анкетного обследования землепользования, проведенного ЦСУ РСФСР в 1922 г.

Первой категорией населения, появившейся в деревне в 1918–1921 гг., были временно отсутствующие ее члены, многие из которых, проживая в городе, постоянно сохраняли связь с сельской местностью («обратники»). По данным обследования, в Средневожском районе в ходе аграрной революции они в 99 % случаев получали землю (по стране в среднем – 87 %). При этом в среднем на каждый сельский населенный пункт приходилось 8,6 семейств бывших

¹ *Иванов Алексей Ананьевич*, доктор исторических наук, Марийский государственный университет, Россия, г. Йошкар-Ола, anani@marsu.ru

² Работа подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Республики Марий Эл (проект № 16-11-12001).

членов общины. 60 % хозяйств рассматриваемой категории смогли обзавестись собственным хозяйством.

Второй категорией населения, оказавшейся в деревне в 1917–1922 гг., были новые члены, не проживавшие в ней ранее: горожане и беженцы. Тяготы военного коммунизма заставляли многих из них пережить трудное время в деревне. В одном только Царевококшайском уезде Казанской губернии в октябре 1918 г. проживало 3597 беженцев и 1341 военнопленных. Однако им обрести свое место в крестьянской общине было гораздо труднее. Община встречала их настороженно. По данным обследования в этом районе крестьянская община принимала в свои члены с отводом земли 62 % лиц данной категории. В среднем на каждое из селений давших показания приходилось по 8,8 семей новопринятых.

С начала 1920-х гг. переселение горожан и «обратников» в деревню сменяется, как общая тенденция, на противоположный процесс. Определяющим направлением миграции стал отток сельского населения в города. Теперь основными причинами роста числа крестьянских хозяйств стало их дробление в результате семейно-имущественных разделов. Дробление хозяйств было важным фактором демографических процессов, происходивших в доколхозной деревне. Оно оказывало непосредственное влияние на сельхозпроизводство. Это явление для деревни было не новым. Однако в изменившихся условиях увеличение площади крестьянского землепользования и демократизация всей жизни деревни усилили распад патриархальных семей, раздел крестьянских хозяйств.

Общие тенденции динамики численности крестьянских хозяйств МАО по революционному периоду показывают данные сельскохозяйственных переписей 1916 и 1920 гг. по ряду волостей Вятской губернии. Так, в 13 волостях Уржумского уезда количество крестьянских хозяйств увеличилось за это время с 32899 до 34624, в четырех волостях Яранского уезда – с 10783 до 11741. Прирост за 4 года составил 5,2 и 8,8 % соответственно. Еще более значительным был рост числа крестьянских хозяйств в Царевококшайском уезде Казанской губернии. За период между указанными сельскохозяйственными переписями их общее количество возросло на 23,9 %.

По нашим подсчетам, в период с конца лета 1920 по весну 1923 г. численность крестьянских хозяйств в сопоставимых границах увеличилась на 1,8 %, с весны 1923 по весну 1924 г. на 1,4 %, к весне 1925 г. на 2,9 %, к весне 1926 г. на 2 %, к весне 1927 г. на 0,7 %, к весне 1928 г. на 1,2 %, к весне 1929 г. на 3 %. В целом 1920 по 1929 г. крестьянских дворов в МАО стало больше на 17 %. Среднегодовой прирост составил около 1,85 %.

О.В. Бершадская¹

Сельская колонизация как метод аграрного освоения Черноморского округа в 1920-е гг.

Сельская колонизация являлась одним из методов развития деревни в годы нэпа. Ее задачи заключались в ликвидации аграрного перенаселения и развитии экономики малозаселенных территорий. В 1925 г. Наркомат земледелия РСФСР, учитывая «все возрастающую тягу крестьян малоземельных губерний на переселение», принял меры к выделению колонизационного земельного фонда в ряде регионов страны – Дальнем Востоке, Сибири, Урале, Поволжье и Северном Кавказе.

В Черноморском округе, входящем в Северо-Кавказский край, оставалось много неосвоенных земель, расположенных в предгорных и горных районах. В 1921 г. здесь была зафиксирована самая низкая плотность сельского населения в стране – 8,7 чел. на кв. версту. В отличие от переселенческой политики дореволюционного периода, в годы нэпа целью сельской колонизации Черноморья являлось не только заселение пустующих земель, но и создание «сырьевой базы», обеспечивающей курортную сеть овощами, фруктами и мясомолочными продуктами, и «экспертной базы» по выращиванию высокоценных специальных культур. Особое внимание обращалось на подбор переселенцев, т.к. в условиях округа нужны были не «хлеборобы», а земледельцы, способные адапти-

¹ *Бершадская Ольга Владиславовна*, кандидат исторических наук, Краснодарский филиал Финансового университета при правительстве Российской Федерации, Россия, г. Краснодар, berscholl@mail

роваться к специфической географической среде. Было решено переселять в округ садоводов-огородников из перенаселенных областей Российской Федерации, а также крестьян из Грузии, где природные условия сходны с условиями Черноморского округа.

Для составления плана колонизации необходимо было провести детальное обследование географических условий и социально-экономических возможностей округа. Но обследование, проведенное Поволжской колонизационной мелиоративной экспедицией, было выполнено недостаточно полно и тщательно. В работе не участвовали местные специалисты. Не учитывалось мнение окружающих властей о том, что первоочередными задачами являются землеустройство старожилов и строительство дорог.

В соответствии с операционным планом по переселению, составленным краевым земельным управлением в 1927 г., в Черноморском округе были определены колонизационные фонды, которые располагались в средне-горной и горной полосах Сочинского и Туапсинского районов.

В 1928 г. Черноморское побережье было включено в пятилетний перспективный переселенческий план как территория общесоюзного значения. В соответствии с заданием Наркомзема РСФСР в течение пятилетки, с 1928 по 1933 г., сюда планировалось переселить 20 тыс. чел. Выделенных средств оказалось недостаточно, так как работа по отводу участков для переселенцев должна была сопровождаться дорожным строительством, которое в условиях горной местности требовало значительных затрат.

Большинство колонизационных фондов было сосредоточено в Сочинском районе. На новом месте переселенцы столкнулись с большими трудностями. Вопреки требованиям, подавляющее большинство из них не имело навыков ведения хозяйства в горной местности. Занимаясь первый год после водворения раскорчевкой выделенного участка и строительством жилых и хозяйственных помещений, крестьяне не могли обеспечить себя продукцией сельского хозяйства. Из-за отсутствия нормального питания переселенцы страдали от голода, и многие семьи возвращались обратно.

Одной из причин крайне низкого уровня жизни новых поселенцев являлось их плохое материальное положение. При подборе переселенцев проводилась жесткая классовая политика, и предпочтение отдавалось беднякам.

Первоначально на колонизационных фондах выделялись участки для ведения индивидуального хозяйства. С конца 1928 г. сельская колонизация в Черноморском округе приняла иное направление – создание коллективных хозяйств. В течение 1928/29 г. в Сочинский район прибыло 10 колхозов, состоящих из 788 чел. Крестьян-единоличников обосновалось всего 247 семей (512 чел.) из РСФСР. Из Грузинской ССР – лишь 45 чел. К 1 октября 1929 г. колхозники освоили 4 га посевной и 4,25 га – огородной площадей, заложили 4,75 га садовых насаждений. Для сравнения приведем данные по 12 единоличным хозяйствам: 3 га посевов, 12 га огородов, 2,5 га садовых насаждений.

В целом, сельская колонизация, осуществляемая в округе в годы нэпа, не достигла основной цели – подъема производительных сил черноморской деревни. Причинами этого были: во-первых, низкая готовность колонизационных фондов для проживания и хозяйственного освоения; во-вторых, недостаток денежных средств на обустройство переселенческих участков и снабжение переселенцев; в-третьих, отсутствие у переселенцев навыков хозяйствования в условиях Сочинского района. Существенное значение имел и тот факт, что переселенческая политика проводилась без должного изучения природных и экономических особенностей Черноморья.

И.И. Ханипова¹

Детская смертность в Татарской АССР в 1920–1930-е гг.

По переписи 1920 г. в деревнях и селах Татарской АССР проживало 2678,8 тыс. чел., по переписи 1939 г. – 2273,9 тыс. чел. В

¹ Ханипова Ильнара Ильдусовна, кандидат исторических наук, Институт истории Академии Наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, ihanipova@mail.ru

период голода начала 1920-х гг. данные статистики были разрозненны и не давали цельной картины детской смертности по республике. Отчеты лишь фиксировали, что «заболеваемость и смертность на почве голода растут», сами показатели смертности отсутствовали, либо сильно различались даже по одному кантону.

На совещании делегатов Помгола ТАССР (10 июня 1922 г.) были установлены разночтения в статсведениях о численности населения республики. Характеризуя состояние статистики «детского населения», очевидец подчеркивал, что органы Наркомпроса республики, получавшие почти ежедневно по несколько телеграмм из кантонов о катастрофическом положении дела, не имели точных данных. Голод сопровождали массовая заболеваемость и эпидемии.

Еще в 1920-е гг. исследователи отмечали, что «высота детской смертности обуславливается, главным образом, способом кормления ребенка», в том числе продолжительностью кормления грудью. В условиях голода, когда кормящие матери не имели молока, резко возросла младенческая смертность.

Максимальный пик смертности младенцев из-за диареи приходился на период страды, в самое жаркое время. Среди русских детей смертность была вдвое больше, чем среди татар. Врач того периода писал: «Последнее обстоятельство может показаться странным . <...> Но процент смертности детей среди татарского населения все же значительно меньший, потому что татарские дети правильнее вскармливаются, чем русские. <...> Как ни трудно теперь матерям при плохом питании кормить детей грудью, надо стараться ничем не прикармливать их раньше положенного срока (около шестого месяца) и не отнимать окончательно от груди до осени».

После официального объявления об окончании голода с целью борьбы с детской смертностью руководство ТАССР активно занялось мероприятиями по охране материнства и младенчества. Положение учреждений охраны матмлада в кантонах из-за отсутствия средств было неудовлетворительным. Высокой была детская смертность в закрытых детских учреждениях. В доме младенца в г. Лаишеве (по данным 1926 г.) с момента его образования в 1920 г. умира-

ли почти все младенцы грудного возраста, никаких записей о состоянии здоровья детей не велось.

В 1927 г. смертность детей составляла 20,84 %. Уступая по показателям центральным районам РСФСР, по сравнению с соседними поволжскими регионами ТАССР имела более благополучное положение. Высоким оставался уровень инфекционных (острые детские желудочно-кишечные инфекции, оспа и грипп) и хронических (малярия и трахома) заболеваний. Главная причина смертности детей на селе – кишечные заболевания, в городе – туберкулез.

Смертность детей на почве голода наблюдалась в республике и в начале 1930-х гг., оставаясь достаточно высокой, на протяжении всего десятилетия. Однако, голодной статистики не велось. Сохранились лишь косвенные свидетельства о заболеваемости и смертности сельчан на почве голода. Отмечаются сезонные колебания детской смертности, пик которой приходился на август, главным образом от желудочно-кишечных заболеваний. Зимний пик младенческой смертности связан с подъемом простудных заболеваний.

В конце 1930-х гг. население ТАССР пережило еще один голод, о чем свидетельствует резко выраженная детская смертность летом 1939 г. и заметный ее подъем в 1940 г.

Основные факторы детской смертности – расстройства питания и заболевания желудочно-кишечного тракта у грудных детей (токсическая диспепсия, дизентерия, острый гастро-энтероколит), воспаление легких, заболевания, связанные с патологией беременности, родов и развития новорожденных (т.н. врожденная слабость, преждевременное рождение, врожденные пороки развития, болезни новорожденных).

Высокая младенческая и детская смертность в рассматриваемый период была вызвана не только пережитым голодом 1921–1923 гг. и 1932–1933 гг., но и радикальными переменами в социально-экономической и общественно-политической жизни страны (коллективизацией, репрессиями). Сама смертность детей была ярким маркером острого социального неблагополучия в стране. Охрана материнства и детства в 1920–1930-е гг. пережи-

вала свое становление. Статистика детской заболеваемости и смертности в ТАССР в 1920–1930-е гг. была эпизодической либо не сохранилась до нашего времени. Лишь во второй половине 1930-х гг. органы здравоохранения и статистики начали регулярно вести статистический учет заболеваемости и смертности детей.

А.В. Голубев¹

Настроения красноармейцев-переселенцев на Северный Кавказ в 1933 г.

В 1933 г. в регионах, охваченных голодом – в том числе и в Северокавказском крае (СКК), – из-за громадных потерь населения под вопросом оказалось не только развитие, но и сохранение уровня сельскохозяйственного производства. Убыль сельского населения по сравнению с 1930 г. составила 35–40 %, а в некоторых станицах – 70–75 %.

Осенью 1933 г. было принято решение об организованном переселении на Северный Кавказ красноармейцев. Целью переселения было не только организационно-хозяйственное укрепление МТС и колхозов, но и улучшение политической ситуации в регионе. Официальная пропаганда объясняла проблемы 1932 г. в первую очередь «контрреволюционным саботажем» кулачества. Не случайно, что в отличие, например, от Украины, в Северокавказский край переселялись именно военнослужащие – слой населения, подвергавшийся наиболее массивной пропагандистской обработке. Переселение началось в октябре 1933 г., до середины декабря в СКК прибыло примерно 40 тыс. чел. (около 14 тыс. хозяйств).

Изучение взглядов переселенцев-красноармейцев позволяет сравнить ожидания и реальность, выявить факторы, влиявшие на формирование и динамику настроений.

Готовность (или неготовность) военнослужащих к переселению не в последнюю очередь определялись условиями вербовки. Основной политической целью провозглашалась борьба

¹ Голубев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, Россия, г. Москва, a.v.golubev@mail.ru

с контрреволюционным саботажем, кулачеством; хозяйственной – повышение уровня сельскохозяйственного производства. Кроме того, переселенцам обещали привлекательные условия: руководящие должности в МТС с высокими зарплатами, учебу на курсах, обеспечение сельхозинвентарем, рабочим и продуктивным скотом, домами и проч. При этом командование гарантировало им возможность возвращения. С другой стороны, стремление выполнить планы вербовки любой ценой приводило к принудительности, когда за отказ переселяться коммунистов исключали из партии, были случаи, когда у переселенцев брали подписку о невыезде с Кубани.

Времени на организацию переселения отводилось мало. Спешка при вербовке привела к тому, что многие переселенцы не успели забрать с собой семьи (более 40 %). В результате с самого начала они не были уверены, что останутся постоянно на новом месте, а считали, что едут «на разведку». Для создания соответствующей атмосферы в эшелонах с переселенцами бесплатно раздавались газеты, книги о достижениях колхозного строя, проводились политбеседы. Настроение у многих переселенцев было приподнятое: они ехали «строить новую жизнь», бороться с контрреволюционным саботажем кулачества и показывать пример социалистического отношения к труду местному населению. Для того чтобы сохранить эти настроения, по пути следования эшелонов к ним не допускали никого, кроме железнодорожников, обслуживающих составы. И все же до красноармейцев доходили слухи о голоде, эпидемиях, возможном враждебном отношении к переселенцам местного населения и т.д. И если, согласно официальным документам, большинство переселенцев давало этим «контрреволюционным слухам» отпор – голод был связан, по их мнению, с плохой работой – все же у некоторых из них возникали опасения и стремление сначала увидеть все своими глазами и только потом принимать окончательное решение, тем более что уже по пути следования возникали первые бытовые трудности. Эшелоны выбивались из графика движения, не всегда переселенцы обеспечивались горячим питанием и, в довершение всего, нередко, уже прибыв на станцию назначения, красноармейцы

вынуждены были часами дожидаться подвоз, которые должны были развести их по колхозам и МТС. Все это, естественно, породило недовольство и сомнения.

В местах вселения их ждали новые разочарования: отсутствие или нехватка отремонтированных домов, скудное питание, отсутствие работы по специальности и т.д. Особенно тяжело в этих условиях приходилось красноармейцам, раньше не работавшим в сельском хозяйстве. Далеко не все из них смогли устроиться на работу в МТС, их направляли в колхозы, что опять же приводило к протестам, массовым отказам от работы, переселенцы напоминали, что им были обещаны совсем другие условия. Удручающее впечатление производило состояние колхозов, условия жизни и работы, и в особенности незахороненные трупы умерших в некоторых станицах. Не улучшало настроение переселенцев и далеко не всегда благожелательное отношение к ним местного населения, приезд красноармейцев нередко был неожиданным и нежелательным.

Обманутые ожидания приводили к недоумению, попыткам «разобраться» с местными органами власти, падению дисциплины, отчаянию и бегству. Причины обратного выезда назывались разные – поездка за семьей, за имуществом, неудовлетворенность условиями жизни, малярия и т.д. Уже к середине декабря из мест вселения сбежало более тысячи переселенцев, 500 человек были задержаны при попытке уехать. Через год, в декабре 1934 г., на Северном Кавказе осталось около 60 % хозяйств переселенцев, по отдельным районам «обратничество» доходило до 70 %.

М.М. Кудюкина¹

Материально-бытовое обеспечение переселенцев на Северный Кавказ в 1933–1934 гг.

Организованное переселение – важная составляющая политики советской власти по обеспечению трудовыми ресурсами различных регионов страны. В 1933 г. из-за значительной убыли се-

¹ Кудюкина Мария Михайловна, Российский государственный архив экономики, Россия, г. Москва, kudyukina@mail.ru

льского населения в ряде областей Украины и Северного Кавказа перед правительством стояла задача восполнить эти потери путем вселения жителей других областей страны.

Осенью 1933 г. началась вербовка красноармейцев для работы в МТС и колхозах Северокавказского края. Были разработаны правила, позволявшие облегчить хозяйственное устройство переселенцев на новых местах проживания. Им должны были полностью выплатить все трудодни натурой и деньгами из расчета ориентировочного годового дохода колхоза; разрешалось взять с собой необобществленный скот и необходимое имущество личного пользования; они могли сдать зерно в Заготзерно, чтобы получить такое же количество зерна на месте вселения; за оставленное в колхозе личное имущество полагалась компенсация. Предоставлялся отпуск для поездки к месту жительства за семьей. Предусматривались подъемные для каждого хозяйства и выделение беспроцентного кредита на 10 лет на приобретение скота, птицы, мелкого сельхозинвентаря.

В местах вселения красноармейцы должны были обеспечиваться жильем и продовольствием до нового урожая – им выделялись по нормам хлеб, крупы, растительное масло, сахар, чай, картофель, овощи, рыба, молоко, предметами ширпотреба и проч.

В реальности переселенцы сталкивались со значительными трудностями. Инструкции не выполнялись, колхозы, из которых выезжали переселенцы, задерживали выплаты, нередко выделяли плохой сельхозинвентарь, отказывались предоставлять лошадей и т.д. Во время перевозки ломалось имущество, погибал скот. Большинство переселенцев не привезли с собой мебель и предметы домашнего обихода. Особенно тяжелым было положение у первых прибывших на Северный Кавказ. Так, в конце октября 1933 г. скот был менее чем у 2 % красноармейцев, картофелем была обеспечена лишь незначительная часть хозяйств, а хлеба у них практически не было.

Подготовка к приему вселяемых красноармейцев была недостаточной. Из-за отсутствия строительных материалов не успевали отремонтировать и построить дома и хозяйственные постройки, в результате прибывших размещали в домах, не подготовленных к зиме,

в сараях и амбарах; хлебофуражные и овощные фонды в колхозах или полностью отсутствовали, или не могли удовлетворить потребности переселенцев даже на первое время (дело было не только в нерасторопности местных властей, но, главное, в недостатке у колхозов запасов); кооперация не обеспечивала необходимыми товарами; кредиты выделялись с опозданием и нередко расходовались не по назначению. Все это приводило к тому, что часть переселенцев сразу же возвращалась обратно.

Проверка хозяйственного устройства переселенческих хозяйств осенью следующего, 1934 г., выявила их крайне тяжелое положение. Многие проблемы так и не были решены, несмотря на то, что переселенцы централизованно снабжались продовольствием до июля 1934 г., им были выделены более 10 тыс. коров и телок, около 12 тыс. поросят, семенные материалы и проч. Отпущенные для красноармейцев продовольствие и товары выдавались не полностью. Часть переселенцев не смогли выработать необходимого числа трудодней из-за болезни – эпидемия малярии пошла на убыль только осенью 1934 г. В результате, по данным краевого переселенческого комитета, бывшим красноармейцам до нового урожая не хватало 602 т хлеба и 4 т картофеля.

Переселенцы не были обеспечены одеждой и обувью, постельными принадлежностями, которые отсутствовали в магазинах; общежития, где жили красноармейцы-одиночки, находились в антисанитарном состоянии. Острой оставалась проблема с жильем. Большинство домов требовало ремонта (в том числе и из-за того, что окна регулярно били местные жители), из-за отсутствия надворных построек скот держали прямо в хатах. В декабре 1934 г., по данным проверки МТС края, не было отремонтировано 18 % домов, построено только 64 % от необходимого количества надворных построек и 63 % колодцев.

Жизнь переселенцев осложнялась не только равнодушием местных властей, но и недоброжелательным, а зачастую и открыто враждебным отношением к ним местного населения. Неустроенность быта, эпидемия малярии и отношение местного населения стали главными причинами «обратничества».

А.Ш. Кабирова¹

Влияние демографических процессов на состояние трудовых ресурсов в аграрном производстве Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны значение Татарской АССР, как и других тыловых регионов страны, в продовольственном снабжении армии и населения существенно возросло. Вместе с тем, как показывают архивные документы, расширение аграрного производства в республике было сопряжено с исключительными трудностями. Прекратились поставки тракторов и сельскохозяйственных машин, резко уменьшились объемы выпускаемых запасных частей, горючего, минеральных удобрений. Но главное – чрезвычайно остро встал кадровый вопрос, осложнившийся в силу разных причин еще в довоенный период.

Для того, чтобы в полной мере оценить ситуацию, следует привести основные демографические характеристики республики накануне войны. Согласно переписи 1939 г., в Татарстане проживало 2 млн 914,2 тыс. жителей, из них 614,3 тыс. или 21,1 % составляло городское, а 2299,9 тыс. или 78,9 % – сельское население. Однако за предвоенные годы в демографической структуре общества произошли значительные изменения. Этому способствовали: во-первых, развернувшаяся в стране модернизация, обусловленная становлением военно-промышленного комплекса, и связанные с этим бурная переселенческая политика и практика оргнабора рабочей силы; во-вторых, неорганизованная миграция населения, особенно из сельских районов республики, спровоцированная низкой урожайностью в отдельных местностях ТАССР накануне войны, и приведшая к ухудшению условий проживания людей, в-третьих, на динамику численности населения большое влияние оказали массовые репрессии конца 1930-х гг. Все это приводило к прибытию в республику граждан из других местностей и оттоку собственного населения. Например, только за 1940 г. в города Татарстана прибыло

¹ Кабирова Айслу Шарипзяновна, доктор исторических наук, Институт истории Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань, aikabirova@mail.ru

99,3 тыс. и выбыло 93,8 тыс. чел. В сельские районы на постоянное место жительства из других регионов прибыло 83,8 тыс., но выбыло оттуда 163,4 тыс. чел. Таким образом накануне войны наметилась четкая тенденция к сокращению численности сельских жителей.

С началом Великой Отечественной войны положение усугубилось. В связи с мобилизацией число сельского трудоспособного населения в ТАССР за военный период уменьшилось почти в два раза, при этом доля нетрудоспособных – возросла. Если в 1940 г. в колхозах Татарстана насчитывалось 1712 тыс. чел. наличного населения, из них трудоспособные в колхозах составляли 717,2 тыс. чел. (41,9 % ко всему наличному населению), то к 1944 г. общее количество населения уменьшилось до 1415 тыс. чел., при этом доля трудоспособных сократилась гораздо значительнее, достигнув 461,6 тыс. чел. (32,6 %). К тому же мобилизации подлежали в первую очередь мужчины – наиболее трудоспособная часть производительных сил, их в колхозах оставалось менее 1/3 от довоенной численности.

Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что даже имевшееся в наличии сельское население не могло в полной мере быть использовано в аграрном секторе, т.к. именно жители деревни служили основным источником восполнения рабочей силы для республиканских предприятий и подлежали мобилизациям в промышленность, систему Государственных трудовых резервов; они же выполняли многочисленные трудовые повинности, участвовали в заготовке дров, торфоразработках, строительстве оборонительных рубежей.

В определенной степени аграрное хозяйство ТАССР выручали эвакуированные, размещенные в сельской местности (из прибывших к началу января 1942 г. в республику 273,5 тыс. чел. более половины были направлены в районы), но ситуация осложнялась тем, что многие из них не были знакомы со спецификой труда сельчан.

В итоге руководящие органы вынужденно прибегали к уже апробированным методам, вовлекая в сельское хозяйство ранее незанятое в колхозном производстве население. Главной ведущей силой в аграрном секторе в годы войны стали женщины. Их доля в колхозном производстве ТАССР выросла с 54 % в 1940 г. до 80 % в 1944 г. Женщины выработывали до 70–75 % от общего числа тру-

додней. Не отставали от взрослых и школьники. Удельный вес трудодней, которые выполняли дети и подростки, составлял 9–11 %. Также широко применялся труд пожилых колхозников, на долю которых приходилось от 7 до 9 % всех трудодней.

Однако часто этих источников было недостаточно, особенно в период проведения масштабных сельскохозяйственных кампаний. В таких случаях на помощь колхозникам привлекалось трудоспособное население городов, городских поселков и сельских поселений. Эти процессы регламентировались Указами и постановлениями партийных и правительственных органов.

В.Б. Лапердин¹

**Социально-демографические последствия голода
1946–1947 гг. в сельской местности Западной Сибири**

Голод 1946–1947 гг. на территории СССР стал следствием ряда факторов. В первую очередь аграрной политики государства, нацеленной на максимальное извлечение ресурсов из советской деревни. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. прошла в условиях сильнейшей засухи, поразившей Молдавию, Украину и ряд областей РСФСР. Поэтому Сибирь, где удалось вырастить хороший урожай, рассматривалась властями в качестве важного поставщика для формирования хлебных резервов страны. В результате увеличения норм сдачи зерна колхозники Сибири получили на заработанные трудодни минимум хлеба. Кроме того, помешали погодные условия. Если в Европейской части СССР в 1946 г. была сильная засуха, то в Сибири шли проливные дожди. Непогода стала бедствием для крестьянских огородов. Во многих районах колхозники не смогли создать достаточный запас овощей и картофеля, выращенных в личных подсобных хозяйствах. Прекращение функционирования карточной системы в октябре 1946 г., на которое пошло государство с целью экономии хлеба, поставило под

¹ *Лапердин Вячеслав Борисович*, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск, laperdin2011@mail.ru

удар ранее находившиеся на пайковом снабжении категории населения. Если в сельской местности Новосибирской области в сентябре 1946 г. было выдано хлебных карточек (включая пятидневные талоны) 507 тыс., то в январе 1947 г. только 53 тыс. В Омской области в сентябре 1946 г. карточками обеспечивалось 382 тыс. сельских жителей, а уже в октябре – только 50 тыс.

Запасов овощей, картофеля и выданного на трудодни хлеба колхозникам хватило до начала 1947 г., хотя уже в декабре 1946 г. стала ощущаться нехватка продуктов питания в ряде районов. В январе 1947 г. в краевые и областные органы власти Западной Сибири начали поступать сообщения председателей райкомов и секретарей райисполкомов, а также директоров совхозов и председателей колхозов, об угрожающей обстановке в деревне. В них отмечалось, что у населения подходят к концу продовольственные запасы и имеются случаи опуханий на почве голода. Весной 1947 г. положение ухудшилось, однако уже с наступлением лета голод резко снизился, а с получением нового урожая был преодолен.

Можно предположить, что в первой половине 1947 г. в той или иной степени недоедала большая часть сельского населения Западной Сибири, но в открытой форме голод отмечался локально. Он носил характер «чересполосицы», мог проявляться в одних населенных пунктах и иметь латентную форму в других. Эта дифференциация наблюдалась не только между районами, но и соседними колхозами, так как в части их выдача хлеба на трудодни и созданные запасы продуктов питания обеспечивали минимальные потребности населения.

Как правило, голод поражал наиболее незащищенные социальные группы, которые могли рассчитывать только на государственную помощь: многодетные семьи, матерей-одиночек, в том числе тех, чьи мужья погибли на фронте, семьи инвалидов и военнослужащих, спецпоселенцев (немцев и калмыков), прибывших в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны и не успевших обустроиться на новом месте, служащих и рабочих совхозов, снятых с пайкового обеспечения, а также ту часть крес-

тьян, которая возлагала основные надежды при достижении своего материального благополучия на колхозное производство, а не на личное подсобное хозяйство. Они оказались в проигрышной ситуации, не получив на заработанные трудовни необходимого количества продуктов питания.

Голод имел заметные демографические последствия. По данным ЦСУ СССР уровень смертности в западносибирской деревне увеличился с 9,6 ‰ в 1946 г. до 12,9 ‰ в 1947 г. Смертность выросла во всех возрастных группах, но в первую очередь в детской. Если в 1946 г. из 1000 рожденных детей не дожило до 1 года 56, то в 1947 г. – 104. Изменился возрастной состав умерших за счет увеличения доли детских смертей. Возрастная группа до 4 лет в 1946 г. составляла 25,6 % всех умерших, а в 1947 г. – 39,1 %. Таким образом, жертвами послевоенного демографического кризиса стали в первую очередь дети. Основными причинами смерти были желудочно-кишечные инфекции и пневмония. Кроме того, сельское население Западной Сибири поразила такая типичная для голода в СССР болезнь, как септическая ангина. В 1948 г. произошло снижение рождаемости до 31,6 ‰, в то время как в 1947 г. она достигала 32,0 ‰. Следствием демографического кризиса стало замедление естественного прироста населения в 1947–1948 гг. за счет увеличения смертности и некоторого сокращения рождаемости. Однако уже к 1949 г. демографическая система стабилизировалась и последствия голода 1946–1947 гг. были в целом преодолены.

П.П. Полх¹

**Учет сельского населения Калининградской области
региональными структурами управления сельским
хозяйством в послевоенный период: цели и организация²**

Любые демографические обследования не ограничиваются интересом к половой и возрастной структуре населения, а также к

¹ *Полх Павел Петрович*, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет, Россия, г. Калининград, p.polkh@mail.ru

² Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00257).

динамике его численности. Власти важно знать потенции трудовых ресурсов, возможности налогообложения, а также размер социальных потребностей населения конкретной территории. В отношениях советской власти с крестьянством это проявлялось наиболее отчетливо: такой учет был необходим, т.к. для государства принципиальным было получить от села не столько деньги, сколько продукты, а это требовало четких представлений о количестве тружеников. Такой учет был возможен, благодаря сформировавшейся колхозно-совхозной системе, подотчетной производственным, советским и партийным органам управления.

В случае с Калининградской областью, образованной на бывшей германской территории в 1946 г., ситуация вырисовывалась еще рельефнее: все сельское население к концу 1940-х гг. было представлено переселенцами из РСФСР и Белорусской ССР, причем жители новой области подбирались с расчетом не менее двух трудоспособных на семью и были в праве рассчитывать на существенные ссуды и фискальные льготы. Прибывавшие в область люди «с нуля» создавали колхозы и устраивались на работу в совхозы (значительная часть которых появилась на базе подсобных хозяйств воинских частей, где до 80 % рабочей силы в 1945–1947 гг. составляли немцы). Большой объем работы, недостаток людей при дефиците жилья для переселенцев (в условиях постоянного роста их числа), наличие паспортов у селян (что открывало определенные возможности для перемены рода деятельности и возвращения) – все это заставляло достаточно строго подходить к учету населения на всех уровнях управления.

Первым из таких уровней являлось областное управление сельского хозяйства и его районные структуры, куда стекались сведения об общей ситуации в колхозах, на основании данных их отчетов. До конца 1950-х гг. годовой отчет сельхозартели начинался со сведений о количестве трудоспособного населения, а также подростков 12–16 лет, принимавших участие в выработке трудодней, и включавшихся в этот же процесс престарелых. Эти данные были необходимы для определения выработки трудодней на одного трудоспособного и выявления скрытых резервов. То обстоя-

ительство, что производственные показатели (посев, урожайность, надой и т.п.), располагались далее, и лишь в самом конце – сведения о начислении по трудодням, отчасти указывает на главный предмет интереса власти.

Партийные органы напрямую не ставили перед собой задачи учета, но в материалах обкома и райкомов компартии постоянно присутствует информация о выбытии населения – на промышленные предприятия и лесхозы, в МТС и за пределы области (чаще всего в неизвестном направлении). Последнее обстоятельство особенно удручало, так как выбывшие успевали получить ссуду в Сельхозбанке на обустройство жилья и «преодоление бескоровности», а затем оставляли проблемы новым «заселенцам», которым в ссуде могли и отказать. У выбывших из колхоза возникали проблемы с изъятием земли, выданной под личные хозяйства, выделением лошадей под их обработку. Такие ситуации были типичны при уходе на работу в МТС без выезда из деревни, или когда одни члены семьи держались за колхоз ради выделенных соток, а другие искали заработка на стороне. Это заставляло партработников вникать в вопросы реального состава деревенского населения, а подчас и контролировать возвращение в колхозы и совхозы выбывших работников.

Организацией учета занимались и заготовительные органы, для которых принципиально было вручить должное количество извещений на сдачу молока, мяса, зерна и других продуктов. Вопросы движения населения волновали и руководство трестов совхозов. Информацию о составе населения в колхозах можно обнаружить и в документах МТС, мелиораторов, сельских строителей (перед которыми ставилась задача ликвидировать хуторскую систему расселения и из соображений удобства выходов на работу, и для преодоления немецкого наследия).

Материалы учета позволяют осветить отдельные процессы демографии сельского социума, в том числе и в динамике, но общей картины не дают, так как цели учета носили сугубо утилитарный характер. Общим выступало стремление всех органов управления заставить крестьянство трудиться эффективнее.

Р.З. Алмаев¹

**Социальная политика государства и особенности
материально-бытового положения сельских учителей
Южного Урала в 1945–1970 гг.**

Несмотря на постоянное снижение доли сельского населения, данные переписей населения 1959 и 1970 гг., показывают, что значительная часть населения Южного Урала (55 и 47 % соответственно) проживала на селе. В Курганской, Оренбургской областях и Башкирской АССР на начало 1957/58 учебного года от 84 до 96 % всех типов общеобразовательных школ располагались в сельской местности. Соответственно, больше в них было и сельских учителей. И лишь в Челябинской области, которая отличалась высокими темпами урбанизации, удельный вес сельских учителей составлял 43 %.

Учитель в советское время занимал центральное место в культурной жизни села. Недаром руководство страны в послевоенные десятилетия уделяло значительное внимание социальной защищенности именно сельских учителей. Реальные меры, направленные на улучшение материально-бытового и правового положения учительства, начинают предприниматься, начиная с 1948 г. Государство стремится закрепить за сельскими учителями льготы по оплате коммунальных услуг, предоставлению бесплатного жилья, обеспечению топливом, приусадебными земельными участками. На исполкомы райсовета, сельских и поселковых Советов, руководителей хозяйств возлагалась ответственность по заключению договоров на аренду квартир для учителей, выделению приусадебных земельных участков до 0,25 га на семью учителя, топлива, древесины из расчета 80–100 куб.м на один дом, сенокосных угодий. При строительстве сельских школ для учителей использовались не только государственные средства, но и нецентрализованные источники финансирования, такие как средства местных Советов, самообложения, колхозов.

¹ Алмаев Рустам Закирович, кандидат исторических наук, Башкирский государственный педагогический университет, Россия, г. Уфа, almaev_history@mail.ru

Проверки жилищно-бытовых условий учителей в сельских районах Южного Урала в конце 1950 – начале 1960-х гг. выявили многочисленные факты грубейших нарушений постановлений правительства. Часто сельские советы выдавали учителям денег ниже фактической стоимости коммунальных услуг. Учителя были вынуждены доплачивать из собственных средств от 2 до 6 руб. ежемесячно. Учителя отдельных школ Илишевского и Миякинского районов БАССР ко дню проверки не были обеспечены топливом, почти во всех районах преподавателям не выделялись сенокосные угодья. Из-за отсутствия нормальных жилищных условий в течение 1959–1961 гг. из Курганской области выбыло 970 учителей общеобразовательных школ. Большинство из них сменили не только место жительства, но и профессию. Имелись случаи грубого администрирования со стороны исполкомов и отделов народного образования, руководителей районов и колхозов. В Куюргазинском районе БАССР учителям давали задание по выращиванию кукурузы, свеклы.

Областные и республиканские органы исполнительной власти Южного Урала обязывали райисполкомы, сельские и поселковые Советы поддерживать на должном уровне повседневную жизнь сельского учителя. Выносились многочисленные постановления о поощрении индивидуального жилищного строительства за счет ссуд, выдаваемых Госбанком и на основе личных сбережений педагогов, о помощи строительными материалами, строгом соблюдении трудового законодательства и недопустимости отвлечения учителей на несвойственные для них работы. Особое внимание обращалось на бесперебойное обеспечение учителей печеным хлебом, мукой и другими продовольственными товарами. Руководителям колхозов и совхозов рекомендовалась продажа педагогам корма для скота.

Директивные документы послевоенных десятилетий были направлены на улучшение условий быта сельских учителей. Однако учителя не имели достаточных гарантий от произвольных действий местных властей, затрагивающих их повседневную жизнь. Объективные трудности часто сопровождались бю-

рократизмом, нерасторопностью, а иногда и злоупотреблениями организаций отвечающих за снабжение учителей. Упомянутые факты наносили ущерб авторитету учителя. Это порождало текучесть педагогических кадров, нежелание работать в сельской местности и миграцию в города, рабочие поселки и районные центры.

В.В. Наухацкий¹

**Государственная аграрная политика, модернизация
сельского хозяйства и сельское население России
во второй половине XX – начале XXI в.**

Во второй половине XX – начале XXI в. экономические, социальные, демографические процессы в российском селе характеризовались противоречивостью тенденций, неоднозначностью динамики развития, разнонаправленностью последствий. Специфика отмеченных процессов на различных исторических этапах данного периода была обусловлена характером модернизации сельского хозяйства страны, изменением парадигмы государственной аграрной политики, эволюцией демографического поведения и миграционных практик. Существенное влияние на социально-демографическое развитие оказали трансформация экономической и социальной структуры постсоветского общества, возрастание роли инновационных факторов в развитии АПК, усиление глобализации агропродовольственных рынков.

Статистические данные свидетельствуют, что на протяжении всего исследуемого периода наблюдалось сокращение численности и удельного веса сельского населения по России в целом и по регионам, нарастание противоречий в сфере трудовых отношений и в демографии села. Разумеется, протекание указанных процессов отличалось определенной региональной спецификой и характером динамики в различные периоды.

¹ *Наухацкий Виталий Васильевич*, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия, г. Ростов-на-Дону, naukhatskiy@rambler.ru

При общей тенденции в соотношении различных факторов социально-экономического развития прослеживается определенная специфика периодов 1950–1990 и 1991–2015 гг. На первом этапе сокращение численности сельского населения происходило на фоне укрепления материально-технической базы сельского хозяйства. Хотя состояние технической базы сельского хозяйства не соответствовало уровню, необходимому для эффективного ведения производства, ее наращивание обеспечивало рост производства продукции и масштабов производственной деятельности, что исключало безработицу и гарантировало занятость населения.

Непосредственное воздействие на миграцию сельского населения и обеспечение села кадрами в 1950–1980-е гг. оказывало решение социальных проблем села. В начале 1950-х гг. село существенно отставало от города, однако со второй половины 1950-х гг. обозначился поворот государства к социальным проблемам села. Анализ статистических данных показывает положительную динамику в данной сфере.

На селе был обеспечен гарантированный минимум социальных благ, создана система социальной защиты населения, в основе которой лежали гарантированная заработная плата, возможность свободного трудоустройства, общедоступная пенсионная система, бесплатное образование и медицинская помощь. Хотя уровень жизни на селе нельзя назвать высоким, тенденция к пауперизации не прослеживалась, а население не выталкивалось из деревни из-за деградации социально-экономических структур. Противоречия социального развития порождали миграцию и кадровые проблемы, однако значительная часть населения оставалась жить на селе.

Наиболее острый характер социально-демографические процессы приобрели с начала XXI в. В этот период продолжалась убыль сельского населения, старение работников, сокращение численности молодежи. Происходит десоциализация села. За последние 15 лет на 20 тыс. сократилось число сельских поселений. До 200 тыс. чел. ежегодно уезжает из села. Большинство районов являются регрессивными с точки зрения демографии. В результате наблюдается запустение территорий и угроза утраты контроля над пространством.

нством. Социально-трудовая сфера села деградирует. Происходит деинтеллектуализация аграрного сектора и сельского социума.

Наращение проблем в социально-демографической сфере на селе обусловлено в первую очередь экономическим фактором – деградацией сельской экономики, падением уровня жизни. При этом принципиально изменилась социальная политика на селе: государство во многом отказалось от продолжения прежней патерналистской линии.

Утверждение рыночных механизмов в АПК принципиально изменило кадровую ситуацию на селе. Рост производства продукции в последние годы происходит в условиях деградации социальной сферы и усиления негативных тенденций в развитии трудового потенциала села. Если прежде считалось аксиомой, что для роста производства в колхозах и совхозах необходимо решение социальных проблем села, то в настоящее время рост производства имеет место в условиях стагнации данной сферы.

Вышесказанное свидетельствует о трансформации целей и характера аграрного курса государства, смене парадигмы социально-экономического развития за последние 20 лет. Если цель аграрной политики лишь в обеспечении населения продуктами питания, то добиться ее выполнения можно за счет поддержки агрохолдингов, строительства мегаферм и т.п. Для сохранения сельского социума, обеспечения продовольственной безопасности и контроля над пространством требуется проведение иной аграрной политики.

Р.Н. Сулейманова¹

**Демографические процессы в советской деревне
в 1950–1980-е гг.: региональные особенности, противоречия**

События второй половины XX в. серьезно отразились на развитии демографических процессов в СССР и регионах. Среди них

¹ Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Россия, г. Уфа, rnsulejman@mail.ru

особое место занимают последствия Великой Отечественной войны, вызвавшие необратимые демографические процессы. Наиболее болезненно демографические катаклизмы отразились на развитии деревни. Тому наглядный пример деревня одного из регионов СССР – Башкирии.

Война внесла существенные коррективы в естественный ход течения демографических процессов в республике. В первую очередь «вымывались» трудоспособные возрастные группы, в основном мужчины, что вело к значительной диспропорции полов в населении. Деревня Башкирии недосчиталась почти 766 тыс. своих жителей, что сказалось на трудовых ресурсах и в целом на демографическом развитии.

Первая послевоенная перепись населения, проведенная в 1959 г., показала, что довоенный уровень численности населения республики так и не был достигнут. Продолжалось сокращение численности сельского населения, ежегодно уменьшавшегося на 1,2 %.

С начала 1960-х гг. наметилось ухудшение демографической ситуации в деревне, что показала перепись 1970 г. В значительной степени это объяснялось продолжающимся проявлением последствий войны. Перепись выявила за межпереписной период уменьшение сельского населения на 80,0 тыс. чел. Ежегодно оно сокращалось на 0,3 %. Не лучше выглядели и другие демографические показатели – рождаемость, смертность, естественный прирост, половозрастная структура и др.

В последующий период демографическая обстановка в деревне Башкирии продолжала оставаться нестабильной. Жителей становилось меньше, сокращение ежегодно составляло 1,9 %. Среди причин демографического неблагополучия в деревне следует особо отметить неудовлетворительное состояние социальной сферы, относительное ухудшение уровня жизни, что вело к оттоку людей из деревни. В основном они уезжали в города республики, где имела развитая социальная инфраструктура, возможность получить образование и профессию, а также в города и крупные поселения близлежащих областей и республик.

Стремительное сокращение жителей в сельской местности в эти годы было повсеместным явлением. Однако Башкирская и Татарская АССР, Горьковская и Кировская области по масштабам оттока людей из деревни не имели себе равных в СССР. В целом, среднегодовая миграция составляла в республике в 1960-х гг. 19 тыс. чел., в 1970-х – 29 тыс. и в 1980-х гг. – до 28 тыс. чел., причем подавляющая часть из них были люди трудоспособных и репродуктивных возрастов. Итоги миграции негативно сказывались на воспроизводстве населения и экономике республики. Следует отметить, что подобные темпы внешней или межрегиональной миграции связаны не только с экономической целесообразностью перераспределения рабочей силы, обеспечением ею новых промышленных районов для освоения природных богатств. Среди причин можно назвать: территориальное перераспределение трудовых ресурсов регионов при их переизбытке и истощении природных запасов, диспропорции в размещении промышленных предприятий в самой республике, низкий уровень жизни и др. Подобная ситуация рельефно проявилась в Башкирии, когда в ее недрах закончились запасы нефти, а регион имел большое число высококвалифицированных рабочих и специалистов. Это вело к большому оттоку молодого, трудоспособного населения в более развитые промышленные регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Однако ускорение миграционных процессов коснулось, прежде всего, деревни, приведя к ее обезлюдению, вызвало появление так называемых «бесперспективных» деревень.

Сложная и противоречивая демографическая ситуация, сложившаяся к 1980-м гг., отразилась в итогах переписи 1989 г. Она выявила дальнейшее сокращение численности сельчан (на 14 %). Ухудшились и другие демографические показатели деревни.

Таким образом, на демографическое развитие деревни Башкирии, которому были присущи, как общие, так и местные особенности, в 1950–1980-е гг. оказывали серьезное влияние факторы экономического и политического характера. Современное демографическое неблагополучие в России и ее регионах, особенно проявляющееся в сельской местности, напрямую связано с после-

дствиями Великой Отечественной войны, упущениями в государственной политике в аграрном секторе, здравоохранении, общественно-политической жизни, традиционно остаточным принципом при решении социальных вопросов.

А.Г. Галлямова¹

**Сельское население Татарской АССР
в районах поздней урбанизации 1950–1980-е гг.**

В советский период Татарская республика прошла путь стремительного развития, трансформировавшись из преимущественно аграрного в мощный индустриальный регион. Во второй половине XX в. на пути перехода от традиционного общества к современному здесь наблюдались наиболее динамичные изменения, связанные с крупными инвестиционными проектами: интенсивное развитие ВПК, развертывание нефтяной промышленности, создание Камской промышленной зоны. Высокие темпы урбанизации сначала нефтяного юго-востока, а затем – северо-востока Татарской АССР, где развернулись нефтехимическая и автомобилестроительная отрасли, прямо отражались на общей структуре населения новых промышленных регионов.

Как только обнаружилось «нефтяное призвание» юго-восточных районов Татарстана, здешнее население охотно потянулось в освоение природных богатств края. О массовом втягивании крестьянства в нефтедобывающую промышленность свидетельствовало то, что к середине 1960-х гг. основную часть работников «Татнефти» составляли местные жители. И за этот период трудовое население колхозов края уменьшилось почти на треть, в то время как по республике – на четверть.

В конце 1960-х – 1970-е гг. сельское население стремительно снижалось в Камском территориально-промышленном комплексе. Если за 1960-е гг. численность сельского населения Челнинского

¹ *Галлямова Альфия Габдульнуровна*, доктор исторических наук, Институт истории Академии наук республики Татарстан, Россия, г. Казань, alfiya1955@gmail.com

района практически не изменилась, то за 7 лет строительства КамАЗа (1969–1976 гг.) уменьшилось вдвое.

В целом за исследуемый период темпы оттока из села в Татарстане почти в 4 раза опережали общесоюзные и в 1,3 раза – российские. Что касается национального фактора динамики численности населения, то до 1960-х гг. татарские районы имели более стабильные показатели по сравнению с русскими. В 1960–1980-е гг. определяющим фактором динамики стало экономико-географическое положение административного района. Чем ближе располагался район к промышленному центру, тем выше была убыль сельского населения из него. По уровню и темпам урбанизации в 1959–1979 гг. татары опережали среднероссийские показатели и показатели русских, но при этом уступали и порой значительно чувашам, башкирам, чеченцам, марийцам. В целом доля селян в рассматриваемый период в общей численности населения республики сократилась более, чем в 2 раза.

Количество занятых в сельском хозяйстве снижалось еще более высокими темпами. В силу специфической особенности нефтедобывающей отрасли, заключающейся в ее территориальной рассредоточенности, уход местных крестьян в нефтяники чаще всего не означал их ухода из родного дома. В отличие от рабочих, поднимавших заводы Казани в 1930-е гг., а также тех, кто позже в 1960–1970-е гг. создавали Камскую промышленную зону, у нефтяников переход в промышленную сферу деятельности, как правило, не был связан с переездом в город.

Многие нефтяники, выходцы из местных сел, из-за нехватки жилья в городе продолжали жить в родных домах. Это обуславливало своеобразный характер социальной модернизации нефтяного края, выражавшийся в большей приверженности традициям. Ведь в отличие от рабочих заводов и фабрик, нефтяники, как и крестьяне, трудились на земле, под открытым небом. Еще в большей степени это касалось стиля их повседневной жизни. Забота о родителях, многочисленные хлопоты на личном подворье, знакомое с рождения социальное окружение – все это оставалось у большинства из них в неизменном виде.

Однако реактивный поворот в экономической жизни нефтяного региона не мог не привести изменения в его жизнесферу. Освоение нефтеносной земли начинали приезжие буровики. Всем им нужна была крыша над головой. Общежитий даже барачного типа катастрофически не хватало. И нередко кровом с приезжими приходилось делиться местным жителям. Среди прибывших было немало людей с сомнительным прошлым, бывших заключенных. Все это не лучшим образом сказывалось на микроклимате сел.

Процессы урбанизации северо-востока республики, протекавшие на два десятилетия позднее, чем на нефтяном юго-востоке, имели определенные отличия. Становление нефтяной промышленности пришлось на тяжелые послевоенные годы: техники, машин, оборудования не всегда хватало для выполнения крупномасштабных задач. Недостающие механизмы восполнялись дешевой рабочей силой ближних колхозов.

В период становления нефтяной промышленности местное население использовалось чаще всего на неквалифицированных работах, требующих больших физических усилий, поэтому из деревень уходили в массовом порядке молодые мужчины без квалификации, часто бывшие фронтовики, которые знали русский язык, поэтому, обучаясь у приезжих специалистов на ходу, сразу включались в производственные операции.

При строительстве КамАЗа, Нижнекамских промышленных гигантов, решению жилищной проблемы уделялось гораздо большее внимание, поэтому осваивать Камский ТПК устремились жители не только близлежащих сел. Причем в первую очередь из села близ КамАЗа выбывали кадры, востребованные в сельском хозяйстве. В основном это были молодые, главным мотивом которых была возможность кардинально переменить свою жизнь, начав ее с нуля в городе. Сотнями поглощал КамАЗ сельскохозяйственных работников высшей квалификации: агрономов, зоотехников, ветврачей.

Таким образом, превращение в Татарской АССР чисто сельскохозяйственных агломераций в промышленные районы резко изменило не только экономический имидж республики, но и трудовую судьбу проживавшего там населения.

О.В. Усольцева¹

Миграции сельского населения Томской области в 1950–1980-е гг.

Изучение разнонаправленных миграционных процессов в 1950–1980-е гг., итогом которых стало резкое сокращение ресурсного состава сельского населения и радикальная деформация сельской поселенческой сети, должно способствовать выработке такого управления миграционными процессами на современном этапе, при котором удастся преодолеть негативные тенденции депопуляции нашего общества.

Имеющийся источниковый материал позволяет охарактеризовать размер и направления постоянной миграции сельских жителей в масштабе области, хотя он не является достаточно полным, особенно в отношении 1940–1950-х гг. В это время статистические органы учитывали жителей, которые выбывали в сельскую местность из немногочисленных райцентров и которые в них прибывали из сельских населенных пунктов. Наряду с этим учитывалось выбытие сельского населения в городские населенные пункты и встречное движение городских жителей в сельскую местность. В период с 1947 по 1958 г. источники зафиксировали в Томской области ежегодное выбытие в среднем 10 тыс. человек из сельских населенных пунктов в городские. Гораздо меньше (около 6,3 тыс. чел.) ежегодно переезжало в обратном направлении. Население также стягивалось в сельские райцентры в большей степени, чем в обратном направлении (2,8 тыс. и 2,1 тыс. чел. соответственно). Сведения о миграции населения в этот период имеются весьма неполные и несопоставимые в динамике. Объясняется это тем, что изначально фиксировались не все направления передвижения населения, учет миграции по отрывным талонам давал большую погрешность, велся он не на всей территории области. Однако с каждым годом территориальный охват населения учетом увеличивался. Косвенно это подтверждается тем, что с появлением в 1960 г. новой системы учета миграции сельского населения переселений стало регистрироваться гораздо больше.

¹ *Усольцева Ольга Васильевна*, Гуманитарный лицей г. Томска, Россия, г. Томск, usolzeva@list.ru

С 1960 г. стали отслеживаться передвижения населения внутри сельской местности, переселения сельского населения в городские поселения области, выбытие оттуда в сельскую местность, выбытие сельского населения за пределы области и прибытие оттуда, что более полно отражало существовавшие миграционные потоки.

С 1961 до 1978 г. из села ежегодно выбывало 22–25 тыс. чел. С конца 1970-х гг. это число начало уменьшаться и до 1989 г. оставалось в пределах 16–18 тыс. чел. Выбытие в города в период с начала 1960-х до конца 1980-х гг. составляло в этом числе более 75 %. Соответственно, доля выбывших в сельскую местность других регионов страны составляла не более четверти от всех выбывших из села Томской области. Междеревенская миграция в пределах области была значительной в начале 1960-х гг., ежегодно 5,7–6 тыс. чел. переезжало из одних сельских населенных пунктов в другие. К середине 1960-х гг. она уменьшилась на 20–30 %. Во второй половине 1970-х гг. произошел кратковременный рост междеревенской миграции до уровня начала 1960-х гг., за которым последовал очередной спад. В это же время выросла доля переезжающих внутри сельской местности области в общем числе выезжающих из сельских населенных пунктов. В разные годы 14–24 % от всех выбывших из сел Томской области составляли переселяющиеся в пределах сельской местности области.

Приблизительно в равных количествах в сельскую местность Томской области переезжали люди из городов области, из городов других частей страны и сел других частей страны. В 1960-е гг. в сельскую местность Томской области приезжало ежегодно 16–19 тыс. чел., в 1970-е гг. немного больше – 20–21 тыс. чел. Затем последовал некоторый спад и в 1980-е гг. в сельскую местность области прибывало 17–20 тыс. чел. в год. В целом сельская местность Томской области за счет миграций теряла ежегодно несколько тысяч жителей: в 1960-е гг. в среднем почти 5 тыс. чел. в год, в 1970-е гг. – 1,5 тыс. И только в 1980-е гг. (за исключением 1985 г.), прибытие населения в сельскую местность превышало выбытие из нее (в среднем на 1,9 тыс. чел. в год).

Накопленные практики миграций свидетельствуют о том, что на современном этапе не только необходимо, но и возможно стимулировать долгосрочный процесс обратного переселения городского населения в сельскую местность.

С.Н. Андреенков¹

Зерновые совхозы на целинных землях востока СССР в середине 1950-х гг.

С середины 1950-х гг. существенную роль в аграрном производстве СССР стали играть совхозы. Они считались потенциально более значимой производственной формой, чем колхозы, поскольку являлись предприятиями индустриального типа. В 1954–1955 гг. совхозы создавались на целинных и залежных землях Казахстана, Урала и Сибири, которые распахивались в массовом порядке под посевы зерновых. В стране обострился дефицит зерна, в первую очередь фуражного, и с целиной кампанией связывалось его быстрое преодоление.

Новые зерносовхозы организовывались не только на пустовавших землях государственного фонда, но и на недоосвоенных избыточных земельных площадях колхозов и других землепользователей. Многие сельхозартели полностью входили в состав вновь образуемого совхоза. Упразднение колхозов и передача всех их ресурсов госхозам обосновывалась тем, что для доминировавшего на целине зернового хозяйства требовался не столько ручной труд колхозников, сколько работа механизаторов и сложной машинной техники. Последнее являлось отличительной чертой машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов. МТС были менее предпочтительными, поскольку не распоряжались землей, на которой работали. Поэтому ставка делалась на совхозы.

К 1955 г. на целинных землях востока СССР было создано 425 новых зерносовхозов, в том числе в Казахской ССР – 337, в

¹ *Андреенков Сергей Николаевич*, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск, andreenkov_sn@mail.ru

РСФСР – 88, из них в Алтайском крае – 21, в Омской области – 11, в Новосибирской – 7, в Красноярском крае – 5 хозяйств. В Сибири основная нагрузка по распашке целины и залежей пришла все же на МТС. Целинные зерносовхозы демонстрировали неплохие производственные результаты. Они вспахали больше новых земель, чем старые госхозы и увеличивали сборы зерна. Впрочем, производительность совхозной нивы оказалась ниже, чем планировалось. В 1954–1957 гг. в Казахской ССР урожайность зерновых культур во вновь образованных госхозах составила в среднем 6,4 ц/га, в РСФСР – 8,6 ц/га. Ожидалось не менее 14 ц/га. К такому уровню урожая совхозы, созданные на целинных землях, приближалась только в урожайные годы (1954, 1956, 1958 гг.), а в недородные (1955, 1957 гг.) она падала до 3–4 ц/га. Средства, которые государство израсходовало на строительство целинных совхозов в 1954–1957 гг., в целом вернуть не удалось. Новые зерновые госхозы Казахской ССР в эти годы в среднегодовом исчислении восполняли только 17 % вложенных в них сумм, в РСФСР – 52 %. В Сибири этот показатель был выше. Алтайские госхозы в 1954–1957 гг. полностью возместили средства, потраченные на их создание.

Низкий уровень рентабельности зерновых совхозов на целине не мешал государству делать оптимистические прогнозы их дальнейшего развития. Считалось, что крупные государственные сельхозпредприятия, организованные на новых землях, могут повысить продуктивность полей и доходность. Для этого им следовало в кратчайшие сроки навести порядок в сфере внутрихозяйственного землеустройства, ввести правильные севообороты, организовать производство семян, отремонтировать технику.

Однако решать эти задачи было очень непросто: специалистов сельского хозяйства, инженеров и техников не хватало, у большинства предприятий отсутствовала собственная ремонтная база. Крайне сложно оказалось обеспечить целинные совхозы водой. На строительство достаточного количества объектов социальной и хозяйственной инфраструктуры попросту не хватало средств. В 1954–1957 гг. каждый целинный совхоз в

среднем получил от государства по 8 млн руб. Чтобы достроить начатые и заложить новые сооружения хозяйству в среднем нужно было освоить 18 млн руб.

Таким образом, создание на отдаленных и необжитых землях сети совхозов оказалось важным, но довольно затратным и долго окупающимся проектом. Превращение целинных хозяйств в удобные для жизни и труда сельхозпредприятия растягивалось на длительный период, и большинство первоцелинников к этому не было готово. Уже с 1956 г. начался их отток. Опыт строительства и деятельности зерновых хозяйств на вновь осваиваемых землях был учтен при реализации планов создания животноводческих и овощеводческих совхозов. Их стали организовывать уже на обжитых главным образом пригородных территориях с использованием инфраструктуры и мощностей старых совхозов, подсобных хозяйств и колхозов.

В.Н. Томили¹

Социальные последствия аграрных реформ Н.С. Хрущева

К середине 1950-х гг. в СССР появились возможности для проведения политики сбалансированного развития различных отраслей экономики, прежде всего, промышленности и сельского хозяйства. Понимание переживаемого этапа развития нашло свое отражение в решениях сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Политическое лидерство Н.С. Хрущева еще не стало безоговорочным, ему хотелось «делом» доказать обоснованность своих амбиций.

Февральско-мартовский (1954 г.) пленум ЦК КПСС принимает решение об освоении целинных и залежных земель. Грандиозный целинный проект оказался крайне затратным и экономически неэффективным. Реформа 1958 г. по реорганизации МТС лишь усугубила обстановку в деревне. Руководство страны опасалось

¹ *Томили¹ Виктор Николаевич*, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет, Россия, г. Липецк, tomilin58@mail.ru

роста протестных общественных настроений. Новочеркасская трагедия 2 июня 1962 г. свидетельствовала о том, что население доведено до опасной черты. Для получения объективной информации о реальном положении различных социальных групп правительство поручило органам статистики провести бюджетное обследование. В выборочное обследование 1962 г. вошли 51 тыс. семейных бюджетов, в том числе 16,4 тыс. бюджетов семей рабочих и 26,9 тыс. бюджетов семей колхозников.

За девять месяцев 1962 г. денежные доходы семей рабочих промышленности, строительства и железнодорожного транспорта выросли на 2–6 % и составили 1,6–1,7 тыс. руб., рабочих совхозов – соответственно на 10 % и 1,3 тыс. руб. Максимальную динамику показали денежные доходы колхозников: они выросли на 13 % и составили 733,6 руб. В колхозах существовала двухканальная оплата труда – денежная и натуральная. В сравнении с рабочими промышленности колхозники значительно проигрывали. Они были беднее и рабочих совхозов.

В обследуемых группах городского населения денежные расходы на покупку продуктов питания за девять месяцев 1962 г. находились в пределах 216–241 руб. На этом фоне следует обратить внимание на большой разрыв, образовавшийся между жителями города и деревни. Сравнительно низкие расходы на покупку продуктов питания в семьях рабочих совхозов (96,5 руб.) и колхозников (50,7 руб.) отчасти можно объяснить тем, что ряд продуктов – мясо, молоко, яйца, картофель и овощи они получали из личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и колхоза. Но при этом мясо, различные овощи колхозники не могли получать от своих хозяйств регулярно. Их производство имело сезонный характер. Также можно предположить, что часть продуктов колхозники и рабочие совхозов стремились продавать на рынке и получать доход.

В таком случае сельское население могло бы тратить больше денег на приобретение непродовольственных промышленных товаров. Но в действительности у колхозников не было достаточно количества денег ни на прод-, ни на промтовары. За счет ЛПХ

селяне едва «сводили концы с концами». Колхозники тратили больше денег на покупку промтоваров, нежели на продукты питания. Но это вполне сопоставимые величины – соответственно 50,7 и 76,7 руб.

В среднем на члена семьи колхозника расходы на промтовары составили только 48 % соответствующей статьи расхода промышленного рабочего, или 40 % – служащих и инженерно-технических работников. Представляет большой интерес структура питания горожан и жителей деревни в рассматриваемый период. Она показывает, насколько сельское население покрывало свои потребности в питании за счет торговли и ЛПХ и колхозов.

В питании семей рабочих промышленности и колхозников имеются существенные различия. В рабочих семьях больше потреблялись более ценные продукты: молоко, мясо, рыба и сахар. Особенно велики различия в потреблении мяса и мясопродуктов: колхозники потребляли 2,9 кг в месяц, а рабочие 4,4 кг. Обследование показывает большую калорийность продуктов, потребляемых колхозниками, нежели рабочими. Но при этом рабочие, как указывалось выше, больше потребляли молока, мяса, рыбы и сахара. За счет чего же колхозники получали большее количество калорий? Только за счет большего потребления хлеба и картофеля. Колхозники ежемесячно в сравнении с рабочими больше потребляли муки и хлеба в пересчете на муку на 3,3 кг, картофеля – на 3,5 кг.

Изучение бюджетов населения СССР 1962 г. позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, они отразили низкий уровень жизни населения страны в целом. К тому же наметилась отрицательная его динамика, население стало тратить больше средств на покупку продуктов питания. Коммунистическая доктрина, предусматривающая выравнивание уровней жизни различных социальных групп, на деле оказалась пропагандистским лозунгом. Среди социальных групп населения наблюдаются значительные различия, как по доходам, так и по структуре их расходов. Причем по всем позициям колхозники, как социальная группа населения СССР, оказываются аутсайдерами.

А.И. Шевельков¹

Эффективность сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1950–1970-е гг.

Нечерноземная зона – крупнейший аграрный район РСФСР. На рубеже 1950–1960-х гг. площадь сельхозугодий здесь составляла 49,5 млн га, из них 30,7 млн га – пашня (22,9 % от общей площади пашни республики). На территории зоны имелось более 10 тыс. колхозов и совхозов, в которых было 8,1 млн голов КРС (32,1 % общего поголовья скота в РСФСР).

Огромный ущерб сельскому хозяйству региона был нанесен в годы войны. Если в целом по стране довоенный уровень производства зерна был достигнут в 1955 г., то в Нечерноземье – только в 1967 г. Благодаря решениям сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, в 1954–1959 гг. увеличилось ежегодное производство животноводческой продукции: мяса – на 8 %, молока – на 10 %. Однако затем произошел спад. Так, производство мяса сократилось в 1964 г. по сравнению с 1960 г. на 12 %. Несмотря на снижение объемов производимой продукции, удельный вес региона в общем производстве сельхозпродуктов в РСФСР в 1964 г. составил: по молоку – 36 %, по мясу – 31 %, по всей продукции сельского хозяйства – 29,6 %.

Несмотря на благоприятные климатические условия, сельское хозяйство Нечерноземья находилось в неудовлетворительном состоянии. Урожайность основных сельхозкультур была даже ниже уровня 1913 г. Если в 1913 г. урожайность зерновых здесь составляла 7,8 ц/га, то в 1959–1963 гг. – только 7,2 ц/га. Наиболее отсталой являлась животноводческая отрасль. Низкая продуктивность скота, кроме недостатков в его содержании и уходе, слабого уровня механизации труда на фермах, объяснялась постоянным его недокормом. В большинстве субъектов зоны, медленно решались вопросы специализации и концентрации животноводства.

¹ *Шевельков Анатолий Иванович*, кандидат исторических наук, Государственный социально – гуманитарный университет, Россия, г. Коломна, Shevelkov51@mail.ru

Как известно, в период 1954–1964 гг. «львиная» доля финансовых и материально-технических средств направлялась на освоение целинных и залежных земель. Более того, значительные трудовые ресурсы для целины, а также сельхозтехника, были направлены из районов Нечерноземья, что наряду с другими причинами увеличило число убыточных хозяйств. Н.С. Хрущев считал, что целина поможет решить зерновую проблему, тратить средства на «осушение болот» в Нечерноземье он считал нецелесообразным. Поэтому аграрная политика государства до 1965 г. здесь преимущественно сводилась к освоению пойменных земель, созданию совхозов овощного и мясо-молочного направления вокруг крупных городов.

С приходом нового руководства страны в октябре 1964 г. сельскому хозяйству региона было уделено больше внимания, а решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС заложили основы новой аграрной политики. Во-первых, были не только установлены твердые планы продажи, но повышены закупочные цены на ряд сельхозкультур. Во-вторых, увеличены объемы финансирования и масштабы мелиоративных работ. В-третьих, укреплена его материально-техническая база. Если в 1961–1965 гг. объем капиталовложений в сельское хозяйство составил 6,3 млрд руб., то в 1966–1970 гг. – 11,7 млрд руб. В 1961–1965 гг. в хозяйства региона поступило 170 тыс. тракторов, в 1966–1970 гг. – 235 тыс. В итоге, основные производственные фонды колхозов и совхозов удвоились, а энерговооруженность труда возросла в 1,9 раза. Все это положительно сказались на росте объемов производства. Среднегодовое производство сельхозпродукции в 1966–1970 гг. увеличилось на 20 %. Однако в целом установленные задания по производству и продаже государству сельхозпродукции не были выполнены.

Неоднократные обращения Совета Министров РСФСР о необходимости принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по подъему сельского хозяйства Нечерноземной зоны были услышаны только в 1974 г., что и положило начало новому этапу в ее развитии. Несмотря на значительные капиталовложения, укрепление материально-технической базы сельского хозяйства зоны, намеченные планы вновь не были реализованы. Проблема

продовольственного обеспечения населения РСФСР не была решена. Причины крылись, прежде всего, в содержании аграрной политики государства, сохранении административно-командных методов руководства сельским хозяйством, низких закупочных ценах на сельхозпродукцию, неэффективном использовании финансов.

Д.С. Орлов¹

**Сельское хозяйство Западной Сибири
во второй половине 1960 – первой половине 1980-х гг.:
тенденции и итоги развития**

Директивное планирование и государственное регулирование являлись основой мобилизационной экономики. Во второй половине 1960-х гг. руководство страны приняло меры по ограничению директивного начала в управлении народным хозяйством, сделав ставку на увеличение капиталовложений и изменение механизма планирования.

Реализация решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС на первых порах имела значительный эффект. В Западной Сибири среднегодовой прирост валовой продукции в 1966–1970 гг. превысил показатели предшествующего периода на 19,9 %. Зерна было произведено на 40 % больше, чем в 1961–1965 гг., мяса – на 22, яиц – на 28 %. Позитивной оставалась динамика развития сельхозпроизводства в 1971–1975 гг. Прирост в аграрном секторе региона составил 11,4 %, а наибольшие темпы прироста были зафиксированы в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях.

Ситуация, сложившаяся в аграрном секторе Западной Сибири во второй половине 1970-х гг., стала приобретать кризисные признаки. Резко сократились темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства. В сельском хозяйстве трех западносибирских регионов (Алтайский край, Кемеровская и Новосибирская области) в 1976–1980 гг. наблюдались отрицательная динамика или стагнация.

¹ *Орлов Дмитрий Сергеевич*, кандидат исторических наук, Алтайская государственная академия образования, Россия, г. Бийск, orlovd2010@mail.ru

Причинами сложившейся ситуации стало фактическое банкротство большинства сельхозпредприятий региона, диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности, несовершенство системы планирования производства и государственных закупок растениеводческой и животноводческой продукции.

В 1981–1982 гг. в условиях двух подряд неурожаев в основных сельскохозяйственных регионах Западной Сибири, вызванных сильной засухой, объем аграрного производства в Сибири в целом сократился на 6,2 %. В СССР в целом производство сельхозпродукции снижалось три года подряд: в 1979, 1980 и 1981 гг.

Кризисная ситуация, сложившаяся в аграрном секторе страны и региона в начале 1980-х гг., требовала принятия срочных мер. В Продовольственной программе СССР 1982 г. предусматривалось осуществить комплекс мероприятий для преодоления кризиса. Предпринятые меры в сочетании с благоприятными погодными условиями привели к позитивным результатам. Показатель прироста валовой продукции в Западной Сибири за годы одиннадцатой пятилетки составил 4,4 %.

Н.А. Серогодский¹

**Основные тенденции
в развитии сельского хозяйства СССР в 1980-е гг.**

В начале 1980-х гг. сельское хозяйство СССР переживало очередной кризис, который выразился в падении темпов роста сельхозпродукции, на фоне постоянного увеличения капиталовложений в аграрный сектор и укрепления его материально-технической базы. Одной из важных причин, которая способствовала снижению темпов роста валовой продукции аграрного сектора экономики в конце 1970-х гг., было усиление неэквивалентности обмена между сельским хозяйством и

¹ *Серогодский Николай Александрович*, доктор исторических наук, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, Россия, serogodskyna@mail.ru

промышленностью, что увеличивало себестоимость продукции сельского хозяйства и негативно сказывалось на финансовом состоянии колхозов и совхозов.

Попыткой комплексного решения проблем агропромышленного производства стало принятие в 1982 г. Продовольственной программы. В ней были намечены меры по укреплению материально-технической базы сельхозпроизводства, а также перерабатывающей промышленности, была поставлена задача значительно улучшить социально-культурный уровень жизни сельского населения, обеспечить население страны продовольствием по научно-обоснованным нормам.

Для повышения мотивации труда сельских тружеников в первой половине 1980-х г. стал повсеместно внедряться коллективный подряд (КП). Отдельные коллективы, перешедшие на новую организацию оплаты труда, добивались хороших результатов, поэтому было решено ввести КП повсеместно. Однако его широкое внедрение требовало решения целого ряда сложных проблем. Прежде всего, из-за недостатка механизаторских кадров было трудно организовать повсеместно стабильные коллективы, а недостаток материально-технических ресурсов не позволял администрации хозяйств обеспечить подрядные коллективы всем необходимым. Сложно было наладить систему оплаты труда, так как ошибки при определении и применении норм оплаты труда часто вели или к неоправданным перерасходам заработной платы, или из-за низкой оплаты труда к снижению заинтересованности сельских тружеников в достижении высоких производственных показателей. В результате, несмотря на перевод большей части бригад и звеньев на новую форму организации и оплаты труда, роста производства сельхозпродукции не произошло, и 11-я пятилетка не была выполнена по целому ряду показателей.

В Продовольственной программе были намечены меры по социальному переустройству села, однако, на практике положение дел в социальной сфере за 11-ю пятилетку не улучшилось, что привело к усилению миграции сельских жителей в города. Для изме-

нения ситуации в сельском хозяйстве необходимы были новые подходы к управлению АПК и использование экономических стимулов для повышения эффективности сельхозпроизводства.

В 1985 г. новое руководство КПСС предприняло шаги по преодолению ведомственности в аграрно-промышленном комплексе (АПК). Был создан единый орган управления агропромышленным производством – Госагропром СССР, который должен был сосредоточить свое внимание на решение основных проблем производства и переработки сельхозпродукции. На уровне краев и областей также создавались единые структуры управления АПК, но, как показал анализ их работы, качественных изменений в методах управления аграрным производством не произошло.

В середине 1980-х гг. в АПК появляется новая форма агропромышленных формирований, в которых интегрировалось производство сельхозпродукции, ее переработка и реализация. Однако недостаток финансовых и материально-технических ресурсов не способствовал созданию значительного количества подобных объединений, и поэтому они не смогли существенно улучшить положение в аграрном секторе экономики страны.

Попытка решить проблему с помощью внедрения на селе арендных отношений давала положительный эффект далеко не во всех хозяйствах. Часто новые формы организации и оплаты труда пытались совместить со старыми командно-административными методами управления. В итоге, несмотря на значительное развитие арендных отношений на селе, реального увеличения производства сельхозпродукции в стране не произошло.

Таким образом, и в 12-й пятилетке не удалось повысить эффективность сельхозпроизводства, несмотря на значительные капиталовложения. Не была решена задача комплексной механизации сельского хозяйства. Не удалось сформировать эффективный хозяйственный механизм, что не позволило добиться устойчивого развития сельского хозяйства. В связи с этим, объективной необходимостью стала радикальная реформа системы ценообразования, финансирования и реализации сельхозпродукции и перевод сельского хозяйства на рыночные пути развития.

В.В. Орлов¹

Национальные и региональные особенности аграрного и демографического развития деревни в Приволжском федеральном округе

Переход к рыночным отношениям, сопровождавшийся процессами деколлективизации и депопуляции, сказался многопланово на процессах аграрного освоения и демографического развития Приволжского федерального округа (ПФО). На селе наблюдается ухудшение качества природного капитала: сокращение посевных площадей и поголовья скота, деградация почвенного плодородия, загрязнение воды и обеднение видового разнообразия на фоне роста числа заброшенных населенных пунктов и снижения жизненного уровня населения. Фактически деревня в ПФО, за исключением наиболее развитых субъектов, таких как Республика Татарстан, Саратовская и Нижегородская области, стала местом концентрации пенсионеров и лиц пожилого возраста с низкими доходами и запросами. Подобная ситуация обусловлена декларативностью многих государственных программ развития сельского хозяйства и механизмов их реализации. При этом основными выгодополучателями бюджетных расходов на поддержку АПК являются крупные отечественные банки, а не непосредственные производители сельхозпродукции.

По состоянию на конец 2013 г. степень износа основных фондов в сельском хозяйстве субъектов ПФО составляла в среднем 35 %, а в Пермском крае, Оренбургской и Самарской областях – свыше 40 %. В большинстве субъектов региона, за исключением развитых, в течение длительного времени сохраняется тенденция значительного отставания уровня оплаты труда в сельском хозяйстве по сравнению с ее уровнем в промышленности. В результате в деревне растет доля лиц, живущих за чертой бедности. Значительная часть сельского населения не в состоянии приобрести даже минимальный набор продуктов

¹ Орлов Виталий Владимирович, доктор исторических наук, Институт государственного администрирования, Россия, г. Москва, orlov.stolica@mail.ru

питания, входящий в состав потребительской корзины. В национальных республиках Марий-Эл, Мордовия и Чувашия наблюдается серьезное отставание от общедолевого уровня по таким значимым показателям, как ВРП на душу населения, среднедушевые денежные доходы населения, число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения.

Дискуссионным является вопрос об институциональной базе развития аграрного сектора экономики. В 1990-е гг. основу выживания сельского хозяйства региона составляли ЛПХ, а после стали проявляться преимущества крупного производства. Сельскохозяйственные организации занимают наибольшую долю в производстве мяса и молока в республиках Марий-Эл и Мордовия, Нижегородской, Кировской, Пензенской областях, Пермском крае. Однако они зависят от поставок зарубежной техники и технологий, и в последние годы острее ощущают на себе последствия антироссийских санкций и ответных защитных мер, что ведет к свертыванию их инвестиционных программ и удорожанию продукции. В то же время в Саратовской и Оренбургской областях, в Республике Башкортостан традиционно высока доля хозяйств населения в производстве мяса (57–70 %), а также молока, включая Чувашью (62–79 %). Такая ситуация с производством основных сельскохозяйственных продуктов актуализирует развитие многоукладной экономики на селе.

Для региона насущной является необходимость модернизации аграрного сектора экономики, увеличения воспроизводства продовольствия, сырья и занятости на отечественной природной, технической и кадровой основах, создание условий для сельхозпроизводителей по реализации продукции, покрывающих не только ее себестоимость, но и дающих возможность получения прибыли. Однако эти проекты практически обречены на провал при отсутствии у большинства сельхозпредприятий финансово-хозяйственных возможностей для расширенного воспроизводства, при низком платежеспособном спросе населения, неконтролируемом росте цен на продукты питания, оторванных от динамики затрат на производство сельхозпродукции.

В целом, аграрный сектор экономики региона еще не полностью справляется с задачами устойчивого обеспечения потребностей в продовольствии различных групп населения, эффективного хозяйственного освоения сельских территорий, наращивания их демографического и трудового потенциала, повышения конкурентоспособности сельхозпроизводителей на внутреннем рынке и обеспечение их финансовой устойчивости. Этим обуславливается необходимость усиления государственной поддержки аграрного сектора экономики, направленной на рациональное использование земельных, трудовых и капитальных факторов сельскохозяйственного производства.

И.В. Логунова¹

**Изменения кадрового состава сельхозпредприятий
в условиях аграрной реформы 1990-х – середины 2000-х гг.
(на материалах Центрального Черноземья)**

В период аграрной реформы 1990-х – середины 2000-х гг, несмотря на распространение фермерства, основную часть занятого сельскохозяйственного населения продолжали составлять лица, работавшие на сельскохозяйственных предприятиях. Их кадровый состав включает в себя пять групп: руководители высшего и среднего звена, специалисты, квалифицированные и неквалифицированные работники. Социально-демографический анализ каждой из указанных групп позволил выявить негативные тенденции, сложившиеся в профессионально-квалификационном составе работников сельхозпредприятий в пореформенный период.

Руководители сельскохозяйственных предприятий. Численность данной группы имела незначительный рост, объясняемый увеличением количества сельхозпредприятий, появившихся в ходе реорганизации колхозов и совхозов. С 1995 до 2000 г. число

¹ *Логунова Инна Викторовна*, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, Россия, inna.logunova12@gmail.com

руководителей возросло на 3,3 % в целом по стране и на 2 % – в Центральном Черноземье.

Среди руководителей преобладали лица старше 50 лет. В Липецкой области в 2006 г. их доля составила 41,3 % (в крупных и средних предприятиях) и 30,8 % (в малых предприятиях), тогда как число молодых руководителей ограничилось 1,4 и 7,7 % соответственно.

В период с 1991 по 2003 г. в России доля руководителей, имевших высшее образование, сократилась с 86 % до 69 % (среди них лишь 7 % не имели специального сельскохозяйственного образования). При этом общий образовательный уровень руководителей оставался довольно высоким. В 2003 г. в Тамбовской области удельный вес руководителей сельхозпредприятий, имевших высшее образование, равнялся 70 %. Имела место частая сменяемость руководящих кадров. В годы реформы среди руководителей сельхозпредприятий возросло количество практиков: с 4 до 7 %.

Руководители среднего звена (управляющие отделениями и фермами сельхозпредприятий, управляющие сельскохозяйственными участками / бригадиры). В 1990-е гг. произошло резкое сокращение численности руководителей среднего звена на 27 %. Основной причиной этого стало произошедшее в ходе реорганизации разукрупнение сельхозпредприятий. Кроме того, отток представителей данной категории происходил еще по нескольким каналам: одни организовали фермерские хозяйства; другие в поисках лучшей жизни уехали в город (прежде всего, это касалось лиц с высшим образованием); третьи, оставшись в сельской местности, покинули сельхозпредприятия и занялись предпринимательской деятельностью.

Уровень образования руководителей среднего звена был невысоким. Около половины из них (46–49 %) составляли лица, имевшие среднее профессиональное образование. Доля руководителей среднего звена с высшим образованием была невелика и колебалась в пределах 17–18 %. Доля практиков среди руководителей среднего звена составила 36–37 % и оказалась самой высокой среди остальных групп.

Специалисты сельхозпредприятий. В пореформенное десятилетие в России произошло существенное (на 40 %) сокращение численности данной группы. Имели место негативные изменения возрастной структуры данной группы. В период с 1994 по 1998 г. в России доля молодых специалистов снизилась с 14,6 % до 12,6 %, в то время как доля лиц в возрасте старше 50 лет увеличилась с 3,2 % до 4,6 %. Уровень образования группы специалистов оставался довольно высоким и стабильным и составлял 88 %. Доля практиков в общей численности специалистов по сравнению с руководителями среднего звена была невелика и составляла 11–12 %.

Квалифицированные работники. В период с 1990 по 2002 г. в России произошло обвальное сокращение численности квалифицированных рабочих кадров всех профессий. Численность трактористов-машинистов уменьшилась в 2,3 раза (на 57 %), работников животноводства – в 3,4 раза (на 70 %). Имела место высокая текучесть квалифицированных рабочих кадров. Пути оттока кадров данной группы были те же, что и у руководителей и специалистов сельхозпредприятий.

Самой многочисленной в структуре механизаторских кадров оказалась возрастная группа от 31 до 55 лет. В 1996 г. ее доля составляла 63,6 %, а к 2001 г. она возросла до 69,7 %. За годы реформы численность квалифицированных работников, имевших начальное профессиональное образование, сократилась более чем в два раза.

Неквалифицированные работники. С 1990 по 2002 г. количество неквалифицированных работников сократилось в 1,9 раза (на 48 %). Причинами сокращения стали: уход части работников в фермеры; демографический фактор (соотношение работающих и пенсионеров в сельхозпредприятиях Тамбовской области в начале 1990-х гг. составляло 1:1, а к 2000 г. – 1:3 или 1:4); низкая трудовая дисциплина (в 2001 г. более 80 % всех увольнений постоянных работников происходило по причинам прогулов и пьянства). Низкая трудовая дисциплина стала также причиной частой сменяемости кадров.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

<p>Акманов А.И. 45
 Акманов И.Г. 48
 Акъюлов А.С. 91
 Александров Н.М. 112
 Алиева Л.В. 118
 Алмаев Р.З. 218
 Андреевков С.Н. 230
 Антонов Д.А. 9
 Артамонова Л.М. 79</p> <p>Бабашкин В.В. 196
 Безгин В.Б. 130
 Белова И.Б. 120
 Беляков А.В. 26
 Берлов А.В. 184
 Бершадская О.В. 201
 Будкина Ю.Б. 127
 Букалова С.В. 120
 Буканова Р.Г. 39</p> <p>Галлямова А.Г. 225
 Глазьев В.Н. 29
 Гневашев Д.Е. 50
 Голубев А.В. 206
 Голубев В.Ф. 23
 Голубинский А.А. 88
 Гончарова И.В. 196
 Горбачев О.В. 178
 Грязнов А.Л. 21</p> <p>Дегтярев А.Я. 98
 Дмитриева З.В. 31
 Довнар А.Б. 34
 Дубман Э.Л. 61
 Дусмухаметов Ф.А. 48</p> <p>Зайтунов Р.Б. 45
 Зулькарнаев М.М. 75</p> <p>Иванов А.А. 199
 Иванов А.Г. 82</p> | <p>Ильиных В.А. 170</p> <p>Кабирова А.Ш. 211
 Кабыгтов П.С. 147
 Кабытова Н.Н. 173
 Камараули Е.В. 52
 Канищев В.В. 107
 Карпачёв М.Д. 144
 Ковалев Д.В. 149
 Ковалева Н.А. 186
 Козлова Н.В. 72
 Кознова И.Е. 176
 Комиссаренко А.И. 70
 Корнилов Г.Е. 165
 Кудюкина М.М. 208
 Кухаренко А.А. 116</p> <p>Лапердин В.Б. 213
 Логунова И.В. 243</p> <p>Мазур Л.Н. 168
 Манькова И.Л. 58
 Мизис Ю.А. 63
 Мийманбаева Ф.Н. 159
 Михайлюк А.В. 125
 Михальченко С.И. 101
 Мударисов Р.З. 93</p> <p>Назаров В.Д. 12
 Наухацкий В.В. 220
 Никулин В.Н. 151
 Новожилов А.Г. 181</p> <p>Орлов В.В. 241
 Орлов Д.С. 237</p> <p>Панова В.И. 40
 Полх П.П. 215</p> <p>Ратушняк В.Н. 122
 Роднов М.И. 114</p> | <p>Рынков В.М. 162</p> <p>Саблин В.А. 189
 Сафонов Д.А. 154
 Свердлов М.Б. 6
 Селунская Н.Б. 109
 Семерикова О.М. 132
 Серогодский Н.А. 238
 Сидоренко Т.Н. 134
 Синчина Е.В. 137
 Смирнов Ю.Н. 86
 Смурова О.В. 142
 Соколова Н.В. 18
 Соловьев А.А. 139
 Степанова Л.Г. 36
 Сулейманова Р.Н. 222</p> <p>Тан Яньфэн 104
 Тимошенкова З.А. 65
 Токарев Н.В. 130
 Томилин В.Н. 232</p> <p>Усольцева О.В. 228</p> <p>Фаткуллин И.З. 48
 Филимонов В.Я. 193
 Фролов А.А. 15</p> <p>Хазиев Р.А. 191
 Ханипова И.И. 203
 Хитров Д.А. 84</p> <p>Черкасова М.С. 56
 Черненко Д.А. 96
 Черников С.В. 77
 Чеченков П.В. 43</p> <p>Шайхисламов Р.Б. 67
 Шаяхметов Ф.Ф. 156
 Швейковская Е.Н. 3
 Шевельков А.И. 235</p> |
|--|---|--|

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ Киевская Русь – середина XIX в.

Е.Н. Швейковская

О константных признаках демографического и земледельческого развития в России в средневековье и новое время 3

М.Б. Свердлов

Государство и сельская община в аграрном освоении земель на Руси X–XII вв. . . . 6

Д.А. Антонов

Условия и особенности сельского освоения заволжских волостей Нижегородского Поволжья в XIII–XVI вв. 9

В.Д. Назаров

Формы и виды земельной собственности как факторы внутренней колонизации (XV – середина XVI в.) 12

А.А. Фролов

Поселенческие структуры XV–XVIII вв.: от картографирования к анализу . . . 15

Н.В. Соколова

Церковь/монастырь как полиморфный маркер сельского расселения (на материалах Нижегородского Поволжья XV – первой четверти XVII в.). . . . 18

А.Л. Грязнов

Структура землевладения в Белозерском крае в XV в. и внутренняя колонизация региона 21

В.Ф. Голубев

Великая аграрная реформа (волочная помера) XVI в. – первая попытка комплексного регулирования земельно-имущественных отношений и колонизационных процессов на территории Беларуси 23

А.В. Беляков

Восточная Мещера рубежа XVI – XVII вв: специфика расселения и хозяйственной деятельности татар и мордвы 26

В.Н. Глазьев

Государственное воздействие на аграрное освоение Центрального Черноземья в конце XVI – первой половине XVII в. 29

<i>З.В. Дмитриева</i> Государственная и вотчинная политика в аграрном и демографическом развитии крупной монастырской вотчины (XVI–XVII вв.)	31
<i>А.Б. Довнар</i> Включение в хозяйственный оборот необрабатываемых земель в Беларуси в XVI–XVIII вв.	34
<i>Л.Г. Степанова</i> Качество земли как фактор аграрного освоения территории в XVI–XVIII вв.	36
<i>Р.Г. Буканова</i> Аграрная периферия русских крепостей на Южном Урале в XVI–XVII вв.	39
<i>В.И. Панова</i> Особенности освоения и заселения русских земель Донского левобережья (бассейнов Битюга и Икорца) в XVI – первой четверти XVIII в.	40
<i>П.В. Чеченков</i> Аграрное развитие Нижегородского края в 70-х годах XVI в.	43
<i>А.И. Акманов, Р.Б. Зайтунов</i> История развития башкирского землевладения во второй половине XVI – начале XX вв. – уникальный опыт взаимодействия Российского государства и башкирского общества	45
<i>И.Г. Акманов, Ф.А. Дусмухаметов, И.З. Фаткуллин</i> Развитие хозяйства башкир во второй половине XVI – первой половине XVIII в.	48
<i>Д.Е. Гневашев</i> Массовые поместные раздачи в Вологодском уезде в 1613 г.	50
<i>Е.В. Камараули</i> «Живущее» и «пустое» в Воронежском уезде по данным писцовой книги 1627–1629 гг.	52
<i>М.С. Черкасова</i> Вопросы демографии и расселения на севере России через призму нетрадиционных источников (середина XVII в.)	56
<i>И.Л. Манькова</i> Демографические процессы в вотчинах монастырей Восточного Урала по переписным книгам 1678 и 1680 гг.	58

<i>Э.Л. Дубман</i>	
Перевод служилых людей в Азов и другие города европейского Юго-Востока в конце XVII в. и изменения в структуре землевладения и социальном составе населения пограничных уездов Среднего Поволжья	61
<i>Ю.А. Мизис</i>	
Социально-психологические процессы на территории южно-русского фронта в период заселения в XVII в.	63
<i>З.А. Тимошенко</i>	
Карелы в вотчине Иверского монастыря: социальный статус, динамика расселения.	65
<i>Р.Б. Шайхисламов</i>	
Крестьянское население Южного Урала в период аграрного освоения региона (в XVII – середине XIX в.)	67
<i>А.И. Комиссаренко</i>	
Миграционные процессы на Вятке в первой половине XVIII в.	70
<i>Н.В. Козлова</i>	
Отставные воины и правительственная программа хозяйственного освоения земель Юга Европейской России и Сибири в XVIII в.	72
<i>М.М. Зулъкарнаев</i>	
Вопросы продовольственного обеспечения Оренбургской экспедиции в 1734–1735 гг. как фактор определения состояния земледелия в крае	75
<i>С.В. Черников</i>	
Населенность и размещение вотчинного фонда правящей элиты России в середине XVIII столетия (по материалам III ревизии)	77
<i>Л.М. Артамонова</i>	
Наказы депутатам государственных крестьян в Уложенную комиссию Екатерины II как источник по заселению и аграрному освоению Заволжья и Приуралья в XVIII в.	79
<i>А.Г. Иванов</i>	
Марийские припущенники на башкирских землях (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.)	82
<i>Д.А. Хитров</i>	
Хозяйственное освоение и формирование новых административно-территориальных единиц в ходе губернской реформы 1775 г. на юге Европейской России	84

Ю.Н. Смирнов

О влиянии религиозных и внешнеполитических факторов на крестьянскую колонизацию юго-востока Европейской России: селения и «палестины» Иргиза в XVIII в. 86

А.А. Голубинский

Пожары как фактор демографии сельских поселений и городов России XVIII в. – сравнительно-исторический аспект 88

А.С. Акьюлов

Демографическая ситуация в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. и ее влияние на состояние земледелия в крае 91

Р.З. Мударисов

Особые правовые нормы землевладения башкир в первой половине XIX в. 93

Д.А. Черненко

Сельское расселение во Владимирской губернии в середине XIX в. по статистическим и картографическим материалам 96

А.Я. Дегтярев

Проблемы сельского расселения и аграрной истории в трудах академика М.К. Любавского (к историографии вопроса) 98

С.И. Михальченко

В.Б. Антонович и его школа о роли общинного начала в истории Руси. 101

Тан Яньфэн

Историография проблемы крепостного права в России в работах китайских ученых 104

**ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ II СЕКЦИИ
Вторая половина XIX – начало XX в.**

В.В. Канищев

Демографический переход в российском аграрном обществе второй половины XIX – первой трети XX в.
Современные методы исследования 107

Н.Б. Селунская

Демографические процессы и социальное развитие пореформенной российской деревни в пространственно-временной перспективе (Методологические аспекты исследования) 109

<i>Н.М. Александров</i> Демографические факторы социально-экономического развития пореформенной деревни (на материалах Верхнего Поволжья)	112
<i>М.И. Роднов</i> Проблема избыточности трудовых ресурсов в районах фермерского хозяйства России начала XX в.	114
<i>А.А. Кухаренко</i> Роль белорусских отделений Крестьянского поземельного банка в переселенческой политике правительства Российской империи	116
<i>Л.В. Алиева</i> Крестьянская поземельная община Северо-Запада России начала XX в. как субъект реализации экологической функции.	118
<i>И.Б. Белова, С.В. Букалова</i> Демографические процессы в Орловской губернии в годы Первой мировой войны: город и село	120
<i>В.Н. Ратушняк</i> Крестьянская колонизация Кубани в последней четверти XIX – начале XX в. и ее роль в аграрно-капиталистической модернизации края	122
<i>А.В. Михайлюк</i> Аграрное перенаселение как фактор кризиса сельского хозяйства в Российской империи в начале XX в.	125
<i>Ю.Б. Будкина</i> Переселенческое движение крестьян Рязанской губернии (по материалам исследования В.Н. Григорьева).	127
<i>В.Б. Безгин, Н.В. Токарев</i> Обратное переселение тамбовских крестьян в период столыпинских преобразований	130
<i>О.М. Семерикова</i> Особенности миграционных процессов в уральской деревне (Вятская и Пермская губернии) во второй половине XIX в.	132
<i>Т.Н. Сидоренко</i> Влияние миграционных процессов на развитие аграрного производства и сельскохозяйственной кооперации Кубани в пореформенный период	134

Е.В. Синчина

Роль турецких переселенцев в развитии табаководства
Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. 137

А.А. Соловьев

Кризис трехполья и аграрные переселения
в Марийском крае в конце XIX – начале XX в. 139

О.В. Смурова

Демографические аспекты отхода крестьян на заработки в столицу
(XIX – начало XX в.) 142

М.Д. Карпачёв

Русская крестьянская община и государство:
социальные истоки конфликта в начале XX в. 144

П.С. Кабытов

Специфика реализации столыпинской аграрной реформы
на юго-востоке Европейской России 147

Д.В. Ковалев

Эволюция общинного землепользования
в подмосковной деревне конца XIX – начала XX в. 149

В.Н. Никулин

Аренда в землепользовании крестьянских и помещичьих хозяйств
Псковской губернии во второй половине XIX в. 151

Д.А. Сафонов

«Башкирские земли» как локальный фактор
аграрного освоения южноуральского региона 154

Ф.Ф. Шаяхметов

Реформа башкирского землевладения
в контексте Великих реформ XIX в. 156

Ф.Н. Мийманбаева

Социально-экономическая характеристика хозяйств
крестьян-старожилов в Семиречье. 159

В.М. Рынков

Факторы сдерживания зернового хозяйства Сибири
в первой четверти XX в. 162

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ III СЕКЦИИ
1917 г. – современность

Г.Е. Корнилов

Демографические катастрофы в XX в. на Урале 165

Л.Н. Мазур

Демографические катастрофы как фактор эволюции
сельских поселений в России в XX веке: теоретические подходы 168

В.А. Ильиных

Отраслевая структура сельского хозяйства Западной Сибири в XX в. 170

Н.Н. Кабытова

Крестьянская семья в интерьере советской эпохи 173

И.Е. Кознова

Российская деревня как «место памяти» 176

О.В. Горбачев

Аграрное переселение из Белоруссии на Средний Урал
в первой половине XX в.: эволюция форм и динамика 178

А.Г. Новожилов

Демографические процессы в зоне сельского расселения финно-угорских
народов Северо-Запада РСФСР в 1920–1980-е гг.: общее и особенное 181

А.В. Берлов

Демографические процессы в сельской России
в 1917–1940 гг. в оценках ученых русской эмиграции 184

Н.А. Ковалева

«Разбитые иллюзии» крестьянства: социально-демографические
последствия «аграрной революции» 1917–1922 гг. в Украине 186

В.А. Саблин

Переселение крестьян северных губерний России на Дон в 1919 г.
как элемент политики «расказачивания». 189

Р.А. Хазиев

Национально-региональная специфика революционизированного
освоения уральской деревни в 1917–1921 гг. 191

В.Я. Филимонов

Социально-демографические связи города и деревни в 1920-е гг. 193

<i>В.В. Бабашкин, И.В. Гончарова</i>	
Эволюция взаимодействия крестьянского двора и коллективных хозяйств в 1920 – начале 1930-х гг.	196
<i>А.А. Иванов</i>	
Крестьянский двор доколхозной деревни Марийской автономной области в «зеркале» социально-демографических процессов.	199
<i>О.В. Бершадская</i>	
Сельская колонизация как метод аграрного освоения Черноморского округа в 1920-е гг.	201
<i>И.И. Ханипова</i>	
Детская смертность в Татарской АССР в 1920–1930-е гг.	203
<i>А.В. Голубев</i>	
Настроения красноармейцев-переселенцев на Северный Кавказ в 1933 г.	206
<i>М.М. Кудюкина</i>	
Материально-бытовое обеспечение переселенцев на Северный Кавказ в 1933–1934 гг.	208
<i>А.Ш. Кабирова</i>	
Влияние демографических процессов на состояние трудовых ресурсов в аграрном производстве Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны.	211
<i>В.Б. Лапердин</i>	
Социально-демографические последствия голода 1946–1947 гг. в сельской местности Западной Сибири.	213
<i>П.П. Полх</i>	
Учет сельского населения Калининградской области региональными структурами управления сельским хозяйством в послевоенный период: цели и организация.	215
<i>Р.З. Алмаев</i>	
Социальная политика государства и особенности материально-бытового положения сельских учителей Южного Урала в 1945–1970 гг.	218
<i>В.В. Наухацкий</i>	
Государственная аграрная политика, модернизация сельского хозяйства и сельское население России во второй половине XX – начале XXI в.	220

<i>Р.Н. Сулейманова</i>	
Демографические процессы в советской деревне в 1950–1980-е гг.: региональные особенности, противоречия	222
<i>А.Г. Галлямова</i>	
Сельское население Татарской АССР в районах поздней урбанизации 1950–1980-е гг.	225
<i>О.В. Усольцева</i>	
Миграции сельского населения Томской области в 1950–1980-е гг.	228
<i>С.Н. Андреенков</i>	
Зерновые совхозы на целинных землях востока СССР в середине 1950-х гг. . .	230
<i>В.Н. Томилин</i>	
Социальные последствия аграрных реформ Н.С. Хрущева	232
<i>А.И. Шевельков</i>	
Эффективность сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1950–1970-е гг.	235
<i>Д.С. Орлов</i>	
Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960 – первой половине 1980-х гг.: тенденции и итоги развития	237
<i>Н.А. Серогодский</i>	
Основные тенденции в развитии сельского хозяйства СССР в 1980-е гг.	238
<i>В.В. Орлов</i>	
Национальные и региональные особенности аграрного и демографического развития деревни в Приволжском федеральном округе	241
<i>И.В. Логунова</i>	
Изменения кадрового состава сельхозпредприятий в условиях аграрной реформы 1990-х – середины 2000-х гг. (на материалах Центрального Черноземья).	243
Указатель авторов	246

Научное издание

**АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ X-XXI вв.**

XXXV СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Тезисы докладов и сообщений

Ответственный редактор
Швейковская Елена Николаевна

Подписано в печать 12.05.2016. Формат 60x84¹/₁₆
Усл. печ. л. 14,88. Тираж 100 экз. Заказ